Державний
історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську

Святогірський альманах

2009

Збірка наукових праць

Державний
історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську

Святогірський альманах
2 0 0 9

Збірка наукових праць

І. Археологічні дослідження.

ІІ. Історичні та пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство.

ІІІ. До 75 річчя Святогірського краєзнавчого музею.

Донецьк
2009

ББК 86.372.24
С.25

Святогірський альманах 2009 Збірка наукових праць.
КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську».
Донецьк. Журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – 208 с.

Редакційна колегія

Добров П. В. – докт. істор. наук, проф. (гол. редактор)
Колесник О.В. – канд. істор. наук, доцент (заст. гол. редактора)
Єрхов Р.П. – докт. істор. наук, проф.
Нікольський В.М. – докт. істор. наук, проф.
Пірко В.О. – докт. істор. наук, проф.
Крапівін О.В. – докт. істор. наук, проф.
Темірова Н.Р. – докт. істор. наук, проф.
Дєдов В.М. – редактор-упорядник

В збірці «Святогірський альманах 2009» публікуються результати наукових досліджень останнього часу, які присвячені історико-культурній спадщині Святогірського історичного ареалу в Донецькій області та окремим об'єктам культурної спадщини України.

До збірки залучені статті, повідомлення науковців Державного історико-архітектурного заповідника, інших музейних і наукових закладів Донецької та Харківської областей, м. Києва, м. Львова.

Рекомендовано до друку Науковою радою КЗ «Державний історико-архівний заповідник у м. Святогірську», протокол № 3 від 25. 12. 2009 р.

ISBN 5 – 7740 – 0853 – 3

© КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник
у м . Святогірську», 2009

Вступ

Проведення в травні 2005 року Всеукраїнської науково – практичної конференції по проблемах збереження культурної спадщини України на базі Державного історико-архітектурного заповідника в м. Святогірську дало поштовх до подальшого вивчення історико – культурної спадщини Донецького регіону.

В 2006 – 2009 рр. був проведений комплекс науково-дослідних робіт в межах території середньої течії Сіверського Дінця – Святогірського історичного ареалу. Ядром ареалу є пам'ятки історії та культури Святогірського Успенського монастиря XVII – XIX століть, оголошені в 1980 році історико – архітектурним заповідником. Результати наукових досліджень 2006-2008 рр. опубліковані в трьох щорічних збірках Святогірський альманах 2006; 2007; 2008. Назва збірки відображає мету редакційної колегії – якомога ширше охопити спектр наукових інтересів стосовно такого унікального явища в природному та історико-культурному просторі України як Святі Гори на Сіверському Дінці.

В 2009 році тематика досліджень була розширена. Традиційні розділи наукової збірки, що оприлюднюють результати археологічних, історичних, пам'яткоохоронних досліджень доповнені роботами з історії музейної справи і матеріалами, присвяченими 75 річчю Святогірського краєзнавчого музею (1934 – 1941 рр.)

В нову збірку наукових праць «Святогірський альманах 2009» залучені 19 статей та повідомлень 23 авторів – науковців Державного історико – архітектурного заповідника, Донецького національного університету, Донецького обласного краєзнавчого і Харківського історичного музеїв, інших науково-дослідних, музейних та учбових закладів України. Більшість авторів є випускниками або викладачами історичного факультету Донецького національного університету, тому зовсім невипадково редакційна колегія представлена професорсько-викладацьким складом означенного факультету на чолі з деканом, доктором історичних наук, професором П.В. Добровим.

Наукові матеріали друкуються на мові рукописів, наданих автора-ми.

Від імені редакційної колегії висловлюю вдячність авторам, які надали свої наукові здобутки останнього часу в цю збірку.

Редактор – упорядник збірки,
директор КЗ «Державний історико-архітектурний
заповідник в м. Святогірську»

В.М. Дєдов

Зміст

Вступ 3

Розділ I
Археологічні дослідження

Голубєва І.В.
Цареборисівська фортеця: результати та перспективи археологічних досліджень 8

Давиденко В.В., Гриб В.К.
О находке мелового антропоморфного рельефа в г. Святогорск 17

Колесник А.В., Коваль Ю.Г.
Кремневый клад из пос. Донецкий Славянского района 22

Кравченко Э.Е.
Раннемусульманские некрополи в среднем течении Северского Донца (к вопросу о путях проникновения восточных культурных традиций на территорию Хазарии) 36

Снежко И.А.
История открытия позднепалеолитических памятников Изюмщины 49

Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П.
Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца 56

Розділ II
Історичні та пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство.

Дедов В.Н.
Летописный источник о походе 1111 г. древнерусских князей на половцев (опыт исследования сакральных текстов) 62

Дєдова Я.Д.
Ефективність використання «культурних ресурсів» Святогірського заповідника в науково-просвітницькій роботі..... 98

Духін О.Й., Кіркач Г.М.
Святогірські пейзажі С.Васильківського та О.Гіне 106

Дутка І.І.
Вплив культурної цінності об'єктів нерухомості на їх майнову вартість. (на прикладі монастиря с. Завалля Борівського району Тернопільської області) 115

Кондратьев А.В.
Новые памятники казацкого периода в районе села Богородичное Славянского района 121

Лыганова Л.А. Гончарные горны конца XIX — начала XX столетия: конструктивные особенности..... 126

Татаринов С.Й.
Ієрархи церкви — історики Катеринославської губернії та Новоросії.(забуті імена)..... 147

Шалаєва Н.Г.
Святогірський Успенський монастир XIX ст. в літографіях Поль —Пети і картинах В.І. Зарубіна.
(маловідомі твори XIX — поч. XX ст.)..... 151

Шарабан С.С., Поляцкова Н.В.
Досвід збереження та реставрації живопису в Святогірському історико-архітектурному заповіднику 163

Розділ III
До 75-річчя Святогірського краєзнавчого музею.

Колесник А.В.
Н.В. Сибилев и С.Н. Одинцова: грани одной судьбы 179

Соляник А.А.
Материалы о деятельности Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой в фондах Святогорского историко-архитектурного заповедника 189

Шарабан С.С., Мушка Е.О.
Археологічна колекція М.В. Сібільова в фондах Святогірського історико-архітектурного заповідника 194

Додаток

Сибилев Н. Артемогорский краеведческий музей (друкується по: Советская этнография, 1935, № 3 с. 119 — 121) 202

Свідчення про авторів 207

Розділ І
Археологічні дослідження

Голубєва І.В.

Цареборисівська фортеця: результати та перспективи археологічних досліджень

Фортеця розташована на правому корінному мисі ріки Оскіл, біля впадіння річки Бахтин. Мис із всіх боків перерізаний крупними ярами внаслідок ерозії ґрунту, схили засаджені деревами. Городище перетинає широка ґрунтова дорога (для сільськогосподарської техніки). Фортеця має дві захисні лінії укріплень (система ріввал), отже ділиться на дитинець і посади. Поверхня дитинцю повністю задернована (не враховуючи оголення внаслідок прокладки зазначеної ґрунтованої дороги). Поверхня посаду А наполовину розорана внаслідок сільськогосподарських робіт, з цих же причин друге коло укріплень ледь помітне і практично знівельоване. Посад Б повністю знаходиться під лісом.

Вперше фортеця була збудована за наказом та на честь царя Бориса Годунова воєводами Богданом Бєльським та Семеном Алфер'євим в 1599 році посеред «Дикого поля» [Багалей, 1886, с. 32]. Цареборисівці підтримали селянську війну під проводом Івана Болотникова (1606-1607 рр.) [Смирнов, 1951, с. 405]. Після великої пожежі (сліди якої фіксуються археологічно) [Голубєва, 2005], мешканці залишили фортецю та пішли в Білгород і Валуйки. Городище обезлюділо. В 50-х роках XVII ст. починається переселення на городище вільних груп черкас. Цар Олексій Михайлович «пожаловал» Цареборисівське городище патріарху Никону і в 1656 році була відбудована рублена з сосни фортеця. Цареборисівці підтримали повстання І. Брюховецького 1668 року, спалили місто і вбили наказного чоловіка Бориса Мосолова [Загоровский, 1980, с. 59]. Восени 1670 року населення Цареборисова брало активну участь у повстанні Степана Разіна. Розправа з повстанцями була жорстокою, активних учасників повстання було страчено на майдані (в тому числі названу матір С. Разіна — Матрену Говоруху та її сина Якова), інші — приведені до присяги. Після виникнення Ізюмського полку в середині 80-х років Цареборисів входив до нього як сотенне містечко. В 1680 та 1681 роках згадуються татарські набіги. В описі Цареборисова 1683 року відмічається, що дерев'яна фортеця була занадто великою і тому «к осадному времени для малолюдства в том же городе, внутре, зделан малой городок» [Загоровский, 1980,

с. 61]. Чума в Цареборисові згадується в 1718-1719 та 1738 рр. [История городов...,1976, с. 405].

Цареборисівське городище є пам'яткою історії (охоронний номер 971, взято під охорону держави рішенням Харківського облвиконкому № 61 від 25.01.1972 р.), в адміністративному відношенні воно підпорядковане Червоноооскільській сільраді Ізюмського району Харківської області (біля с. Червоний Оскіл). Слід також зазначити, що охоронний знак у вигляді пам'ятки з цегли встановлено помилково далеко за межами фортеці, на полі. Крім того, з нього зірвана табличка. Вважаємо за необхідне встановити охоронний знак перед в'їздом та безпосередньо на території городища, а також занести дану пам'ятку до реєстру пам'яток археології, оскільки, як довели археологічні дослідження, вона містить цікавий речовий матеріал, що може доповнити та конкретизувати наші знання щодо козацької доби та одержати нову інформацію по цьому періоду. На наш погляд, Цареборисівська фортеця заслуговує бути включеною до пам'яток археології національного значення.

Археологічні дослідження фортеці під керівництвом автора тривають з 2004 року [Голубєва, 2005; Голубєва, 2005а; Голубєва, 2007; Голубєва, 2008; Голубєва, 2009]. За цей час зібрано характерний речовий матеріал на розораній площі посаду, розкопано більше тисячі кв.м. (на дитинці та посадах).

Аналіз отриманих під час археологічних досліджень фортеці речей та, насамперед, нумізматики дозволяє діяти висновку по-перше, про існування двох періодів функціонування Цареборисова (перший, 1599 — 1604/1605 рр., переселенці з Московської держави; другий, 50-ті — 70-ті рр. XVII ст., переселенці з Правобережної України), подруге, про те, що після подій кінця XVII ст. мешканці більше не повертались жити на територію городища, а оселились поряд, на місці розташування сучасного села Червоний Оскіл.

В ході сучасних археологічних досліджень виявлено житлові, виробничі та господарські споруди. Слід окремо відмітити, що житла переселенців з Московської держави представлені землянками, що були обшиті дошками (Рис. 1); а житла переселенців з Правобережної України уявляють собою наземні споруди з підклітами (Рис. 2). Крім того, знайдено також залишки лазні першого періоду, що належала московітам.

Побутова кераміка першого періоду функціонування фортеці належить переселенцям з Московської держави і представлена пе-

реважно горщиками московського типу (Рис. 3: 10-15). Серед них слід відмітити цілі форми, що були знайдені в житлі-землянці часів Бориса Годунова. Під час спалення фортеці на початку XVII ст. (ймовірно — в 1605 році) дах землянки згорів і завалився. Падаючи, останній зачепив великий за розмірами сіроглиняний гончарний горщик московського типу, що стояв в ніші житла. Горщик тріснув, проте ще два подібних горщики, але менші за розмірами, що, один в одному, розміщувались в великому, збереглись цілими.

Побутова кераміка черкаського типу другого періоду існування Цареборисова (Рис. 3: 1-9) представлена більшою кількістю категорій: це частини горщиків, глечиків, мисок, полумисків, покришок, макітер та кринок. За характером декорування поверхні їх можна поділити на дві великі групи (за виключенням окремих примірників): це димлений (морений) посуд (сірого або чорного кольору) з рельєфним орнаментом, що наносився за допомогою зубчастого коліщатка або палички та світло-глиняний посуд, розписаний червоним ангобовим орнаментом.

Архітектурно-декоративна кераміка переважно представлена окремими уламками виробів, проте деякі з них піддаються графічній реконструкції (Рис. 4).

Серед знарядь праці слід відмітити знахідки залізних ножів, ложкорізів, пробійників, долота, свердла, кінських вудил, цвяхів. У великій кількості виявлені залізні підкови, переважно другої половини XVII століття.

На території фортеці і в розкопах виявлено свинцеві кулі та черешкові залізні вістря стріл. Вказані знахідки наочно ілюструють співіснування вогнепальної та метальної зброї. Цей факт пояснюється з одного боку недосконалістю першої та звичністю і зручністю у застосуванні другої.

Виробів з кістки в цілому небагато, всі їх можна віднести до індивідуальних. Це, насамперед, двоскладний ґудзик другої половини XVII століття, деталі порохівниці, насадки на бурдюки та знаряддя для плетіння рибальських сітей.

Прикраси представлені переважно мідними хрестиками, мідними та срібними каблучками та сережками.

До першого періоду можна віднести тільки срібні монети Московської держави. Це монети Івана IV Грозного (1533 — 1584 рр.), Федора Івановича (1584 — 1598 рр.) та Бориса Федоровича Годунова (1598 — 1605 рр.)

Час заселення Цареборисіва вдруге співпав з визначними подіями середини XVII століття — закінченням Визвольної війни та проведенням грошової реформи царем Олексієм Михайловичем. Перша подія зумовила заселення міста вдруге саме українським населенням, яке внесло до грошового обігу звичні для нього західноєвропейські монети. Друга визначила співвідношення цінності на ринку між московською і іноземною монетою. Монети другого періоду представлені двома групами: перша група — монети Московської держави, до складу якої входив Цареборисів, друга група — монети інших держав (прибалтійських володінь Швеції, Речі Посполитої та Кримського ханства). До монет першої групи належать копійки Михайла Федоровича (1613 — 1645 рр.) та Олексія Михайловича (1645 — 1676 рр.). В другій групі чисельно переважають білонові монети прибалтійських володінь Швеції — короля Густава Адольфа (1611 — 1632 рр.), королеви Христини Августи (1632 — 1654 рр.), короля Карла X Густава (1654 — 1660 рр.) та короля Карла XI (1660 — 1697 рр.). На другому місці за чисельністю монет цієї групи знаходиться Річ Посполита, що представлена грошами Сігизмунда III Вази (1588 — 1632 рр.) та солідами Яна Казиміра (1649 — 1668 рр.). Серед всіх монет лише одна відноситься до емісії Кримського Ханства — це дрібний срібний номінал (акче?), що карбований у період другого правління хана Мухамеда Гірея IV (1654 — 1666 рр.).

Таким чином, результати археологічних досліджень переконливо свідчать про перспективність вивчення Цареборисова археологічними методами (шляхом розкопок). Не дивлячись на те, що культурний шар посаду виявився не потужним, проте насиченим археологічними об'єктами (комплексами), в тому числі і закритими. В ході розкопок отримано також багато речового матеріалу, придатного для вивчення, класифікації, реконструкції та експонування на різного роду виставках: як спеціалізовано археологічних, так і присвячених історії рідного краю. Отримані матеріали дозволяють доповнити і конкретизувати існуючі дані про Цареборисівську фортецю, уточнити хронологію її функціонування.

Література

1. **Багалей Д.И.** Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI — XVIII ст. — Харьков: Тип., Счасни, 1886. — Т.І.
2. **Смирнов И.И.** Восстание Болотникова. 1606 — 1607 гг. — М., 1951.
3. **Голубєва І.В.** Звіт про роботу пізньосередньовічної археологічної експедиції в с. Червоний Оскіл Ізюмського району Харківської області в 2004 році. — Харків, 2005. — Архів ІА НАН України № 2004/36
4. **Голубєва І.В.** Звіт про роботу пізньосередньовічної археологічної експедиції в с. Червоний Оскіл Ізюмського району та с. Старі Валки Валківського району Харківської області в 2005 році. — Харків, 2005. — Архів ІА НАН України № 2005/157
5. **Голубєва І.В.** Звіт про роботу пізньосередньовічної археологічної експедиції в с. Червоний Оскіл Ізюмського району Харківської області в 2006 році. — Харків, 2007. — Архів ІА НАН України № 2006/224
6. **Голубєва І.В.** Звіт про роботу пізньосередньовічної археологічної експедиції в с. Червоний Оскіл Ізюмського району Харківської області в 2007 році. — Харків, 2008. — Архів ІА НАН України № 2007/125
7. **Голубєва І.В.** Звіт про роботу пізньосередньовічної археологічної експедиції в с. Червоний Оскіл Ізюмського району Харківської області в 2008 році. — Харків, 2009. — Архів ІА НАН України
8. **Загоровский В.П**. Изюмская черта. — Воронеж: Издво Воронежского университета, 1980.
9. **История городов и сел Украинской ССР.** Харьковская область. — Киев: Институт истории Академии наук УССР, 1976.

●

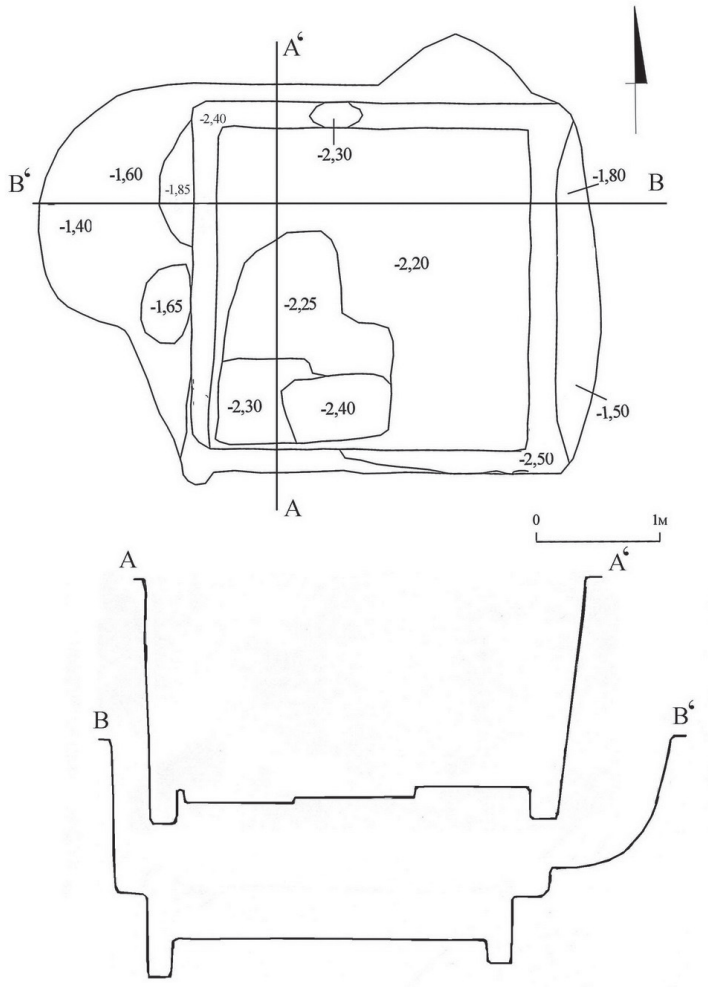


Рис. 1. План та профіль житла-землянки московського типу Цареборисівської фортеці.

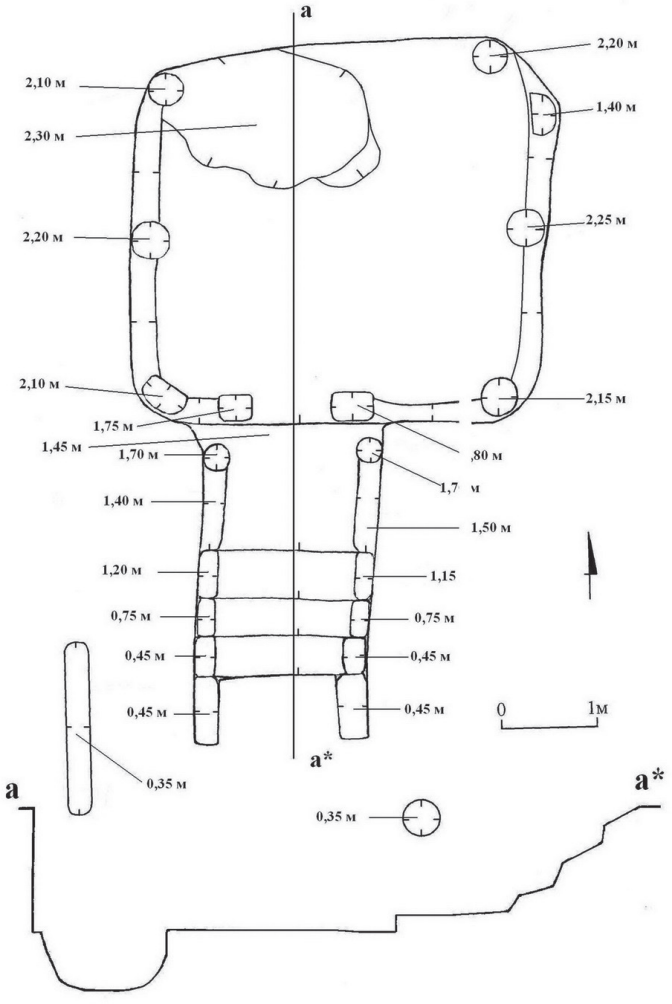


Рис. 2. План та профіль наземного житла черкаського типу Цареборисівської фортеці.

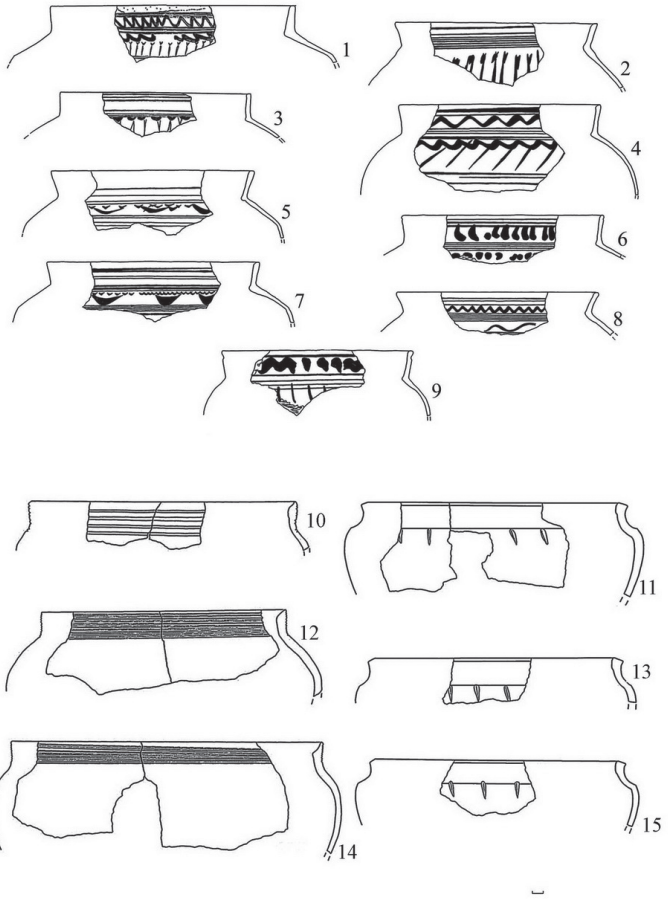


Рис. 3. Верхні частини побутових керамічних виробів (посуду) Цареборисівської фортеці. 1-9 — вироби черкаського типу; 10-15 — вироби московського типу.

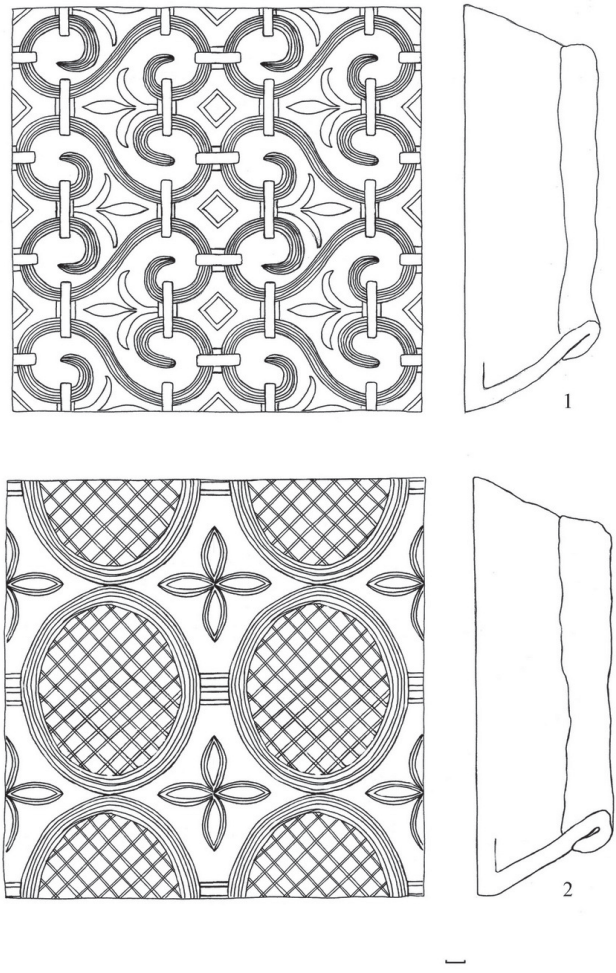


Рис. 4. Графічна реконструкція архітектурно-декоративної кераміки (кахлів) Цареборисівської фортеці.

Давыденко В.В.,
Гриб В.К.

О находке мелового антропоморфного рельефа в г. Святогорске

Целью данной заметки является ввод в научный оборот эффектной случайной находки, сделанной на территории г. Святогорска более двадцати лет назад. Летом 1986 г. учащейся одной из донецких школ на территории турбазы «Лесная» Института советской торговли (ныне – Донецкий Национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского) в г. Славяногорске был найден кусок мела с рельефным изображением лица человека.

Турбаза «Лесная» находится на левом пойменном берегу р. Северский Донец в 1,5 км на север отрусла реки и Свято-Успенской Лавры. Местность, на которой расположена турбаза, представляет собой небольшие песчаные всхолмления, засаженные хвойным лесом. Её территория частично застроена коттеджами для отдыхающих и административными зданиями. В настоящее время песчаная почва задернована, покрыта слоем сосновых иголок и мхом.

Данная находка была сделана на одной из пешеходных дорожек среди сосновых деревьев, в задернованном песчаном грунте с выступавшими кусками мела. По всей видимости, дорожка была частично вымощена мелом. В распоряжение автора эта находка была передана дончанкой О.В. Найденко.

Обстоятельства находки и результаты осмотра места её обнаружения свидетельствуют о том, что данный кусок мела мог попасть сюда с другой территории. Возможно, он был привезен для вымостки дорожек с правого коренного берега реки, состоящего из меловых выходов. Не исключена возможность, что рельеф был найден и принесен на территорию турбазы кемто из отдыхающих.

Кусок мела имеет подтреугольную форму и представляет собой верхнюю часть головы человека с рельефно выступающими чертами лица. По всей видимости, мы имеем дело с фрагментом некогда целого изображения человеческой фигуры, рельефно выступавшей из мелового монолита (скалы, стены). На это указывают старые следы сколов, а также две параллельные бороздки, свидетельствующие о попытке отделения фигурки или её части от монолита путём спиливания и последующего скола. На одной из сторон этого

фрагмента мел имеет патинированную окраску голубого цвета. Размеры фрагмента: длина – 9 см, высота – 6 см, ширина – 5 см. Основываясь на масштабе, изображенного на нём лица и принимая во внимание пропорции человеческого тела, можно предположить, что вся фигура человека не должна была превышать 45-50 см.

На куске мела изображено лицо мужчины, выполненное в технике рельефа (Фото 1). Верхняя часть головы имеет правильную треугольную форму, возможно передающую схематическое изображение шлема или конусовидного головного убора. Брови плавно переходят в широкий нос. Нижняя часть лица, а также его левая и правая стороны отбиты, однако, ниже носа сохранилось рельефное утолщение (усы?). В линзообразно выступающих кругах рельефно проработаны глаза миндалевидной формы, в середине которых выступают круглые зрачки с углублённой точкой посредине. Линзообразный круг левого глаза как бы «затуширован» мелкими углублёнными игольчатыми точками. Общие черты лица указывают на возможную его монголоидность. В то же время художественные приёмы, использованные при изображении глаз, характерны для иконографии ликов святых в средневековый период.[Вагнер, 1980; Матвеева, 1971].

По техническим приёмам изображения бровей, носа и глаз рельеф находит косвенные параллели с проработкой этих частей лица у некоторых средневековых бронзовых уродливых фигурок людей, часть из которых происходит из среднего течения Северского Донца [Давыденко, Гриб, 2009].

Изображение лица такого типа из мела зафиксировано впервые. Однако следует заметить, что находки средневековых антропоморфных меловых фигур на данной территории встречались и ранее. Так, проводя археологические исследования на городище «Царино» у с. Маяки Славянского района в 1940 г. XX века, Г.Г. Афендиком была обнаружена голова мужчины, выполненная из мела [перс. сообщение М.Л. Швецова].

Известны находки антропоморфных меловых фигурок и на других территориях. Особенно часто они встречаются в памятниках VII-VIII вв. Крыма и Центрального Кавказа [Баранов, Майко, 2001; Чеченов, 1987].

К сожалению, прямых аналогий святогорскому меловому рельефу нет. Поэтому, на наш взгляд, будет уместно рассмотреть три версии его интерпретации.

Если считать, что фрагмент головы является частью некогда существовавшего целого изображения мужчины, то данная фигура могла быть высечена в ритуальных целях в средневековье на одной из меловых скал правого берега р. Северский Донец. Это предположение, кажется, находит своё подтверждение в сообщении С. Герберштейна XVI в., в связи с описанием им речного маршрута по Донцу, «где они видели статуи и какие то каменные изображения» [Герберштейн, 1908].

Однако нельзя исключать возможность пребывания данной антропоморфной фигуры в средневековом языческом святилище, которое могло находиться на современной территории г. Святогорска или в его окрестностях. Данное предположение основывается на результатах археологических исследований Донецкой Средневековой археологической экспедиции 1986 г. в урочище «Старица» у с. Богородичное Славянского района. Экспедицией было обнаружено языческое святилище, центральной фигурой которого являлось изображение, антропоморфность которого не вызывает сомнения [Швецов, 2001].

Возможно, что такая фигурка с ликом святого и в головном уборе, напоминающем монашескую шапку-скуфью [Мень, 1991] могла быть изображена на одной из стенок отшельнической кельи, представлявшей собой определенное культовое сооружение XVIII-XIX вв. Такие пещерки-кельи были обнаружены и частично исследованы на правом берегу Северского Донца между Свято-Успенской Лаврой и с. Богородичным Славянского района Донецкой области [Кравченко, 2001; Швецов, 2001; Швецов, Зарубина, 2001].

Несмотря на то, что за последние двадцать с лишним лет после обнаружения антропоморфного рельефа на территории турбазы «Лесная», здесь неоднократно проводились строительные работы, место, где была произведена находка, осталось в стороне от хозяйственной деятельности, поэтому сохраняется перспектива дополнительного исследования территории.

Литература

1. **Баранов И.А.**, **Майко В.В.** Тюркское святилище Сугдеи // Российская археология № 3. 2001.
2. **Вагнер Г.К.** От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV-XV вв. — М. 1980.
3. **Герберштейн С.** Записки о Московитских делах. — СПб., 1908.
4. **Давыденко В.В., Гриб В.К.** Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: Типология и семантика // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7.— Донецк. 2009.
5. **Дедов В.Н.** Святые Горы. От забвения к возрождению. — К. Полиграфкнига, 1995.
6. **Кравченко Э.Е.** Святые Горы и Святогорский монастырь (к вопросу о времени появления обители и её первых скитов)// Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. «Археология». — Донецк-Макеевка. 2001. С. 120-127.
7. **Матвеева А.Б.** Фрески Андрея Рублева и стенопись XII в. во Владимире // Андрей Рублев и его эпоха. — М. 1971.
8. **Мень А.В.** Православное богослужение. — М.: СП «Слово». 1991.
9. **Чеченов И.М**. Новые материалы и исследования по средневековой археологи Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. — Т. 3. Нальчик. 1987.
10. **Швецов М.Л.** Об архитектурных особенностях одного из пещерных храмов Святогорского монастыря // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. «Археология». — Донецк-Макеевка. 2001. С. 170-172.
11. **Швецов М.Л., Зарубина Т.С.** Архитектурная реконструкция кельи отшельника Скита преподобного Арсения // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. «Археология». - Донецк-Макеевка. 2001. С. 172-174.

●

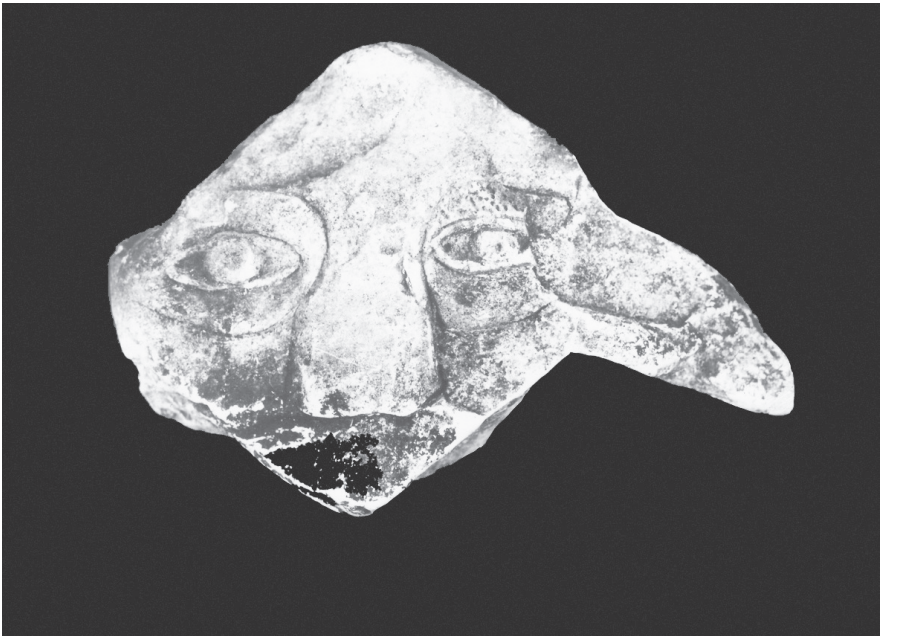


Фото 1. Фрагмент мелового антропоморфного рельефа (турбаза «Лесная», г. Святогорск).

Колесник А.В.,
Коваль Ю.Г.

Кремневый «клад» из пос. Донецкий Славянского района

В 1982 г. краевед и житель пос. Донецкий Славянского района Донецкой области Костенко Н.Г. случайно обнаружил небольшое компактное скопление кремневых изделий на склоне правого берега р. Северский Донец, недалеко от поселка. Находка была приурочена к сильно расчлененному эрозией склону крутого коренного берега на высоте около 50 м над уровнем реки. На данном участке базальные меловые породы перекрыты незначительным по мощности чехлом четвертичных лессовидных суглинков и массово обнажаются вдоль склона реки в местах естественной эрозии. Скопление связано с незадернованным крутым склоном реки на краю старого карьера по добыче глины. Первоначально было собрано более десятка кремней. Какие-либо другие находки вблизи данного скопления кремней отсутствовали. Визуальные размеры скопления около 40-50 см в поперечнике. Приблизительно через месяц А.Р. Федонин (г. Донецк) расчистил этот участок ножом и непосредственно в месте основного скопления в относительно плотном не размытом лессовидном суглинке нашел еще несколько тесно прилегающих друг к другу кремневых пластин на участке приблизительно 20х20 см. Есть веские основания реконструировать первоначальное положение кремневых изделий в виде компактной, собранных в небольшую емкость. Таким образом, имеются явные признаки небольшого разрушенного скопления кремневых изделий, на момент открытия частично сохранившегося in situ. Скопление залегало в позднеплейстоценовом лессовидном суглинке на глубине около 1 м от предполагаемого уровня дневной поверхности, вероятно, в верхней части лессовидной толщи.

Все найденные предметы из окрестностей пос. Донецкий полностью сохранились у авторов открытия, за исключением двух пластин. Суммарно, выявленная часть скопления состояла из 22 (-2) целых и фрагментированных отбивных пластин, 2 пластинчатых отщепов и 3 траншевидных орудий. Для изучения доступны 25 изделий.

Материалом для всех изделий кремневого комплекса послужил местный качественный темно-серо-коричневый мелкозернистый

стекловидный кремень с жирным блеском, с небольшим включением серых матовых крупнозернистых неперекристаллизованных участков. Эти включения образуют на поверхности скола бесформенные пятна разных размеров с размытыми границами. Отдельные кремни отличаются более темной поверхностной окраской при серокоричневой окраске на просвет и глянцевым отливом. Эти отличия не выходят за рамки вариаций одной кремневой конкреции. Использовались крупные конкреции (конкреция?) сферической формы с ровной поверхностью. В Донбассе кремни такого рода происходят, в основном, из толщ туронского яруса верхнего мела. Кремни свежие на вид, не окатаны. На некоторых изделиях местами заметен неравномерный белесо-жемчужный налет — первые признаки процесса патинизации. Прежде всего, обращает на себя внимание структура коллекции кремневых изделий. Фактически она состоит из отобранных относительно крупных пластинчатых сколов и группы специфических рубящих орудий. Налицо явная искусственная сепарация изделий в древности. Таким образом, 89 % сохранившегося комплекса составляют пластины и пластинчатые сколы (22 шт.), 11 % — траншевидные орудия (3 шт.).

Количественно основную часть скопления составляют крупные отбивные пластины. При этом 18 из 22 представленных в коллекции пластин и пластинчатых сколов сохранили более или менее значительные участки гладкой первичной известковой корки, т.е. связаны с поверхностным слоем конкреции и образовались на начальной стадии обработки ее обработки и систематического расщепления. Средний индекс массивности 8.0, средний коэффициент удлиненности — 369. Морфология пластин по массивности, удлиненности, коэффициенту сечения, типам огранки находит аналогии среди целых или археологически целых пластин индустрий позднего — финального палеолита с крупнопластинчатым торцовым расщеплением.

Девять пластин коллекции апплицируются в группы по 2-3 скола. Все апплицирующиеся группы связаны с боковой оббивкой и начальной стадией расщепления крупного уплощенного одноплощадочного нуклеуса с торцовым рабочим фронтом и длинной наклонной площадкой (площадками ?). Приведенные данные ремонтажа убедительно свидетельствуют о том, что комплекс является гомогенным, а не представляет собой механическую смесь. Судя по размерам пластин, они отделялись от весьма крупного нуклеу-

са, высотой не менее 20 см. Топография пластинчатых сколов на корпусе нуклеуса уверенно восстанавливается по характеру аппликаций: площадки нескольких сколов расположены в плане ступенеобразно, поскольку они отделялись с левого и правого края предварительно сформированной наклонной площадки, то есть с боковых, угловых и, частично, центральных участков.

Наиболее близкая территориальная и морфологическая аналогия пластинам из «клада» содержится в материалах финально-палеолитического комплекса «Святые Горы» возле горы им. Артема близ г. Святогорска [Коваль, Вотякова, 2005]. Здесь сохранились остатки т.н. «эфемерной мастерской» связанной с подготовкой и расщеплением нескольких нуклеусов торцовой разновидности.

Вторая часть коллекции состоит из трех траншевидных рубящих орудий. Они стандартной величины и пропорций, выполнены из того же материала, что и пластины, имеют такую же степень сохранности. Рабочие участки этих инструментов оформлены в виде асимметричных в профиле двухгранных лезвий.

Первое имеет размеры 9.2 x 5.0 x 2.7 см (рис. 1). Изготовлено из крупного (ширина 92 мм) массивного (толщина 30 мм) первичного отщепа с тонкой гладкой известковой коркой. Путем интенсивной модуляции сохранен средний наиболее толстый участок преформы, базальная и дистальная части усечены оббивкой. Оббивка заготовки с базального конца преформы с вентральной стороны создан крутой вогнутый в плане край (эффект «перехвата»). Обработка дистального участка преформы (правый, по рисунку, край орудий) осуществлена в более сложной технике — в т.н. «ядрищной» манере. Сначала с дорсальной стороны серией грубых сколов был удален относительно тонкий край, затем с образовавшейся гранипощадки было произведено грубое частичное утончение спинки изделия. Работа проводилась жестким отбойником. Судя по забитости и смятости образовавшегося ребра, целью ядрищной обработки правого продольного края орудий было не столько утончение корпуса, сколько устранение острого выступающего ребра, видимо, мешавшего плавному охвату корпуса нитями обвязки или при фиксации в муфте. Лезвие расположено слегка косо по отношению к продольной оси. Лезвие фактически прямое в плане, с углом заострения 35-40 в средней части; по кромке заметны мелкие выщерблины, в основном с вентральной стороны. Тыльный участок также заостренный, без следов обработки и сработанности. Продольное

сечение орудий имеет явный линзовидный контур, что существенно влияло на функциональную кинематику этого вкладыша рубящего инструмента.

Второе орудие размерами 7.5 х 6.9 х 3.0 см (рис. 2). Несмотря на внешне простую форму, орудий было сформировано в ходе нескольких этапов модуляции. В качестве заготовки использовался массивный крупный вторичный отщеп. Орудие сформировано из наиболее массивной средней части преформы путем усечения методом оббивки базальной и дистальной частей преформы. Формующая оббивка велась жестким отбойником со стороны брюшка заготовки. Возле одной из выемок сохранились следы трех сильных ударов в виде конусовидных трещин. Оба продольных края орудия получились вогнутыми, с «нависающим» профилем; выемки интенсивно забиты, скруглены на стыке с вентральной плоскостью. В результате такой обработки поперечное сечение орудия в центральной части приобрело вид, близкий к грубому овалу. Продольное сечение орудий асимметричное, близкое к плоско-выпуклому. Обушковая часть несет следы поперечного усечения; с образовавшейся площадки снят продольный скол утончения корпуса. Судя по «стратиграфии» негативов, обработка корпуса, как кажется, велась в такой последовательности: правый (по рисунку) край — обушок — левый край. Лезвие в плане выпуклое, с углом заострения около 45-50. С вентральной стороны вдоль узкой кромки невооруженным глазом видна узкая заполированная полоса с мельчайшими фасетками. Такие же фасетки видны и на кромке с дорсальной стороны.

Третье траншевидное изделие приблизительно такой же величины — 8.4 х 5.9 х 3.0 см (рис. 3). Преформой послужил массивный вторичный отщеп, который срезал с нуклевидной заготовки грубо оббитый реберчатый участок. Эта реберчатая поверхность образует спинку траншевидного орудия. Продольная ось отщепа совпадает с продольной осью орудия. На отщепе-преформе имелась перпендикулярная брюшковой поверхности боковая грань, которая использовалась в качестве площадки при формировании правого (по рисунку) края. Короткие поперечные сколы с этой грани-площадки были направлены на устранение бокового ребра и приданию поперечному сечению более плавных округленных очертаний. Левый вогнутый край сформирован крутой нависающей ретушью с вентральной стороны; кромка интенсивно забита. Обушок в профиле заостренный, специально не обработан. Продольное сечение в виде

неправильной вогнутой линзы. Как и у остальных орудий из скопления, лезвие этого инструмента двухгранное. В плане оно вогнуто. Угол заострения около 50. Вдоль кромки с дорсальной стороны видны мельчайшие фасетки выкрошенности.

Грубый облик этих изделий в большей степени характерен для заготовок орудий, однако в различных стояночных комплексах изделия с такой морфологией встречаются в орудийном контексте. В археологической литературе они называются по-разному — транше, траншевидные орудия, топоры с перехватом, топоры из отщепов, и т.д.

Небольшие планиграфически дискретные и компактные скопления изделий вне культурного слоя поселений и погребальных комплексов либо скопления специально отобранных однородных предметов в составе культурного слоя в археологии принято диагностировать в качестве кладов. Предметы кладов обычно залегают плотной массой, отражая первоначальный портативный объем упаковки (сумка, мешочек, короб или что-то еще).

Немонетные восточноевропейские древние клады вообще (историографию см.: [Бочкарев, 2002; и др.]) и клады каменного века, в частности, (историографию см.: [Колесник, Рассамакин, 2006; и др.]), всегда находились в центре внимания исследователей. Под словом «клад» в археологии понимаются полисемантические археологические объекты или специально сокрытые с различными целями материальные и иные ценности. В последнее время широко распространилось мнение, что в процессуальном смысле клады и погребальный инвентарь часто образуют взаимосвязанную бинарную оппозицию, при этом преобладают сакральные мотивы накопления кладов [см.: Бочкарев, 2002].

В среднем течении Северского Донца известно несколько кладов кремневой продукции. Это неолитический клад кремневых топоров из п. Денежнековка в Луганской области [Горелік, 2003], энеолитический 2-й Гончаровский клад из окрестностей г. Изюм в Харьковской области [Одинцова, 1956], энеолитический клад отжимных пластин из поселения у с. Крейдянка на Харьковщине [Колесник, Клименко, 1998], а также энеолитический клад треугольных наконечников (тесел ?) из с. Татьяновки в Донецкой области [Колесник, Рассамакин, 2006; Колесник, 2006]. Все эти клады связаны с кремненосным участком Северского Донца. Географически к этому скоплению разновременных кладов тяго-

теет крупный клад наконечников (тесел-?) и пластин, найденный в 1819 г. при строительстве Луганского чугунолитейного завода на правобережье Северского Донца, на берегу р. Лугань [Гесс де Кальве, 1820 — цит. по: Выборный, 1995].

В последнее время небольшие клады кремневого инвентаря, согласно терминам процессуальной археологии, принято оценивать как индивидуальные «ранцевые наборы» («tool kits») — небольшие портативные краткосрочные переносимые в сумке запасы каменных орудий и, в основном, пластинчатых или отщеповых заготовок (редко сырья с минимальной предварительной обработкой). Спецификой ранцевых наборов при их относительно небольших размерах является разнообразие состава, поскольку они отражают многообразие краткосрочных бытовых и производственных потребностей их владельцев. Количество изделий (заготовок и законченных орудий) в ранцевых наборах позднего финального палеолита иногда может доходить до 50, но чаще колеблется в пределах одного, двух десятков. Так, в составе индивидуальных кладов из хорошо исследованных местонахождений в окрестностях Рыдно в Польше известны четыре небольшие по размерам плотные скопления (клады), содержащие от 3 до 40 отобранных кремневых из-делий [Fiedorczuk, 1997]. В мезо-неолитических «кладах» Среднего Зауралья [Сериков, 2007] содержится приблизительно такое же количество предметов, иногда в виде составных наконечников. В культурном слое позднепалеолитической стоянки Каменная Балка II были найдены наборы из пластин [Гвоздовер, Леонова, 1977; и др.]. Этот список можно продолжить дальше. Видимо, основным мотивом формирования ранцевых наборов являлась индивидуальная потребительская ценность предметов (и связанная с этим потребность в инструментах для их изготовления). Наиболее типичный состав ранца (т.е. сумки с орудиями и их заготовками) поздних этапов каменного века — несколько не обработанных отщепов и пластин, заготовки нуклеусов и/или рубящих орудий, минимум законченных орудий [Синицына, 2000], иногда небольшие запасы каменного сырья. Стратегия переноса орудийных наборов в составе индивидуальной поклажи отчетливо проявляется уже в среднем палеолите, когда она была основной формой обеспечения экономики каменными изделиями. Об этом убедительно свидетельствуют материалы из богатейших крымских собраний уникальной сохранности [см.: Чабай, 2004; Kretschmer, 2006; Bataille, 2006a; Bataille, 2006б;

и др.]. Соответственно, для среднего палеолита весьма характерна «ранцевая» сырьевая стратегия, которая фактически доминирует в системах переноса-распределения каменного сырья [Колесник, 2009]. В последующем ранцевые стратегии играли в Донецком регионе второстепенную роль, но в финальном палеолите в среднем течении Северского Донца вновь переживают анимацию в связи с широким распространением специфического типа мобильности. Одним из проявлений этого особого типа мобильности являлись, видимо, непродолжительные промысловые рейды в кремненосных районах [Колесник, Коваль, Давыденко, 2008], что отразилось в накоплении целого ряда эфемерных мастерских для пополнения текущего дневного или краткосрочного запаса кремневых изделий.

Вес кладов — индивидуальных ранцевых наборов каменного века был относительно небольшим. В публикациях по кремневым кладам Восточной Европы такие данные как будто отсутствуют. Вес сохранившейся части скопления кремневых изделий из п. Донецкого около 1.45 кг, т.е составлял приблизительно полтора килограмма. Это вполне приемлемый вес «личной сумки» пешего охотника-собирателя в условиях дневного промыслового рейда, с учетом дополнительного сопутствующего инвентаря, необходимого для краткосрочных хозяйственно-бытовых целей.

Наиболее полной комплексной аналогией кремневым изделиям из пос. Донецкого являются материалы стоянки в Миньевском Яру на правобережье Северского Донца.(между Святогорском и с.Богородичное Славянского р-на)). В самом верхнем горизонте лессовидного суглинка здесь также найдены «топоры с перехватом» из отщепов и пластины со следами ударной техники скалывания. Расстояние от места находки клада до Миньевского Яра около 25 км по прямой. Следует признать, что датировка верхнего лессового комплекса многослойной стоянки в Миньевском Яру является ключом к датировке публикуемого кремневого комплекса из п. Донецкого. Однако вокруг датировки этого слоя в силу ряда обстоятельств изначально сложились довольно противоречивые мнения.

Напомним, что многослойная стоянка в устье Миньевского Яра была открыта П.П. Ефименко во время его плодотворной поездки по Восточной Украине в 1924 — 1925 гг. [Ефименко, 1928]. Этой поездке предшествовала длительная переписка между Н.В. Сибилевым и П.П. Ефименко. Е.В. Сибилев — замечательный изюмский краевед, основатель Изюмского музея (1920), автор открытия более

350 памятников археологии в среднем течении Северского Донца [Сибилев, 1926-а, 1926-б; Сібільов, 1928, 1930], в том числе палеолитических. [Сибилев, 1944]. При обработке собранного материала он активно консультировался со специалистами из ведущих академических центров страны. В ходе своей поездки в Подонцовье П.П. Ефименко обнаружил, помимо стоянки в Миньевском Яру, также широко известный памятник «мустьерской эпохи» в устье р. Деркул [Ефименко, 1936] и ряд других находок. Первоначально стоянка в Миньевском Яру позиционировалась автором открытия как позднепалеолитическая. Такая датировка находок была обусловлена, прежде всего, геологическими признаками, так как «... кремни ... залегали гнездами на глубине свыше 2 метров, под черноземом, в слое желтоватого суглинка. ...Время этого интересного местонахождения может быть определено только путем раскопок, но за ранний возраст его говорит как будто характер залегания ... в ... условиях, которые свойственны нашим стоянкам позднего палеолита» [Ефименко, 1928, с.5-6]. В 1935 г Н.В. Сибилев писал об археологическом памятнике в Миньевском Яру как о стоянке, которая является «подозрительная по палеолиту» [Сибилев, 1935, с. 119]. Последующие предвоенные полевые работы Н.В. Сибилева в Миньевском Яру (1938 — 1939 гг.) дали основание для более широкой датировки памятника, включая «поздний неолит». Так, в ходе полевых работ в то время в голоценовых слоях В.Н. Сибилев обнаружил свежие на вид кремни неолитического облика и фрагменты остродонного лепного сосуда [Сибилев, 1944]. В фундаментальной сводке памятников древней фауны Украины, подготовленной И.Г. Пидопличко в основном по материалам довоенных сборов, в сборах из Миньевского Яра 1937-1939 гг. фигурируют исключительно голоценовые виды животных [Підоплічко, 1956, с.116-117]. Вместе с тем, в 1940 г раскопки Н.В. Сибилева «...захопили не крутий схил Миньївської балки, а берег понад самим Донцем. Тут культурні шари знайдено не тільки в черноземі, а й у чотирьох горизонтах суглинку. ...У 3-му горизонті суглинку було знайдено разом кістки й зуби благородного оленя, (за визначенням І.Г. Підоплічки), крем'яні знаряддя верхньопалеолітичного часу, крейдяну статуетку костенківського типу (так візнано на Воронезькому пленумі з четвертичної стратиграфії), уламки заготовки для другої статуетки...» [Сібільов, 1944, с. 34]. Сибилев очень дорожил этой статуэткой. В марте 1942 г несмотря на военную опасность и физическое истощение, он пешком прибыл

в Изюм из пос. Банное (с 1964 г. — Славяногорск, с 2003г. — Святогорск) чтобы забрать ее. Однако Сибилёв застал жуткую картину разграбленного Изюмского музея ... Директор музея Гордиенко, который обещал Сибилёву сохранить статуэтку, к тому времени уже выехал в Новосибирск, а сотрудники музея, по выражению Сибилёва, разбежались (Цвейбель, 2005, с. 249) Судьба этой находки, к сожалению, остаётся неизвестной; в строгом смысле слова, неясна и ее подлинность. В целом, явная двойственность хронологических трактовок памятника в Миньевском Яру объясняется его многослойностью. Факт многослойности стоянки еще раз был подтвержден полевыми работами И.Ф. Левицкого и Д.Я. Телегина в 1950 г, а также раскопками А.Ф. Горелика и А.А. Кротовой в 1976 г, которые произвели раскопки памятника на площади суммарно более 200 м кв. Были обнаружены разновременные культурные слои от позднего палеолита до средневековья включительно [Левицкий, Телегин, 1956; Кротова, 1985, с.6; Горелик, Кротова, 1977; Кротова, 1986, с.54-57; и др.]. Тем не менее, несмотря на многослойность памятника, на длительное время в центре внимания специалистов по каменному веку оказался культурный слой удовлетворительной сохранности из верха лессовидного суглинка, который залегает на 10-12 см ниже кровли суглинка на глубине около 2 м от современной поверхности. Участок этого слоя с наиболее насыщенными культурными остатками был раскопан в основном в 1950 г. благодаря усилиям И.Ф. Левицкого и Д.Я. Телегина [Левицкий, Телегин, 1956]. Именно здесь найдены классические траншевидные орудия из отщепов или «топоры с перехватом». Длительное время этот слой стоянки традиционно считался мезолитическим [Ефименко, 1953, с.638; Телегін, 1982, с.148-152; Телегин, 1989, с.120-121; Горелик, 1984, с.6-7; 1986, с.8-9; Горелик, Кротова, 1977, с. 282; и др.]. Вместе с тем, В.Н. Даниленко [1969, с.30] допускал его неолитический возраст, возможно, из-за путаницы в трактовках. О присутствии в слое (каком?) Миньевского Яра фрагментов неолитического остродонного лепного сосуда под влияни-ем сведений Н.В. Сибилева, в своих послевоенных работах писал и П.П. Ефименко[(Ефименко, 1953, с.638].

Недавно А.Ф. Горелик с коллегами на основании морфологической близости траншевидных орудий и некоторых других категорий инвентаря из эталонного слоя Миньевского Яра и предметов из достоверно неолитического слоя уникальной сохранности мес-

тонахождения Старица XVIII счел возможным назвать комплексы однокультурными, отнести их к уже выделенному типу памятников «Миньевский Яр», и существенно омолодить этот культурный слой Миньевского Яра, вплоть до неолита [Горелик, Дегерменджи, Разумов, 2006, с.124, 128].

Как видим, вокруг датировки верхнего лессового комплекса из Миньевского Яра явно сложилась проблемная ситуация, влияющая на определение датировки клада кремневых изделий из пос. Донецкое. Нам кажется, что наиболее предпочтительной является датировка указанного комплекса финальным палеолитом или ранним мезолитом. Именно в это время в различных культурах Восточной Европы сосуществуют отбивная техника получения пластин с нуклеусов торцового типа и траншевидные орудия на отщепах.

Разумеется, эта дата условная, поскольку она базируется на косвенных данных, которые могут быть оспорены.

Литература

1. **Бочкарев В.С.** Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация —. СПб: СПб. ун-т, 2002. С.45-55.
2. **Выборный В.Ю.** Памятники археологии Луганска // Краеведческие записки Луганского государственного областного краеведческого музея. Вып. 3. К 200-летию основания г. Луганска. - Луганск, 1995. С.11-21.
3. **Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б.** Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. -Л., 1977. С. 127-136.
4. **Гесс де Кальве.** Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии // Труды Вольного общества любителей российской словесности.- СПб., 1820, ч. X. С.251-252.
5. **Горелик А.Ф.** Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины.- К., 1984. С.4-23.
6. **Горелик А.Ф.** Мезолит бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья Автореф. дис. ... канд. ист. наук.- Л., 1986. 16 с.

7. **Горелік О.Ф.** Денежніківський «скарб» неолітичних тесел (Південно-Східна Україна) // Археологический альманах, №13.- Донецк, 2003. С.272-280.
8. **Горелик А.Ф., Кротова А.А.** Раскопки поселения в уроч. Миньевский Яр // Археологические открытия 1976 г.- М., 1977. С. 282.
9. **Горелик А.Ф., Дегерменджи С.М.**, Разумов С.Н. Старица XVIII новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье // Археологический альманах, №18. - Донецк, 2006. С.118-129.
10. **Даниленко В.Н.** Неолит Украины. - К., 1969.
11. **Ефименко П.П.** Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма // Старовинності Ізюмщини.- Ізюм, 1928. С.5-10.
12. **Ефименко П.П.** Находки остатков мустьерского времени на р. Деркул // Палеолит СССР. Известия ГАИМК, вып. 118. - М.-Л. 1935. С.13-25.
13. **Ефименко П.П.** Первобытное общество.- К., 1953.
14. **Коваль Ю.Г., Вотякова О.Л.** Кремнеобрабатывающая мастерская финального палеолита Святые Горы // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні (Всеукраїнська науково-практична конференція м. Святогірськ Донецької області 25-27 травня 2005 р.).- Слов'янськ, 2005, С.182.
15. **Колесник А.В.** Клад энеолитических кремневых наконечников из с. Татьяновка на Северском Донце // Святогірський альманах 2006.- Донецьк, 2006. С.52-64.
16. **Колесник А.В.** Кремневые сырьевые стратегии Большого Донбасса в эпоху камня - палеометалла // Актуальыне проблемы первобыт-ной археологии Восточной Европы. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Бибикова.— Симферополь, 2009. С.45-59.
17. **Колесник А.В., Клименко В.Ф.** Клад кремневых пластин из Харьковщины // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. ТД. Ростов-на-Дону. 1998. С. 45.
18. **Колесник А.В., Рассамакин Ю.Я.** Феномен кладов Гончаровского типа // IN SITU (к 85-летию профессора А.Д. Столяра). - Санкт-Петербург, 2006. С.173-189.
19. **Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Давыденко В.В.** Позднепалеолитическая кременеобрабатывающая мастерская в Теплинском лесу (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах, №19.- Донецк, 2008. С.201-210.

20. **Кротова А.А.** Поздний палеолит Северского Донца и Приазовья // Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — К., 1985. 17 с.
21. **КротоваА.А.** Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Востока Украины // Памятники каменного века Левобережной Украины. — К., 1986. С.6-73.
22. **Сибилев Н.В.** Древности Изюмщины, вып. I. — Изюм, 1926-а. 10 с., 40 табл.
23. **Сибилев Н.В.** Древности Изюмщины, вып. II. — Изюм, 1926-б. 20 с., 8 табл., 6 карт.
24. **Сібільов М.В.** Старовинності Ізюмщини, вип. III. — Ізюм, 1928. 19 с., 62 табл.
25. **Сібільов М.В.** Старовинності Ізюмщини, вип. IV. — Ізюм, 1930. 28 с., 84 табл.
26. **Сибилев Н.В.** Артемогорский краеведческий музей // Советская этнография, №3, 1935. С.119-121.
27. **Сібільв М.В.** Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця // Наукові Записки Інституту історії і археології України, кн. 2. - К., 1946. С.29-37.
28. **Підоплічко І.Г.** Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вип. 2. К., 1956. 233 с.
29. **Телегін Д.Я.** Мезолітичні па'мятки України (IX-VI тис. до н.е.). - К., 1982.
30. **Телегин Д.Я**. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Мезолит СССР. - М., 1989. С.106-124.
31. **Чабай В.П.** Средний палеолит Крыма. — Симферополь, 2004. - 323 с.
32. **Цвейбель Д.С.** Николай Викентьевич Сибилёв. (Из истории изучения древнейшего прошлого Донбасса). // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні.(Всеукраїнська науково-практична конференція в м.Святогірськ Донецької обл. 25-27 травня 2005 р.) - Слов'янськ, 2005. С.242-252.
33. **Bataille G.** Kabazi II, Level II/8: Import and Evacuation of Lithic Material Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial. Chabai V., Richter J. and Uthmeier T. eds. Simferopol-Cologne, 2006. P.131-142.
34. **Bataille G.** Kabazi II, Level III/A: Tools for Immediate Consuption, Cores for Future Needs // Kabazi II: the 70000 years since the Last Intergla-cial. Chabai V., Richter J. and Uthmeier T. eds. Simferopol-Cologne, 2006. P.241-251.

35. **Fiedorczuk J.** Processing workshops and habitation sites of the final palaeo-lithic Mazowian complex. A view from the perspectibe of flint arte-facts refitting // Man and flint. Proceeding of the VII th International Flint Symposium. Warzawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995. - Warzsawa. 1997. - P.201-208.
36. **Kretschmer I.** Kabazi II, Level II/7AB: Hunting and Raw Material Pro-curement for Stone Artefact Production // Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial. Chabai V., Richter J. and Uthmeier T. eds. Simferopol-Cologne, 2006. P.73-84.
37. **Костромы** // КССИМК, вып. 67. 1957. С. 71-76.

●

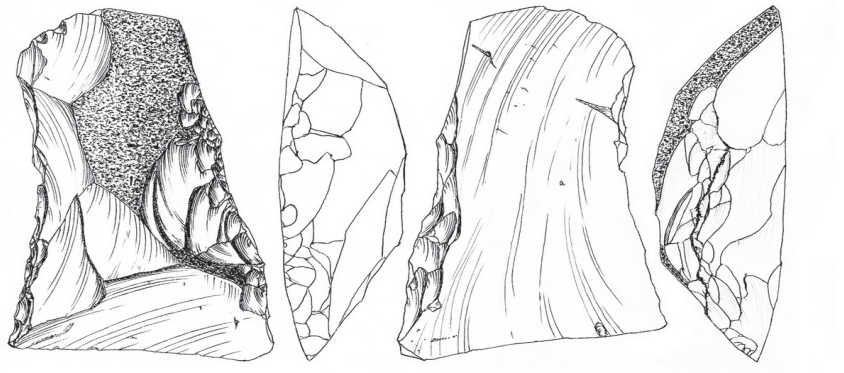


Рис. 1. пос. Донецкий. Траншевидное изделие.

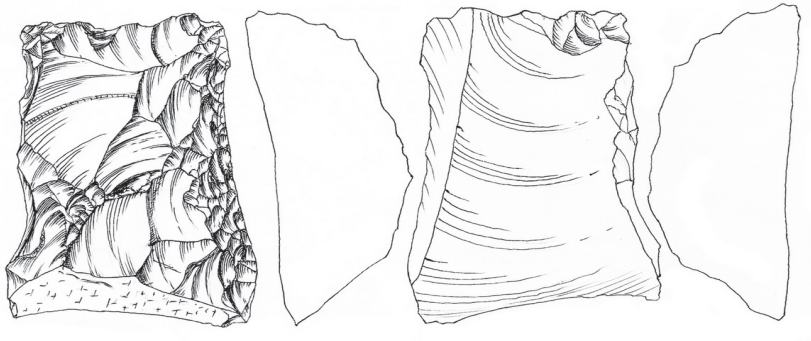


Рис. 2. пос. Донецкий. Траншевидное изделие.

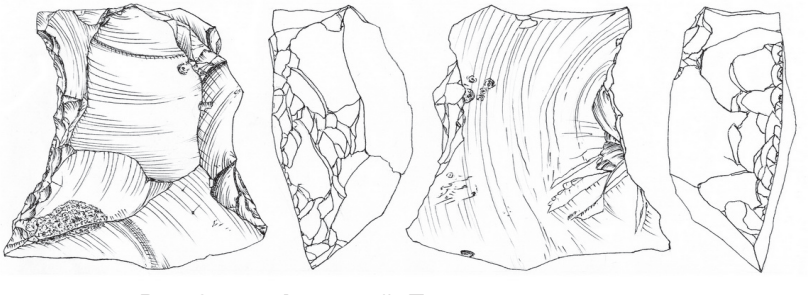


Рис. 3. пос. Донецкий. Траншевидное изделие.

Кравченко Э.Е.

Раннемусульманские некрополи
в среднем течении Северского Донца
(к вопросу о путях проникновения восточных
культурных традиций на территорию Хазарии)

Факт распространения ислама во 2-й пол. IX-X вв. в хазарских «городах», особенно в столице каганата, является общеизвестным, как и то, что основная часть населения Хазарии, даже к концу существования этого государства, оставалась языческой [Флёрова, 2001, с.151]. В связи с этим, выявление мусульманских памятников в среднем течении Северского Донца, на западной окраине каганата, при отсутствии их на огромной территории, отделяющей центральные области Хазарии от этого отдаленного региона, выглядит необычным, и вызывает ряд вопросов. Большинство из них далеки от решения и представляют собой версии, имеющие большую или меньшую степень аргументированности. Причиной тому является слабая изученность некрополей, прилегающих к ним поселений вследствие того, что данный тип археологиче-ских объектов был выявлен относительно недавно.

Сразу после выявления раннемусульманских кладбищ возник вопрос о датировке памятников. Ныне он представляется наиболее изученным. В пользу датировки рассматриваемых некрополей ранне-средневековым периодом эпохи Хазарского каганата свидетельствует, как материал прилегающих к ним поселений, так и находки вещей СМК в отдельных захоронениях. Так, в погребениях Лысогоровского могильника (рис.1,11) было найдено 55 предметов (в том числе — 2 монеты), не оставляющих сомнения в его датировке и культурной принадлежности [Красильников,Красильникова, 2005]. Близкая ситуация наблюдается и на могильнике у с. Новолымаревка Беловодского р-на Луганской обл. (рис.1,10) [Красильников, 2001, с.320].

Сложнее обстоит вопрос о датировке мусульманских захоронений археологического комплекса у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. (рис.1,3), который функционировал в течение всей эпохи средневековья. Тем не менее, и здесь на ряде могильников, датируемых по вещам СМК хазарским временем, присутствуют мусульманские захоронения (погр.5-7,11 р.23; могильник в р.20)

[Швецов, Кравченко,1988, с.10-12; Минорский,1963, с.21-24].

Менее выразителен вещественный материал из захоронений могильников археологического комплекса у с. Сидорово Славянского р-на Донецкой области (рис.1,4). Здесь вещи СМК содержались лишь в трех погребениях (из 224 исследованных). Два из них (погр.28 и 190) по обряду не отличались от захоронений могильников «зливкинского» типа [Амиров, 2007, с.159]. Тем не менее, на Сидорово мусульманские некрополи непосредственно прилегают к крупному памятнику СМК, составляя с ним единый комплекс. Культурные напластования более позднего времени на данном памятнике отсутствуют [Кравченко, Давыденко, 2001, с.233, 241; Кравченко, 2005, с.156].

Более проблематичной представляется датировка указанных некрополей в рамках СМК. К.И.Красильников считал, что формирование раннемусульманских могильников в среднем течении р. Северский Донец относится к последней четверти VIII века [Красильников, Красильникова, 2005, с.214]. К сер.IX в. относили время их появления А.Г.Копыл и С.И.Татаринов [Копыл,Татаринов,1990, с.58]. По мнению автора данной работы, мусульманские общины появляются на Северском Донце не ранее 2-й пол. IXв, что совпадает с широким распространением ислама в Хазарии [Кравченко, 2005, с.168-169].

Совершенно не изученным представляется вопрос об этнической принадлежности раннесредневековых мусульман среднего течения р. Северский Донец. Здесь исследователями выдвигались различные точки зрения. Часть авторов относила это население к протоболгарам [Копыл,Татаринов,1990]. Другие считали его полиэтничным [Михеев1985; Тортика, 2005, с.7-8; 2006, с.8-9; 12; Кравченко, 2005, с.213]. При всем этом, единственной публикацией по антропологии рассматриваемых некрополей является заметка, посвященная обследованию захоронений одного из могильников у с. Маяки [Ходжайов,Швецов,1992], относящемуся к золотоордынскому времени [Кравченко,Швецов,1990]. Прочие же авторы, в лучшем случае, указывали на «долихокранию» или «присутствие монголоидных признаков» у погребенных на мусульманских некрополях, не приводя при этом конкретных краниометрических показателей, позволивших им сделать эти выводы [Копыл, Татаринов, 1990].

Таким образом, вопрос об этнической принадлежности первых

мусульман среднего течения Северского Донца, остаётся открытым, во всяком случае до обработки собранных антропологических коллекций и сопоставления полученных данных с материалами других памятников и территорий.

Не менее интересным является вопрос, откуда пришли первые мусульмане, принесшие ислам на территорию в среднем течении Северского Донца. По мнению А.Г.Копыла и С.И.Татаринова, это были «кавары», упоминаемые в исторических источниках [Копыл, Татаринов, 1990, с.57-58]. При этом, авторы указывали, что «кавары» в плане религиозном, скорее всего, представляли собой очень пеструю картину.

К.И. Красильников считал, что распространение ислама в Подонцовье было связано с проникновением сюда каких-то групп мусульман с территории Средней Азии. Благодаря их проповеди ислам был принят частью местного протоболгарского населения. [Красильников, Красильникова, 2005, с.215].

Точка зрения, что в распространении ислама на территории Хазарии ведущую роль играли выходцы из Средней Азии, фигурирует в работах ряда исследователей [Якубовский,1948, с.261,262,270; Заходер,1967, с.154,156; Минорский,1963, с.194]. Имеются свидетельства в пользу распространения ислама из Средней Азии и на территорию Волжской Болгарии [Халикова, 1986, с.143].

В целом же, версия о среднеазиатском происхождении восточной культурной традиции, принесшей ислам в среднее течение Северского Донца, выглядит вполне логичной. В пользу ее свидетельствуют некоторые материалы, обнаруженные на поселениях рассматриваемого нами региона. Так, К.И.Красильниковым в качестве аргументации приводился факт присутствия тандыров на памятниках этой территории. На обследованных им поселениях, в 49 постройках из 37 отопительных сооружений, 21 было представлено тандырами [Красильников,1986; Красильников,Красильникова, 2005, с. 215]. Отопительные сооружения этого типа обнаружены и на археологических комплексах у с. Маяки и с. Сидорово. Интересен факт, что с гибелью СМК подобные сооружения на этой территории исчезают. Вновь они здесь появляются только в золотоордынское время, в связи с влияниями из Средней Азии. Кроме этого, на Сидоровском городище зафиксировано наличие водосборных ям, стенки которых облицованы либо верхней частью крупного пифоса, поставленной на венчик, либо нижней частью та-

кого же сосуда с выбитым дном. Возле этих ям расчищены отмостки из фрагментов керамики. Подобные ямы напоминают санитарные сооружения «тошна», распространенные на Востоке.

Возможно, с востока распространяются некоторые керамические формы, присутствующие на Сидоровском городище. К их числу относятся крышки с пестовидной ручкой (рис.2,1-7), производившиеся на Сидорово и не известные на других памятниках региона. Этот тип крышек широко представлен на поселениях X в. Волжской Болгарии, а их происхождение А.Х. Халиков связывал с влиянием джетыасарской культуры [Халиков, 1976,с.45]. Кроме этого, на памятнике была обнаружена еще одна массивная крышка, также не имеющая аналогов на памятниках СМК (рис.2,8). Интерес представляет факт находки на Сидоровском городище железной булавки с волютовидным завершением (рис.2,9), близкие параллели которой можно найти среди «стилетовидных» предметов из курганов новинковского типа [Матвеева, 1997, с. 69, рис.120,6] и в материалах аскизской культуры [Кызласов, 2001, рис.2,2].

Интересен тот факт, что на раннемусульманских некрополях среднего течения Северского Донца значительную часть могильных сооружений представляют ямы с заплечиками. На Лысогоровском могильнике количество их достигает 24%. На Сидоровском археологическом комплексе они вообще доминируют. Здесь всего 2 захоронения произведены в ямах с подбоем, остальные же — в ямах с заплечиками.

На всех раннемусульманских некрополях региона допущено существенное нарушение требований обрядности, выражающееся в отклонении от ориентировки погребенных лицом на Кыблу. Так, на Лысогоровском могильнике большинство могильных ям имеют отклонение к северу [Красильников, Красильникова, 2005, с. 214]. Более ярко это явление проявляется на Сидоровском комплексе, где абсолютное большинство могил (около 95%) имели отклонение к северу достигающее иногда 35° и более [Кравченко, 2005, с.157]. Таким образом, ошибка представляется весьма существенной, т.к. по отношению к рассматриваемой нами территории Мекка находится практически на юге. В целом, на некрополях Сидоровского комплекса строго по канону (запад-восток или с отклонением 2-3° к югу) ориентированы всего около 5% могил. Ранее автором данной работы было выдвинуто мнение, что подобное явление было связано с сезонными отклонениями солнца [Кравченко, 2005,с.157].

Указанный вопрос рассматривался и К.И. Красильниковым, который убедительно показал, что это не так [Красильников, Красильникова, 2005, с. 214]. Тем не менее, такая же картина наблюдается и на раннемусульманских некрополях Хорезма, на которых, в этот же период наиболее распространенным видом погребального сооружения также являлась яма с заплечиками, ориентированная с отклонениями в северный сектор [Амиров,2007]. В целом, создается впечатление, что вместе с исламом в среднее течение Северского Донца был привнесен и сложившийся на другой территории погребальный обряд, «тонкости» которого не совсем были понятны воспринявшему этот обряд местному населению.

Интересным является и вопрос о том, в связи с чем, могли появиться на западной окраине каганата первые мусульмане. Известно, что в крупнейших центрах Хазарии распространителями ислама были выходцы из мусульманского мира — купцы, ремесленники и наемные воины [Заходер, 1967, с.154, 156; Новосельцев, 1990, с.120-122, 131,153-154]. В статье, посвященной этой проблеме, автор отводил ведущую роль в распространении ислама в среднем течении Северского Донца торговым связям [Кравченко, 2005, с. 170]. Логично было бы предположить, что в этом случае поселения с мусульманскими могильниками (если пред-ставлять их как пункты или базы хорезмийских купцов) должны быть вытянуты вдоль трассы торгового пути вплоть до самой Средней Азии. Тем не менее, за пределами рассматриваемого нами региона (в верхнем течении Северского Донца, на Дону и Северном Кавказе) таких поселений нет. Противоречит этой версии и анализ монетных находок, происходящих с памятников среднего течения Северского Донца. Среди них несколько византийских монет: — солиды Константина V и Ирины (Сидоровское городище) и половинка подражания милиариссию X в. (городище Осиянская Гора). Из них одна фрагментирована, а вторая (солид Константина V) обрезана по кругу, что сближает ее с крымскими находками [Гурулёва, 2004, с.439-440]. Значительное количество подобным образом «испорченной» монеты содержал и клад из Анастасиевки, содержащий монеты, вывезенные с территории Крыма [Semenov, с.85]. Абсолютное же большинство находок представлено обрезками куфических дирхемов и арабо-сасанидских драхм. Только на археологическом комплексе у с. Маяки обнаружено более 20 обрезков куфических дирхемов, относящихся к выпускам VIII — нач. IX века[1]. Группа восточных монет (две по-

[1] *Автор пользуется случаем поблагодарить А.В. Шамрая за предоставленную информацию.*

ловинки арабо-сасанидских драхм, целый и 6 фрагментированных дирхемов, целый и фрагментированный фельсы) была выявлена и на археологическом комплексе у с. Сидорово [Михеев,1985, с.19; Кравченко, 2005, с.160]. Кроме этого, омейядский дирхем был найден в разрушенном погребении у с.Радьковские Пески, аббасидские дирхемы и их обрезки были выявлены в захоронениях Зливкинского [Городцов, 1905, с.212, 258], Дроновского [Татаринов, 1978,с.320-321] могильников, а также в разрушенном погребении(?) у с. Пришиб [Сибилёв,1931-1932, л. 43-44]. Еще один дирхем 815/16 гг. выпуска был обнаружен близ пос..Райгородок [Спесивцев, 1905,с.155-156]. Единственный саманидский дирхем, о котором упоминалось ранее [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с.139], как выяснилось, происходил не из этой территории.Близкая картина наблюдается к востоку [Красильников,Красильникова, 2005, с. 212] и югу от рассматриваемого нами региона.

Таким образом, на памятниках хазарского времени, расположенных в среднем течении Северского Донца полностью отсутствуют монеты, выпущенные Саманидами. Большинство обнаруженных здесь монет имеют следы длительного нахождения в обращении, причем, наиболее поздние из них были чеканены до сер. IX века. Показательно то, что к северу от этого региона, на территории лесостепи, находки саманидских монет, равно, как и подражаний им, представлены в достаточном количестве [Бейдин, Григорьянц, 2007, с.39-51]. Вполне вероятно, что если до сер. IX в. куфические дирхемы поступали в степь и лесостепь с юга [Кропоткин, 1978,с.111-118], то в более поздний период, они идут туда по другому пути, в обход рассматриваемой нами территории. Таким образом, в тот период, когда в среднем течении р. Северский Донец появляются мусульманские общины торговые связи между этим регионом и расположенными к северу от него лесостепными памятниками, по всей видимости, были ограниченными.

Вопрос о социальной структуре населения в среднем течении Донца и слое «проповедников» новой веры среди местного населения также остаётся малоизученным. Маловероятно чтобы в этом качестве выступали ремесленники. Судить о наличии следов ремесленной деятельности на поселениях, к которым относятся могильники Лысогоровка, Новолымаревка и Платоновка (рис.1,12), мы не можем в связи со слабой изученностью указанных памятников. Археологический комплекс у с. Маяки несомненно представлял со-

бой крупный ремесленный центр. На его некрополях, среди прочих, присутствуют и мусульманские захоронения. Тем не менее, их количество не столь велико, а обряд выдержан не так строго, как на соседнем Сидоровском городище, которое с полным правом можно назвать мусульманским памятником. Показательно, что на Сидорово находок орудий труда, связанных с ремеслами незначительное количество, а единственными ремесленными комплексами здесь пока что являются два гончарных горна, которые, скорее всего, обслуживали нужды жителей данного населенного пункта и его округи.

Куда более интересным представляется гипотеза о наемных воинах – носителях восточной культурной традиции. Наличие в столице Хазарии мусульманских наемников является фактом, зафиксированным источниками (ал-Истахри, ал-Масуди). По мнению В.Ф.Минорского, это были аланы – выходцы из Средней Азии [Минорский, 1963, с. 194]. Вполне реально предположить, что наемники-мусульмане могли использоваться и на других территориях, в том числе и на границах каганата. Регион, где были выявлены раннемусульманские некрополи, являлся пограничным и наличие здесь воинского контингента, в том числе, наемного, было вполне вероятным. К западу от этой территории поселения салтово-маяцкой культуры, характерные для Доно-Донецкого региона, встречаются редко. Основная часть памятников здесь представлена степными кочевьями, широко распространенными вплоть до побережья Азовского моря. Классическими их примерами являются весенне-летнее стойбище Грузское-8 в Добропольском р-не Донецкой обл. [Кравченко, Петренко, 2007] и зимовник у пос. Бердянское в Северном Приазовье (раскопки М.Л.Швецова, 1987г). К северу же от рассматриваемого нами региона находится обширная область лесостепного варианта СМК, которую в литературе иногда называют Северо-Западная Хазария. Южную ее границу определить трудно. Условный ее рубеж проходит в районе нынешнего г. Изюма Харьковской области [Тортика, 2006, с.9]. Реально же памятники лесостепного варианта СМК находятся к северу от этой условной линии [Афанасьев, 1987, рис.2].

Расположенная к югу от этой линии группа «городищ с земляными валами» [Плетнёва, 1967, с.22-24] и поселений СМК по всем показателям отличается от памятников лесостепи. Особенно резко эти отличия проявляются на материалах крупных археологи-

ческих комплексов с. Маяки и с.Сидорово, рядом с которыми и расположены безинвентарные некрополи, в том числе, с мусульманским обрядом захоронения. Рядовые поселения этого региона сопровождаются могильниками «зливкинского» типа. Катакомбных кладбищ здесь нет вовсе. Единичные катакомбы могильника у с. Желтое [Красильников,1991,с. 74-75, рис.7] являются исключением, которое подтверждает общую картину. Отсутствуют и могильники с биритуальным обрядом захоронения, присутствующие в лесостепной зоне. Так называемые «кремации», обнаруженные на Маяках, не содержат костных останков, что не позволяет отнести их к погребальным комплексам [Аксёнов, 2003, с.64-67]. Имеются отличия и в керамическом комплексе памятников [Кравченко, Давыденко, 2001, с. 242-247].

Таким образом, группа памятников среднего течения Северского Донца презентует несколько отличную восточную культурную традицию, нежели лесостепная зона, причем,мусульманские общины располагаются вдоль линии, граничащей с памятниками лесостепного варианта СМК. Собственно говоря, известные ныне раннемусульманские некрополи расположены цепью, вытянутой в степи с запада на восток, параллельно находящейся севернее границе лесостепи (рис.1).

В своих работах А.А.Тортика рассматривал Северо-Западную Хазарию в качестве передового форпоста на границе со славянским миром, указывая на высокую степень вооруженности и боеспособности ее населения. Вполне вероятно, что этот регион воспринимался современниками, как неотъемлемая часть Хазарского каганата и ее население существовало «как этнокультурная и социально-политическая целостность только в рамках хазарского господства» [Тортика, 2006, с.136,149]. Тем не менее, в периоды ослабления центральной власти (а именно в это время и появляются на Северском Донце мусульманские общины) единство и сильная милитаризация этого региона могла вызывать беспокойство кагана, с чем и могло быть связано появление здесь своеобразного заслона из верных ему мусульманских наемников. Длительное нахождение их в пределах населенных пунктов, высокий статус и влиятельность данной группы, могли вызвать принятие ислама местным населением, проживавшим на территории этих же поселений.

Вне сомнений, предлагаемая точка зрения является рабочей версией, требующей дополнительной аргументации. Существенно мо-

гут ее откорректировать как данные антропологии раннемусульманских некрополей, так и поиски новых подобных могильников на других территориях. Они вполне могут присутствовать близ южных границ Волжской Булгарии, а также в низовьях Волги. В последнем случае некрополи этого типа должны маркировать место нахождения хазарской столицы — Итиля.

Литература:

1. **Аксенов В.С.** К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища //Проблеми історії та археології України. Харків,2003.
2. **Афанасьев Г.Е.** Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. //Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
3. **Амиров Ш.Ш.** Мусульманский погребальный обряд в низовьях Амударьи (некоторые вопросы и перспективы исследований) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №1. Уральск.
4. **Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н.** Клады и монеты Харьковщины. Харьков, 2007.
5. **Городцов В.А.** Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года //Тр. XII АС. Т-1. М., 1905.
6. **Гурулева В.В.** Золотые монеты Константина V (741-775), найденные в Сугдее //Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004.
7. **Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе М., 1967. Т-2.
8. **Копыл А.Г., Татаринов С.И.** Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья //Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
9. **Кравченко Э.Е., Швецов М.Л.** О могильниках золотоордын-ской эпохи в Подонцовье //Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл конференции. Часть 3. Херсон, 1990.
10. **Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В.** Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим источникам) //Археологический альманах №7. Донецк, 1998.
11. **Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.** Сидоровское городище //Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001.

12. **Кравченко Э.Е.** Городища среднего течения Северского Донца //Хазарский альманах №3. К.-Харьков, 2004.
13. **Кравченко Э.Е.** Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Европе в хазарское время //Степи Европы в эпоху средневековья. Т-4. Донецк, 2005.
14. **Кравченко Э.Е., Петренко А.Н.**, Мирошниченко В.В. Исследования поселения Грузское 8 в 2007 г. //В печати.
15. **Красильников К.И.** Тандыры в салтовских жилищах Подонья// СА №2. 1986.
16. **Красильников К.** Могильник древних болгар у с. Желтое // Проблеми на прабългарската история и култура. Т.2. София, 1991.
17. **Красильников К.И.** Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII-нач.X вв. //Степи Европы в эпоху средневековья. Т-2. Донецк, 2001.
18. **Красильников К.И.**, **Красильникова Л.И.** Могильник у с. Лысогоровка — новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья //Степи Европы в эпоху средневековья. Т-4. Донецк, 2005.
19. **Кропоткин В.В.** О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе //Древняя Русь и славяне. М., 1978.
20. **Кызласов И.Л.** О свадебном наряде средневековых хакасок // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т.-1. Самара, 2001.
21. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
22. **Минорский В.Ф.** История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
23. **Михеев В.К.** Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с. Маяки в 1968 г. //НА ИА НАНУ 1968/48.
24. **Михеев В.К.** Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
25. **Новосельцев А.П.** Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. М., 1990.
26. **Плетнева С.А.** От кочевий к городам М., 1967.
27. **Сибилев Н.В.** Дневник разведок за 1931-1932 гг. //НА ИА НАНУ. Рукописный фонд Н.В.Сибилева. Ф-5 №166.
28. **Спесивцев В.** Находки в Райгородке //Труды XII археологиче-

ского съезда в Харькове в 1902 г. Т.1. Москва, 1905.
29. **Татаринов С.И.** Раскопки поселения эпохи бронзы на Северском Донце //АО, 1977. М., 1978.
30. **Тортика А.А.** Северо-западная Хазария в военно-политической системе каганата: к постановке проблемы //Степи Европы в эпоху сред-невековья. Т.4. Донецк, 2005.
31. **Тортика А.А.** Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
32. **Флерова В.Е.** Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001
33. **Халиков А.Х.** История изучения Билярского городища и его историческая топография //Исследования Великого города. М., 1976.
34. **Халикова Е.А.** Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X-XIII вв. Казань, 1986.
35. **Ходжайов Т.К., Швецов М.Л.** Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII-XIV вв. //Степи Восточной Европы во взаимо-связи Востока и Запада в средневековье. Тез докл. семинара. Донецк, 1992.
36. **Швецов М.Л., Кравченко Э.Е.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции в 1988 г. //НА ИА НАНУ 1988/165.
37. **Якубовский А.Ю.** К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X вв. //СА. X. 1948.
38. **Semenov A.I.** New evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) hoard of 8th century ad Byzantine and Arab gold coins //New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994

●

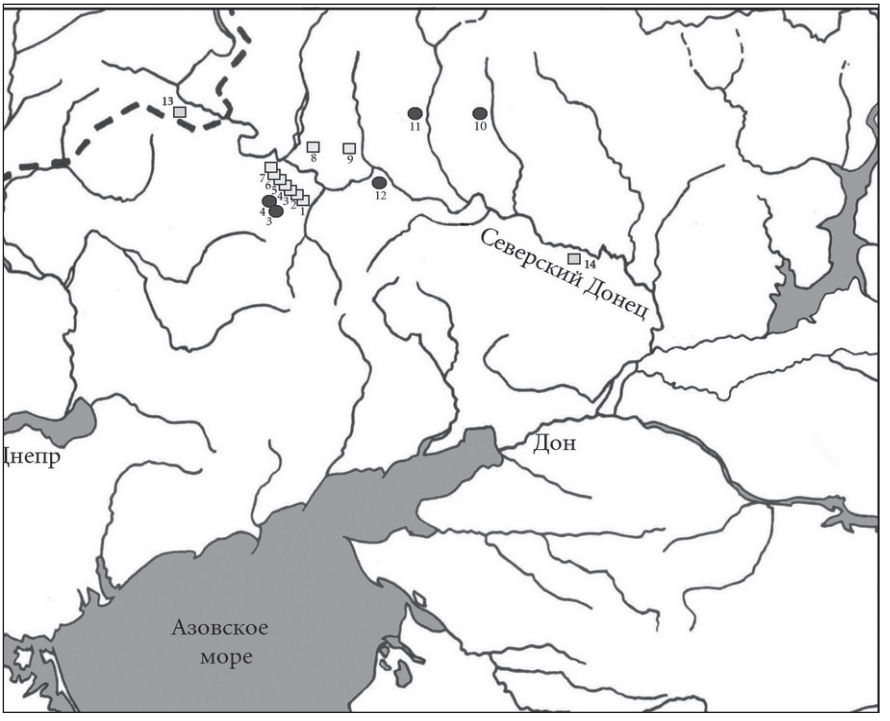


Рис 1. Городища и мусульманские некрополи
в среднем течении р. Северский Донец.
Городища: 1-Райгородок; 2- Осиянская гора; 3- Маяки; 4- Сидорово; 5-Татьяновка; 6-Святогорье; 7-Теплинское; 8-Новоселовка; 9-Кировск; 13-Сухая Гомольша; 14-Каменск-Шахтинский.
Мусульманские некрополи: 3-Маяки; 4-Сидорово; 10-Новолымаревка; 11-Лысогоровка; 12-Платоновка.

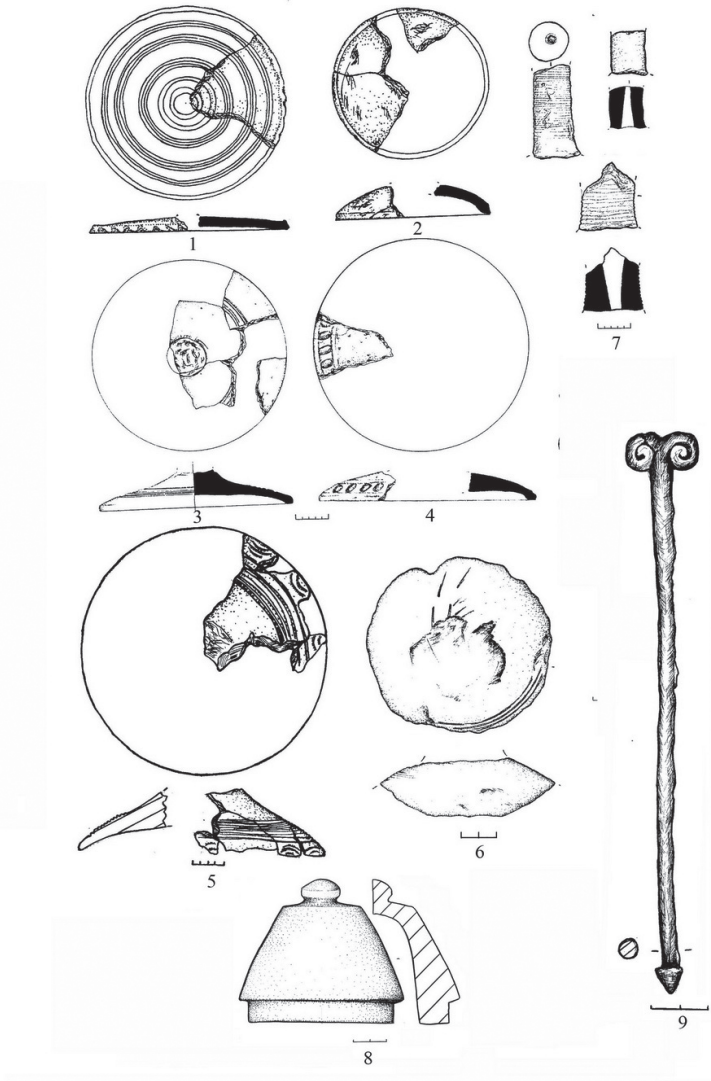


Рис 2. Предметы с археологического комплекса у с. Сидорово.
1-8 — керамические крышки; 9 — железная булавка.

Снежко И. А.

История открытия позднепалеолитических памятников Изюмщины

Все памятники эпохи позднего палеолита, известные на сегодняшний день на территории Харьковской области, концентрируются в среднем течении р. Северский Донец, на участке от г. Изюм до с. Яремовка. Их открытие связано с деятельностью Н. В. Сибилева в 1920-40 гг. и работами экспедиции Харьковского исторического музея в 1988-2009 гг. под руководством автора. В свое время Н. В. Сибилев более чем за два десятилетия досконально изучил этот район, открыв здесь 7 местонахождений, связанных с поздним палеолитом. Практический опыт работ автора публикации на этой же территории привел к обнаружению нескольких памятников позднего палеолита; раскопан один памятник, работы на втором продолжаются. Возникает вопрос — это новые памятники или те, что были открыты Н. В. Сибилевым? Его решению посвящена данная заметка.

Прежде всего, рассмотрим открытые Н. В. Сибилевым памятники, основываясь на его публикациях и личных записях, хранящихся в Научном архиве Института археологии НАН Украины (при цитировании сохраняется стиль и орфография автора).

В «Дневнике 1938-1939 гг.» есть запись об открытии следов палеолита у г. Изюм: «...в 6 км от Изюма, в местности, где раньше рос недавно вырубленный лес, я открыл громадную макролитическую стоянку с позднепалеолитическими и ранней бронзы кремневыми орудиями, а рядом, тоже на черноземе, макролиты и под ними в суглинке при зачистке обнажений оврага, на глубине 70 см от начала суглинка, кремневые орудия, нуклеусы и отщепы» [НА ИА НАНУ. - И.А/ а.ф.№13]. К сожалению, отсутствие точной привязки не позволяет идентифициро-вать это безусловно интересное местонахождение.

Два следующих местонахождения связаны с с. Каменка. В рукописи статьи «Новые стоянки с культурными слоями в лессовидном суглинке», датированной 1941 г., Н. В. Сибилев пишет: «Следы первой из новооткрытых стоянок — Каменской, найдены на крутом склоне высокой горы над Донцом неподалеку от села Большой Каменки. Здесь на глубине 70 см от начала суглинка, в разрезе

оврага встречаются скопления камня-песчаника, а между ними — кремневые пластины и орудия, мало внушающие доверия, но между скоплениями песчаника тянется слой кремневых желваков и среди них найдены грубые, типа Миньевской стоянки, нуклеусы и отщепы, уже безусловно побывавшие в руках человека. Сама стоянка, повидимому, находится на вершине горы, в урочище Верхний Степок. Стоянка эта открыта еще в 1901 г. В. А. Городцовым как неолитическая, раскопки на ней не проводились, костей в обнажениях стоянки не встречается» [НА ИА НАНУ - И.А/ а.ф.№3]. Урочище Верхний Степок в настоящее время является частью г. Изюм, и если здесь действительно был культурный слой, то он уничтожен городской застройкой. Собранные материалы не сохранились.

Непосредственно на территории села предполагалось наличие еще одного местонахождения: «Место, где могла быть палеолитическая стоянка, только одно — в Каменке у школы. Просим учителей следить за находками древних костей» [НА ИА НАНУ - И.А/ а.ф.№8.]. Эта запись относится к 1929 г., больше упоминаний об этом пункте у Н. В. Сибилева нет, очевидно, никаких сведений он не получил. На сегодняшний день мы также не располагаем информацией о находках костей и кремневых изделий на территории села.

Окрестностям с. Синичино Н. В. Сибилев уделил особенно много внимания — здесь им отмечено 4 пункта, описание которых приводится ниже. К юго-востоку от села находится большой овраг, названный Н. В. Сибилевым Киянским (современные жители села этим названием не пользуются). В дневнике за 1938-39 гг. упоминается о находке в верховьях оврага зуба мамонта, переданного в Святогорский музей [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№13]. Во время разведок 1940 г. исследователь вновь посещает это место: «У ученика Сухокаменской школы В. Малиновского купил зуб мамонта, собственно, его обломок. В верховьях оврага Киянского на высоте, повидимому, 2-й террасы осмотрели место, где был найден зуб мамонта. Удалось установить, что зуб был извлечен учеником не из стены обнажений, а из глины на месте водотечи оврага. Здесь поверху и в разрезах гумуса много кремневых отщепов, а из глинистого обнажения извлечен 1 кремневый отщеп. На склоне оврага, недалеко от дна был подобран обломок трубчатой кости средней величины (глубина оврага здесь около 3,5 м). Из самих стенок глины не извлечено ничего, но по склонам оврага в осыпях лежало множество

кремневых отщепов» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№15]. Весной 1941 г. были проведены пробные раскопки: «На месте, где в прошлом году были найдены микролиты, сейчас было выкопано два микролитических отщепа. Яр Киянщина в этом году размыт вешними водами, часть стоянки смыта. Попадались больше естественные желваки. Были тщательно исследованы на значительном расстоянии обнажения суглинка в яру Киянщина. Там ничего не оказалось.» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№16]. Кроме того, Н. В. Сибилев сообщает о находке «...макролитического типа отщепов, из них один ретушированный, обломка ориньякского типа микролитической кремневой проколки на глубине 1 м от начала суглинка». Он предполагал, что «...центр стоянки, видимо, целиком размыт и процесс размывания продолжается. По крайней мере, при осмотре стоянки весной 1941 г. северном разрезе оврага суглинка уже не оказалось, на этот раз тут просвечивали выходы мела и по склону разреза валялось множество кремней. На южной стороне оврага суглинок сохранился, но зачистка его обнажений на этот раз дала только пару маленьких отщепов. Зачищена площадь длиной до 10 м при ширине 40 см.» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№3]. В 1992 г. овраг был осмотрен мною от устья до верховья. Зафиксировано наличие кусков кремня, расколотых естественным образом. Следы культурного слоя не обнаружены.

В 1988 г. в ходе разведок автором публикации была открыта позднепалеолитическая мастерская, расположенная примерно в 200 м к западу от оврага, в непосредственной близости к сельским усадьбам. Первые находки были сделаны в осыпи стенок небольшого карьера, разрушившего, как оказалось впоследствии, северовосточную часть памятника. Западный участок был разрушен траншеей военного времени. Неповрежденный участок культурного слоя исследован полностью. Собрана коллекция из 1747 обработанных кремней, в которой представлены нуклеусы на разных стадиях обработки, отщепы, пластины, несколько десятков орудий. На площади памятника отмечено 7 скоплений кремня, соответствующие рабочим местам. [Сніжко, 2006]. Указаний конкретно на это место у Н. В. Сибилева нет, однако он высказал предположение, что «отщепами должны быть заняты и усадьбы Синичина, так как кремневые отщепы валяются по обеим склонам нижней части оврага Киянского» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№15].

К юго-востоку от села, в начале лесного массива, который тя-

нется вдоль Северского Донца до с. Яремовка, расположено урочище Пристен, где Н. В. Сибилев зафиксировал местонахождение позднепа-леолитического кремня. У подошвы крутой горы при зачистке обнажений «...на глубине 60-70 см от начала суглинка найдено много мелких отжимных отщепов, микролитические ножевидные пластинки целые и в обломках, микролитический нуклеус правильно ограненный, пластинки небольшие. Затем на расстоянии 90-100 см от начала суглинка, в том слое, где в прошлом году найдены верхнепалеолитические орудия, оказались довольно крупные отжимные пластинки. Еще ниже, на глубине 125-130 см, выкопаны массивные пластинки и отщепы, их немного» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№16]. «Стоянка занимает в ширину по реке не менее 70 м, причем в одном ее углу, вместе с кремнями встречаются окатанные мелкие и средние куски мела и самый суглинок окрашен меловой водой в беловатый цвет. Стоянка находится, повидимому, на самой вершине горы, но эта вершина покрыта лесом, и найти первоначальное залегание кремневых орудий пока не удалось» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№3]. В 1995 г. Сотрудники экспедиции Харьковского исторического музея, обследовав урочище Пристен, не нашли здесь не только следов местонахождения, но и вообще ни одного кремня.

Между селами Сухая Каменка и Синичино, к юго-западу от последнего, расположена возвышенность, где местами обнажается кора выветривания. Здесь и сейчас много желваков и фрагментов кремня, иногда попадаются артефакты со следами преднамеренного раскалывания. Н. В. Сибилев неоднократно осматривал эту территорию: «Гора между этими селами представляет громадную макролитическую стоянку, где местами встречаются поздненеолитические и ранней бронзы кремневые орудия, а в двух пунктах, уже в лессовидном суглинке на гл. 35-40 см, кремневые отщепы» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№13]. В ходе разведок 2004 г. экспедиция Харьковского исторического музея при активном участии А. В. Колесника осмотрела это район и отметила несколько пунктов локализации кремня. Местонахождение Синичино -1 расположено в 300 м на юго-запад от села, вдоль грунтовой дороги, выше мастерской у с. Синичино по склону водораздельного плато. Непосредственно под дерном залегает мергелевая щебенка, содержащая желваки и куски кремня. На участке около 30 м было найдено 5 отщепов серого кремня без патины. Местонахождение Сухая Каменка-1 на-

ходится на мысовидной площадке в верховьях отвершка балки на правом берегу р. Сухая Каменка, в 1 км на северо-восток от с. Сухая Каменка. Здесь были найдены патинированные отщепы и сечение двух-скатной пластинки. Местонахождение Сухая Каменка-2 расположено между двумя небольшими балками примерно в 600 м на северо-восток от моста через речку в с. Сухая Каменка. На задернованной поверхности найдены пренуклеус из кремня серомедового цвета, грубая двухскатная тонкая в сечении пластинка, массивная ребристая пластинка без патины. Неолитическая мастерская площадочного типа Сухая Каменка-3 занимает поверхность высокой террасы в 1,5 км на северо-восток от с. Сухая Каменка. Здесь были собраны нуклеусы, ребристые пластины, отщепы с ретушью, бифасиальные заготовки и др. [Сніжко, 2008].

С селом Сухая Каменка связано сообщение Н. В. Сибилева о находке ископаемых костей: «В с. С. Каменка узнали, что при разведках охры были найдены какие-то кости. Осмотреть кости не удалось. Рабочие шахты провели нас к месту пробного шурфа и тут оказалось, что кости средней величины животного были извлечены из лессовидного суглинка на глубине 6-7 м. Затем были осмотрены некоторые глинистые обнажения по склонам балки, где расположено с. С. Каменка. Осмотр их не дал ничего. Все же необходимо отметить, что и в с. Синичино и в с. С. Каменке было несколько случаев, по словам крестьян, находок зубов и костей мамонта, а в 2-х — 1,5 км отсюда, у мельницы, в урочище Чертов Кут, были найдены 10 лет назад, на глубине 14 м в суглинке зубы древнего слона» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№15].

Упоминание урочища Чертов Кут выводит нас к еще одному микрорегиону, обследованному Н. В. Сибилевым у с. Синичино, — территории между селом и устьем р. Сухая Каменка: «В самом Синичине и дальше до Чертова Кута и за последним склоны гор крутые и здесь всюду просвечивает лессовидный суглинок. Однако в Синичине и дальше до Чертова Кута склоны гор заняты садами и кустарниками, за Чертовым же Кутом тянется довольно густой лес. Поэтому найти здесь следы каких-либо стоянок не удалось. На вершине горы между Синичиным и устьем Сухой Каменки над крутыми склонами встречаются сначала в небольшом числе, а дальше все в большем и большем по мере приближения к устью Каменки кремневые отщепы и изредка нуклеусы, сколотые и отжимные. Особенно многочисленны они на вершине горы недалеко от устья

Каменки, там, где на поверхность местами выходит мел и стоит сторожевая вышка. Весь этот участок горы представлял собой сезонную стоянку по выделке кремневых орудий разного времени. Где находятся постоянные стоянки, пока еще не удалось установить, повидимому, стоянка времени бронзы и, возможно, палеолитическая находятся в устье Каменки на ее левом берегу. Это место мы еще не осматривали» [НА ИА НАНУ - И.А/ а. ф.№16]. Именно на этом месте, которое Н. В. Сибилев не успел осмотреть в свое время, в 2004 г. была открыта позднепалеолитическая стоянка-мастерская [Сніжко, 2005], исследования которой продолжаются в настоящее время. В ходе разведок 2004 г. также было отмечено местонахождение в 300 м на запад от с. Синичино, на поле, ограниченном неглубокой балкой и дорогой, ведущей от турбазы в с. Сухая Каменка. Собранная коллекция включает нуклеусы и нуклевидные обломки, резец на массивной двускатной пластине, отщепы и пластинки [Сніжко, 2008].

У с. Яремовка Н. В. Сибилев отметил наличие еще одного местонахождения, связав его с местом добычи кремня: «...над с. Яремовка, на вершине горы, мной найдены и сами кремневые копи в числе свыше 10, представляющие собой скопления кремня, где много отщепов, отбойников, отжимников и грубых нуклеусов» [НА ИА НА-НУ - И.А/ а. ф.№3]. Окрестности села осматривались нами в 1988 и 1995 гг. На возвышенностях, действительно, найдено довольно много кремневых желваков и естественных обломков, однако локализовать «мастерские» или «копи» нам не удалось.

Таким образом, открытия у с Синичино и с. Каменка в 1988 и 2004 гг. экспедицией под руководством автора настоящей публикации позднепалеолитических памятников вполне соответствуют сведениям и ожиданиям Н. В. Сибилева, хотя установлена гораздо более детальная карта памятников.

Подводя итоги, можно сказать, что Н. В. Сибилевым проделана поистине титаническая работа. Его энергия и настойчивость вызывают уважение. Им локализовано громадное количество археологических объектов в среднем течении Северского Донца и его притоков. Однако на вопрос: «Исчерпывают ли открытия Николая Викентьевича реальный потенциал памятников древнего каменного века региона?» следует ответить отрицательно. Нынешних и будущих исследователей ожидают новые открытия в этом, безусловно, перспективном районе. Такая ситуация вполне типична для регио-

нов, где сложилась длительная традиция исследования памятников одной эпохи.

Источники

Археологические разведки и сбор материала в 1927 г. Дневник // Научный архив Института археологии — И.А/ а.ф.№6.

Докладные записки // Научный архив Института археологии. - №117, п. 18.

Новые стоянки с культурными слоями в лессовидном суглинке. Рукопись // Научный архив Института археологии. - И.А/ а.ф.№3.

План работы на 1939 г., исследования 1938 г. Дневник 1938-1939 гг. // Научный архив Института археологии. - И.А/ а.ф.№13.

Разведки 1940 г. Дневник // Научный архив Института археологии. - И.А/ а.ф.№15.

Экскурсии и разведки в 1929 г. Дневник // Научный архив Института археологии. - И.А/ а.ф.№8.

Экскурсии 1941 г. Дневник // Научный архив Института археологии. И.А/ а.ф.№16.

Литература

1. **Сніжко І. А.** Відкриття нової пізньопалеолітичної стоянки на Харківщині // Одинадцяті Сумцовські читання. Матеріали наукової конференції. — Харків, 2005. - С. 54-55.
2. **Сніжко І. А.** Пізньопалеолітична майстерня біля с. Синичине // Археологический альманах №18, Донецк, 2006. — С. 111-117.
3. **Сніжко І. А.** Нові пам'ятки кам'яного віку на Харківщині // Археологический альманах №19, Донецк, 2008. — С. 211-216.

Шамрай А.В.,
Соловкин А.А.,
Филиппов А.П.

Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца

Проникновение мировых религий, в частности христианства, на территорию придонецких степей в средневековое время представляет большой интерес не только для исследователей средневековых памятников на данной территории, но и для всех, кто изучает историю религии. Актуальность данной темы возрастает в связи с присвоением титула «Лавра» Святогорскому Успенскому монастырю в 2004 году Синодом Украинской православной церкви Московского патриархата. Вместе с тем, дата появления первых христиан и возникновения иноческой пустыни в Святых Горах по-прежнему остается открытой [Дедов, 2004].

Все ранее известные символы православного вероисповедания, обнаруженные в 80-90 гг. XX в. в среднем течении Северского Донца, происходят с городища у с. Маяки (т.н. «Царино» городище) Славянского района Донецкой области. К наиболее ранним находкам относится каменная иконка с изображением креста с расширяющимися и закругленными концами (в левой части) и миндалевидного лица, вокруг которого расположены змеиные головы с раскрытыми пастями (в правой части). Датируется эта иконка по определению автора находки IX-XI веками. [Татаринов, 1996]. К сожалению рисунка или фото указанного артефакта автор данного сообщения в своём распоряжении не имел.

Определенный интерес представляет и каменная (шиферная?) иконка «Святой Николай и семь спящих отроков эфесских», экспонируемая в настоящее время в историческом музее Святогорского историко – архитектурного заповедника. На лицевой стороне иконки плоским рельефом в центральном киотчатом обрамлении изображена поясная фигура св. Николая. Вокруг него в семи отделениях изображены спящие отроки в разных позах. Близкие аналогии имеются среди миниатюрных каменных рельефов Новгорода второй половины XIII – XIV вв. [Шамрай, 1995].

Этим же временем датируется медный позолоченный медальон с изображением св. Николая, выполненный в технике перегородча-

той эмали. Прямых аналогий не имеет, возможно, он изготовлен за пределами Руси (Византия?) [Кравченко, Швецов, 1995].

В последние годы накоплен дополнительный материал по этой проблематике, позволяющий ещё раз обратится к данной теме, пересмотреть некоторые вопросы, связанные со временем появления первых христиан и локализации территории их обитания. Так, на «Царином» городище во время обследования и сбора подъемного материала был найден медный крестик размерами 2,2 х 3,2 х 0,3 см (верхняя часть с ушком утрачена). Крестик имеет расширяющиеся и закругленные концы, а также углубления для эмали с обеих сторон (эмаль частично сохранилась, но утратила первоначальный цвет) (рис.1, 1). Прямые аналогии этому крестику имеются в древнерусских погребениях XI – XII вв. [Седов, 1982, с. 101, 200, табл. XXVI, 30].

Редкими для среднего течения Северского Донца являются находки двух крестов-энколпионов. Первый происходит из разрушенного погребения воина (найденного недалеко от с. Маяки Славянского района Донецкой обл.), и представляет собой оборотную створку медного литого энколпиона размерами 5,1 х 3,5 х 0,3 см. с выступами-«слезками» и расширяющимися концами (рис.1, 2). В центре находится черневое изображение 8-конечного креста с сиянием. По краям креста расположены углубленные медальоны с надписями (нижний утрачен): «ІС» на верхнем, «Ж» и «С» на боковых. По информации, исходящей от нашедших этот артефакт, энколпион был целый и лежал на груди воина, облаченного в пластинчато-кольчужные доспехи. Кроме того, при погребённом находился клевец, но вследствие особенностей почвы металл имел очень плохое состояние и не сохранился. Данный тип энколпионов датируется XII-XIII вв. [Корзухина, Песков, 2003].

Местом находки второго энколпиона также являются окрестности Маяцкого городища (рис.1, 3). Это крест с закругленными концами из медного сплава, литой, имеет размеры 4,5 х 2,5 х 0,85 см. На лицевой створке находится рельефное изображение распятия. Над головой Христа углубленными линиями нанесён четырёхконечный крест с расширяющимися концами. На оборотной створке помещено изображение Богоматери с ладонями раскрытыми перед грудью, окаймленное декоративными насечками. По боковым концам углубленные гравированные надписи «МР» и «ѲУ». Нижняя створка на 0,15 см выше верхней, что свидетельствует о нахождении ре-

ликвии именно в ней. Рельефы на обеих створках креста потёрты, поверхность патинирована. Данный энколпион имеет аналогии среди древнерусских энколпионов XII — первой половины XIII вв. [Корзухина, Песков, 2003].

Наличие перечисленных выше христианских древностей, найденных за пределами древнерусской территории является материальным подтверждением летописных рассказов о сложных контактах Руси со степным населением Придонцовья, в том числе воинских походов X — XII веков, а также свидетельствует о том, что некоторая часть населения, проживающего в среднем течении Северского Донца в домонгольское и монгольское время, было православно-христианским. Жители древнерусских городов, видимо, хорошо знали эту территорию, поскольку именно через нее проходил «Залозный путь» — торговый путь из Киева к Азовскому морю в Тмутаракань. Подтверждением этого являются находки на нашей территории серебряной монеты Мстислава Владимировича (988-1034 гг.) и половинки пока не атрибутированной свинцовой вислой печати (XI-XII вв.), также содержащих христианскую символику.

Письменных источников о той далекой поре сохранилось немного. Анализируя сообщение Ипатьевской летописи о походе 1111 года Владимира Мономаха на половцев, где речь идет о жителях Шарукани, которые встретили русских князей вином и рыбой, «...выидоша из города и поклонишася княземъ Рускымъ, и вынесоша рыбы и вино...», исследователи пришли к выводу, что население этого города было представлено христианами. Город Шарукань некоторыми авторами отождествляется с Тепленским городищем, которое находится у с. Богородичное Славянского района [Сібільов, 1950].

В той же Ипатьевской летописи под 1185 годом повествуется о походе Новгород—Северского князя Игоря Святославича на половцев, воспетом в «Слове о полку Игореве». После поражения русских войск и пленения, князь Игорь долго молился, и освободил его «...Господь за молитвоу христыяньскоу...» из плена. Бежал князь Игорь, переплыв реку Тор и «...перееди на оноу стороноу Тора с конемъ поводнымъ...». Летописный Тор — это современная р. Казенный Торец, на которой расположен современный г. Славянск [Гетманец, 1982]. Князь бежал, но в плену остались русские воины.

Возможно воины Переяславского князя Владимира Мономаха в единстве с дружинами Киевского князя Святополка Изяславича и Черниговского князя Давида Игоревича (поход 1111г.), Новгород-Северского князя Игоря (поход 1185г.) оставили после себя христианские древности в среднем течении Северского Донца, немые свидетельства торжества христианства и воинской отваги на крутых меловых берегах Северского Донца.

Литература:

1. **Гетманец М.Ф.** Тайна реки Каялы («Слово о полку Игореве»). Харьков: Вища школа., изд-во при Харьковском ун-те, 1982 . — 144 с.
2. **Дедов В.Н.** Святые горы. От забвения к возрождению. Славянск, 2004 г.
3. **Корзухина Г.Ф.,** Пескова А.А. // Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI — XIII вв. СПб. 2003.
4. Кравченко Э.В., Швецов М.Л. Новые данные о христианском населении края в XIII — XIV вв. // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры. Славяногорск, 1995. С. 70-79.
5. **Седов В.В.** Восточные славяне в VI — XIII вв. // Археология СССР. — М., 1982 .
6. **Сібільов М.В.** Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походом Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського // Археологія IV. - К, 1950 .
7. **Татаринов С.И.** Загадковий предмет з Маяцького городища на Донеччині // Бахмутський часопис №5, 6. Артемівськ, 1996 — 1997. - С. 8-9.
8. **Шамрай А.В.** Каменная иконка с Царина городища // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры Научно-практический семинар(к 15-летию основания заповедника). Славяногорск, 1995. - С.67-70.

●

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Розділ ІІ

Історичні та пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство.

Дедов В.Н.

Летописный источник о походе 1111 гогда древнерусских князей на половцев.
(опыт исследования сакральных текстов)

В преддверии 900-летия похода объединенных дружин Киевской, Переяславской, Черниговской земель в 1111 году под предводительством переяславского князя Владимира Мономаха в половецкую степь, актуализируются некоторые вопросы истории этого похода, не нашедшие разрешения в исторической науке или исследованные недостаточно всесторонне.

Религиозный аспект наступательных походов Киевской Руси на половцев в нач. XII в. отмечается практически всеми исследователями древнерусских летописей, прежде всего Ипатьевского списка. В последнем помещено подробное описание похода 1111 года с указанием географических пунктов и дней переходов, дат, хода военных сражений и обстоятельств взятия половецких городов. [ПСРЛ, т.2, 1908, стб.264-268].

Другой особенностью летописных рассказов о походах древнерусских князей на половцев в нач. XII в. является активное использование летописцем цитат, выдержек, заимствований из священного писания, произведений отцов церкви, средневековых исторических хроник. Наибольший по объему текст сакрального характера предпослан рассказу о походе древнерусских князей вглубь половецких земель в 1111 году. Условно этот текст разделяется на две части:

1. Компиляция из различных источников на тему ангелов и их роли в исторических судьбах народов и отдельных личностей. Назовем этот блок текстов «учением об ангелах». Он в свою очередь разделен автором летописного свода на две большие части — перед рассказом о походе 1111 г. (начиная с повествования о знамении огненного столба в Печерском монастыре) и после победоносного завершения похода. По объему текста «учение об ангелах» более чем в 2 раза превышает объем текста собственно рассказа о походе 1111 года. [ПСРЛ, т.2, 1908, стб.262-264; 268-273]. Для понимания объема повествования «об ангелах» укажем, что количество знаков в нем превышает 7 тысяч.

2. Вторая часть текста религиозного характера неразрывно свя-

зана с описанием самого похода и участием в нем священнослужителей. Богослужение, религиозные процессии, благодарственные молитвы и поклонения кресту пронизывают всю цепочку событий от начала похода 26 февраля 1110 г. до его завершения 27 марта 1111г. (годичный цикл начинался 1 марта).

О значении, которое придавал летописец своему повествованию об ангелах, говорит не только его объем в статьях 1110-1111 годов летописного свода, но и количество источников, которое использовал автор: среди них цитаты из псалтыря (псалмы XC,11; CIII,4;), выдержки из ветхозаветной книги «Исход» (X,1-21; XIII,20-23; XXXII,23; XXXIII, 2-3); заимствования из сочинения «Якорь веры» святителя Епифания Кипрского (IV в.); фрагменты из средневековой хроники «Иосиппон»; библейские сюжеты из книги пророка Даниила (VIII, 1-13, 20-22; X, 6; XIV, 31-36); выписки из средневековой хроники Григория Амартола (IX в.); обращения к книге Чисел (XXII; XXVII-XXX); Иисусу Навину (V, 13-14); посланию апостола Павла (евреям, 1.14); Деяниям апостолов (XII, 13-15); Четвертой книги царств (XIX-35); книге «Второзаконие»; Евангелию от Матфея (XVIII, 10). [Літопис руський,1990,с.164-169; ПВЛ, комментарий, 2009].

Компиляция сакральных текстов из приведенных выше источников представляет из себя единое повествование провиденциального характера, посвященное теме реализации божественной воли через ангельский чин. Автор летописи последовательно проводит мысль о существовании различных видов ангельского чина, приставленных ко всему сущему на Земле. Отдельный чин ангелов приставлен к землям и народам, являясь последним в том или другом образе для исполнения воли всевышнего. В качестве примера летописец приводит библейский сюжет о выводе Моисеем евреев из Египта и ангельском сопровождении Моисея в образе огненного столба. Указанный пример следует по тексту летописи после сообщения о явлении огненного столба в Киево-Печерском монастыре 11 февраля 1110 г. в 1 час ночи над трапезной, который затем последовательно переместился на «гроб Феодосия» и на восток. [ПСРЛ, т.2,1908, стб.261]. Здесь же следует пояснение летописца, что ангел в образе огненного столба предвещает военный поход на иноплеменников-половцев. Отметим, что Лаврентьевская летопись, (которая по заключению А. А. Шахматова является древнейшим сохранившимся сводом) ограничивается этим примером и на этом

заканчивает сакральную часть текста. Далее следует приписка игумена Михайловского Выдубецкого монастыря Сильвестра о его авторстве в составлении летописи в княжение Владимира Мономаха в Киеве в 1116 г. [ПСРЛ, т.1, 1926, стб.286].

Ипатьевский список не знает разрыва в повествовании статьи 1110 года и продолжает сакральный текст той же смысловой направленности. Летописец обращается к фигуре полководца Александра Македонского, историческим судьбам персов и евреев, к которым приставлен чин архангелов — Михаила и Гавриила. [ПСРЛ, т.2, 1908, стб.263]. Именно А. Македонскому является ангел в образе мужа с мечем, подобном молнии с изъяснением воли божьей о мирном входе Александра в Иерусалим, который в 30-х гг. III в. до н.э. находился во власти персов, воевавших с греками. Благодаря покровительству небесных сил, полководец не только без боя вошёл в город, но и получил пророчество о его грядущей победе над персидским царём Дарием. Здесь же проводится параллель с русскими князьями, которые также имеют покровительство ангелов, о чём красноречиво засвидетельствовало явление огненного столба в Киево-Печерском монастыре.

Далее сакральный текст прерывается для описания самого похода в половецкую степь. И чтобы не было сомнений в личности богоизбранного князя среди прочих победителей, летописец сразу указывает, что бог вложил Владимиру Мономаху мысль о походе и тот побудил Святополка Киевского собрать объединённую дружину князей русских ранней весной 1111 г.

Вторая половина текста «учения об ангелах» размещена сразу после текста о победе русских князей на реке Сальница 27 марта 1111 г. и по объему превышает первую часть сакрального текста (до рассказа о походе 1111 г.). Поскольку анализу этого текста будет посвящено отдельное место в настоящей статье, представляется целесообразным вначале обратиться к историографии вопроса.

С проблемой определения своего отношения к тексту сакрального содержания в статьях 1110-1111 гг. летописного Ипатьевского свода сталкиваются так или иначе все исследователи летописей, хотя как предмет специального исследования религиозный аспект военных походов на половцев до последнего времени не рассматривался. Это связано с устоявшимся с XVIII века мнением, что сакральные тексты в летописях есть необходимая составляющая религиозного сознания летописца в средние века и свидетельствует

больше о его мировоззрении, начитанности, знании средневековой отечественной и зарубежной святоотеческой литературы, исторических хроник. Поэтому, как источник, иносказательно свидетельствующий об истории похода на половцев 1111 г., сакральный текст «учения об ангелах» практически не рассматривался, в лучшем случае, давалась оценка как тексту провиденциального характера.

Еще Н.М. Карамзин, работая над подачей истории похода 1111 года в «Истории государства Российского» писал 9 августа 1811 года: ««Повесть временных лет» сообщает (под 1111г.), что русское войско в трудной битве разгромило половцев с помощью ангелов небесных. Как это показать в XIX столетии? Просто пересказать этот текст — наивно, ненаучно, пристало ли просвещенному ученому, пусть и верующему сообщать читателям, что ангелы 26 марта 1111 года были союзниками князей Святополка Изяславича и Владимира Мономаха. Смеяться же над древним суеверием непристойно, да и опасно (Голенищев-Кутузов непременно донесет). Можно конечно пропустить несущественную подробность, но тут уж возмущается историк-художник. Выход найден простой и изящный, - продолжает Н.М. Карамзин, — битва, самая отчаянная и кровопролитная доказала превосходство россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный герой и быстрым движением своих полков сломил неприятеля. Летописец говорит, что ангел свыше карал половцев и что головы их, невидимою рукою «ссекаемые» летели на землю: бог всегда невидимо помогает храбрым.[Цит.по Натан Эйдельман,1983]. Как видно из приведенной цитаты, Н.М. Карамзин испытывал затруднения в части изложения летописных свидетельств сакрального содержания, находящихся в описании самого похода. Что касается «учения об ангелах», то эта часть летописного рассказа вообще была «вынесена за скобки».

Вопрос о единстве текстов сакрального характера (учение об ангелах) с рассказом о самом походе был рассмотрен еще К.Н. Бестужевым-Рюминым в сер. XIX в.: «Видение столпа огненного над Печерским монастырем, объясненное явлением ангелов, тоже записано, вероятно, в Печерском монастыре... С ним находится в тесной связи рассказ о походе князей на половцев 6619 г. и о помощи, чудесно оказанной ангелами... Это едва ли не одно и тоже сказание: там предвещение, здесь исполнение, и тут и там обилие текстов, показывающих вмешательство ангелов». [Бестужев — Рюмин,1868,с.14-15]. В этом отрывке содержатся два принципиаль-

но важных вывода:

1) рассказ о походе 1111 г. составляет единое произведение с «учением об ангелах», начиная с явления огненного столпа;

2) летописный рассказ написан в Печерском монастыре летописцем — свидетелем явления огненного столба.

Здесь же автор делает вывод, что рассказ об огненном столбе и походе 1111 г. мог быть привнесен в летопись как самостоятельный источник и существовал во время составления Повести временных лет отдельным произведением. [Бестужев-Рюмин, 1868, с.48].Этот вывод был в принципе подтвержден последующими поколениями исследователей.

Определённые затруднения вызывал религиозный аспект похода 1111 г. у академика Д.И. Багалея. Обратив внимание на религиозную процессию, организованную Владимиром Мономахом перед половецким городом Шарукань и «необъяснимый» выход жителей вражеского города с дарами навстречу князьям древнерусским, историк задался вопросами:

— Зачем было Мономаху ставить попов и петь тропари и кондаки?

— Каким образом население, оставшееся в Шарукани могло вынести русским князьям вино и рыбу?

— Почему иная судьба постигла Сугров?

Ученый не находит другого объяснения как наличия в Шарукани русского населения христианского вероисповедания.[Багалей, 1882, с.185-186].

К такому же выводу приходит другой исследователь XIXв.-доктор истории П.В. Голубовский. [Голубовский, 1884, с.194].

В целом же историография XIX в. в оценке религиозного аспекта походов начала XII в. на половцев ограничивалась констатацией роли церкви в духовном окормлении и моральной поддержке объединенного войска Киевской Руси в далеком походе в глубь половецкой степи. «Никогда быть может политика южнорусских князей не согласовывалась в такой степени с желанием и симпатиями общества. В последнем борьба с половцами возводилась на степень высокопатриотического подвига, получала религиозное освящение», — писал молодой историк М. Грушевский в 1891 году. [Грушевский, 1891, с.117].

Начало XX века ознаменовалось выходом фундаментальных трудов академика А.А. Шахматова по исследованию летописей, прежде

всего наиболее ранней их структурной части, «Повести временных лет» (ПВЛ). [Шахматов, 1908; 1916]. Сакральный текст летописца в статьях 1110-1111 гг. по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам, а также другим летописям подвергся текстологическому анализу, в связи с тем, что текст « учения об ангелах» в незаконченном виде завершает «Повесть временных лет» в Лаврентьевской летописи 1377 г. и других списках Лаврентьевской группы. А.А. Шахматов делает вывод о структурном составе летописных сводов, их различных источниках и трех редакциях ПВЛ, первая из которых принадлежала перу Нестора-летописца, была написана ок.1113 г. и до нас не дошла, вторая — отредактирована игуменом Выдубецкого Михайловского монастыря Сильвестром в 1116 г. и сохранилась в Лаврентьевской летописи. Третья редакция ПВЛ сохранилась в составе Ипатьевского свода, продолжила сакральный текст «учения об ангелах» Сильвестровской (2-й) редакции с переходом в описание объединенного похода древнерусских князей на половцев в 1111 г. и доводит текст ПВЛ до 1118 года. По мнению А.А. Шахматова автором третьей редакции был летописец, приближенный к дому Мономаховичей, прежде всего Мстиславу Владимировичу, сыну Владимира Мономаха. Выводы А.А. Шахматова в целом были приняты исторической наукой и развиты в трудах последователей академика, прежде всего, проф. М.Д. Приселкова [Приселков,1996]. Последний, вслед за А.А. Шахматовым, проведя глубокий текстологический анализ летописных текстов по различным спискам, подтвердил вывод, весьма важный для предмета нашего исследования: авторы 2-й и 3-й редакций Повести временных лет, выполняя рекомендации Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава, отредактировали и дополнили авторский текст летописца Нестора, убрав положительные характеристики Киевского князя Святополка Изяславича (на Киевском столе с 1093г. по 1113 г.) и выдвинули на первый план в историко-политическом плане Владимира Мономаха, ставшего князем Киевским в 1113 г. по призванию киевлян. Особо тщательной переработке, по мнению исследователей, подверглась заключительная часть ПВЛ, а повествование о походе 1111 года вообще исчезло после редакции «несторовской» летописи. «Последнюю часть своей летописи по 1110 г.,— пишет один из самых авторитетных исследователей ПВЛ, академик Д.С. Лихачев,— Нестор писал в значительной мере на основании лично им собранных сведений. Мы имеем лишь слабое представление об этой работе

Нестора, так как именно конец «Повести временных лет» подвергся через несколько лет коренной переработке». [Лихачёв, Великое наследие, ПВЛ, 2009]. Эта точка зрения с оговорками была принята в середине XX века и другими исследователями. Так, академик Орлов А.С. в своем труде, посвященном личности Владимира Мономаха писал, касаясь оценки походов нач. XII в.: «Мономах боролся упорно и мужественно, но есть основания думать, что первую роль в походах играл Киевский князь Святополк как изображал это (по гипотезе Шахматова) Нестор в своем летописном своде, дошедшем до нас в переделке игумена Сильвестра 1116 г., которая и возвела Мономаха на первый план... В 1103 г. союз русских князей «умыслил дерзнуть» на первый степной поход. Хорошо подготовленный, этот поход, как и последующие 1107 и 1111 г., как и смелые и глубокие рейды в степь 1109 и 1120 гг., оканчиваются победой и выводом из степей значительных орд степняков... Могущество половцев было несомненно сломлено, а слава этих предприятий приписана позднее Владимиру Мономаху, хотя едва ли заслужена им одним». [Орлов,1946, с.62; 82-83].

Эти выводы несомненно оказали влияние на подходы к исследованию сакральных текстов, относящихся к походам начала XII в., заставили обратить внимание на соответствие летописных свидетельств другим источникам, в частности жизнеописаниям печерских монахов в XI-XII вв., собранных в Киево-Печерском Патерике. Исследователи 2-й половины XX в. пытаются выделить в летописном тексте религиозного содержания не один, а два, иногда три информационных слоя, наклады-вающихся один на другой в результате переработки текста разными авторами.

Безусловным шагом вперед в развитии методологии исследования сакральных летописных текстов, являются теоретические работы академика Д.С. Лихачева. [Лихачёв,1975; 2009]. В них ученый не только дает характеристику летописному тексту как во многом провиденциальному, но указывает, что свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде.

Другим важным заключением Д.С. Лихачева есть вывод о восприятии летописцем победы над врагом, как обретение пространства, на котором различные географические точки наполняются историческими воспоминаниями и церковными реликвиями, отчего освящаются ими, приобретая облик священных мест.

И третий постулат, необходимый для правильного понимания

сакрального текста — это средневековые представления летописцев Киевской Руси о времени. «Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключали нас самих из восприятий времени — подчеркивает Д.С. Лихачев, — прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, а настоящее и будущее в конце его...Поэтому «переднее» — прошлое было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, первопричина». [Лихачёв,1975, с.5-11].

Расширение методологических подходов к исследованию летописных текстов во 2-й пол. XX в., позволили некоторым исследователям распознать в походе Киевской Руси на половцев в 1111 г. характер крестового похода по аналогии с рыцарскими крестовыми походами к. XI - нач. XII в. Западной Европы. В 80-х гг. XX в. в научно-популярной литературе уже утвердилась мысль об особом смысле и значении походов нач. XII в. в степь за освобождение от поганых торговых путей и земель в Приднепровье и Придонцовье. [Сахаров, 1985, с.504-505].

В современных публикациях эта гипотеза закрепилась за походом 1111 г. в придонецкие степи и формулируется как крестовый поход Руси против идолопоклонников. [Боханов, Горинов, 2009]. Немаловажное значение для правильного понимания сакральных текстов, сопровождающих описание похода 1111 г., имеет гипотеза выдвинутая академиком Б.А. Рыбаковым в 60-х гг. XX в. об авторстве летописного рассказа о походе 1111 г., включенного в состав Ипатьевского списка. На основе текстологического анализа древнерусских литературных источников ученый приходит к следующему выводу: «Хождение Даниила» и сказание о Шаруканском походе (поход 1111 г. — В.Д.) с многочисленными упоминаниями пророка Даниила с одинаковыми диалектологическими признаками разговорной речи тоже дают нам право считать их произве-дениями одного автора.» [Рыбаков, 1963, с124].В дальнейшем Б.А. Рыбаков развивает свой тезис об авторстве игумена Даниила нескольких средневековых литературных произведений, в том числе гипотетической «Повести о Шаруканском походе». При этом исследования историка подтвердили ранее высказанное предположение об игумене Данииле как выходце из Черниговской земли. [Рыбаков,2009]. Эта точка зрения Б.А. Рыбакова была принята другими исследователями и приводится в научных изданиях в качестве доказанного

факта. [Прокофьев,1984; Водорезов,1972].

В современной историографии начала XXI в. все чаще наряду с гипотезой об участии игумена Даниила в походе 1111 г. и его авторстве гипотетического «Сказания о Шаруканском походе», встречаются предположения о том, что инициатива придания воинскому походу на половцев характера крестового похода также принадлежала игумену Даниилу и именно этим объясняется участие в нем священнослужителей. [Боханов, Горинов, 2009].

Принципиально новым шагом в методологии исследования летописных текстов сакрального характера стало внедрение герменевтических основ (правильного понимания текстов). На современном этапе этот подход и его методические приемы активно использует И.Н. Данилевский и его последователи. [Данилевский, 2004; Ивков, 2009]. По существу речь идет о специальной культурологической интерпретации летописного текста, прежде всего сакрального характера, с выявлением нового уровня (слоев) информации, до сих пор ускользавших от исследователей. «Лишь через анализ сакральных текстов... можно выйти на более глубокое понимание описаний событий, оставленных летописцем», - подчеркивает И.Н. Данилевский.[Данилевский, 2004, с.139]. Добавим, что такой подход позволяет подобрать ключ к восстановлению (реконструкции) сюжетных ходов, опущенных автором летописных рассказов, либо исчезнувших (измененных) в результате позднейшего вмешательства в тексты других авторов. Применение герменевтических основ к анализу сакральных текстов летописных статей 1110 -1111 годов по Ипатьевскому списку дали неожиданные результаты. Так, известный текст о знамении огненного столба 11 февраля 1110 года в Печерском монастыре традиционно интерпретировался как провиденциальный сюжет, относящийся к походу 1111 года и особой роли в нем Владимира Мономаха как князя-победителя. Эта логическая связка, неоднократно подчеркиваемая по тексту летописи, усиливалась введением в сюжет библейского персонажа Моисея, ведомого ангелами (в период вывода евреев из Египта) в образе огненного столба. Казалось бы совершенно незыблемый с точки зрения местонахождения в летописи и его смыслового значения сюжет стал предметом специального источниковедческого анализа, в результате которого исследователем Ю.А. Артамоновым был сделан вывод, что в первоначальном тексте летописи сюжет об огненном столбе находился не в статье 1110 г., а в рассказе о

закладке Златоверхого собора архистратига Михаила Святополком Изяславичем в 1108 г. [Артамонов, 1996].

Поскольку сюжет об огненном столбе традиционно соотносится с походом 1111 г. и соответственно является предметом настоящей статьи, приведем некоторые собственные суждения по этому поводу. Безусловная связь между редакциями ПВЛ и другим важнейшим источником — Киево-Печерским патериком, отмеченная Ю.А. Артамоновым при анализе сюжета об огненном столбе несомненно прослеживается. Но, если в исследовании Ю.А. Артамонова проводится параллель с текстом сказаний о Феодосии Печерском [Киево-Печерский патерик, 1991, с.20-51], то мы предлагаем соотносить летописный текст о знамении огненного столба с почти аналогичным текстом в Киево-Печерском патерике, помещенным в рассказе о житии Пимена многоболезного.[Киево-Печерский патерик,1991, с.138-142].

Автором этого сказания считается монах Поликарп, трудившийся над составлением отдельных рассказов о преподобных печерских монахах в первой пол. XIII в. и использовавший печерскую летопись, а также свидетельства пр. Нестора о черноризцах Печерских. Детали в описании жития Пимена и явлении огненных столбов в день его кончины заставляют предположить, что автор первоначального текста сказания о Пимене и огненных столбах был очевидцем описанных событий. В исторической науке утвердилась точка зрения, что кончина Пимена многоболезного, описанная в патерике и летописное известие об огненном столбе произошли в один и тот же день 11 февраля 1110 г. [Дива печер Лаврських,1997,с.61].В этой связи важным представляется вопрос об оценке явления огненного столба составителем патерика и соотнесение этой оценки с мнением автора летописного рассказа статьи 1110 г. Поскольку в издании 1991 г. Киево-Печерского патерика содержится неточный перевод интересующего нас текста с исключением ссылки на летописный источник, обратимся к тексту 2-й кассиановской редакции Патерика XV в.: «Во время же представления его (Пимена — В.Д.) явилось три столпа над алтарем и оттуда на верх церкви перешли. О них сказано в летописи. Господь же ведает — ради ли этого блаженного было там знамение или иное что хотел он обозначить этим». [Киево-Печерский патерик, 2009].

Разночтения в тексте об огненных столбах в Патерике и 2-й и 3-й редакциях Повести временных лет, составленных Сильве-

стром в 1116 г. и летописцем «из круга» Мстислава Владимировича (1118 г.) очевидны. Во первых, в Патерике указано на три столба, а в летописи- один. Но главное отличие - в оценке самого явления. Сильвестр и «летописец» 3-й редакции ПВЛ видели в знамении предзнаменование похода на половцев в 1111 году и Владимира Мономаха — избранником небесных сил, призванным возглавить поход. Автор жития Пимена и Печерский летописец «не усмотрели» в знамении свидетельства будущего похода под предводительством Владимира Мономаха, а высказали сомнение относительно его значения: «Господь же ведает - ради этого блаженного было там знамение или иное что хотел он обозначить этим». Совершенно очевидно, что при составлении жития Пимена, автор имел уже несколько источников, противоречащих друг другу в отношении оценки знамения огненного столба. Осмелимся предположить, что Печерская летопись (1-я редакция ПВЛ) не связывала это знамение с выбором Владимира Мономаха как лидера и организатора похода. В период 1110-1111 гг. в Киево-Печерском монастыре в чести был другой ктитор - Киевский князь Святополк Изяславич, укрепивший свою связь с монастырем активным участием в храмостроительстве, личным участием в канонизации пр. Феодосия (1108 г.), защитой монастыря и обеспечением автономии в управлении. Это был единственный монастырь, где настоятель избирался членами монашеской общины без вмешательства митрополии и епископата. О степени близости Святополка к монастырю свидетельствует запись летописца под 1107 годом, когда после победы над половцами пришел Святополк на Успение Пресвятой Богородицы в Печерский монастырь и братия его чевствовала с радостью великой. И обычай имел такой Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то поклоняется гробу Феодосиеву и молитву (благословение — В.Д.) возмёт у игумена и тогда отправляется в путь. [ПСРЛ, т.2,1908, стб.258]. Эти теплые взаимоотношения, установившиеся между Святополком Изяславичем и Печерским монастырем подтверждает и Киево-Печерский патерик. В житии «Прохора лебедника» описана история взаимоотношений князя Святополка с монастырем через призму жития монаха Прохора, прославившегося чудотворением хлеба из лебеды и соли из пепла. [Киево-Печерский патерик,1991, с.119-123]. По тексту жития Прохора, вначале жестокий и жадный Святополк, запятнавший себя историей с ослеплением Василька, князя Теребовльского и сговором с тор-

говцами и ростовщиками киевскими в монопольной продаже соли, вступает в конфликт с Печерским монастырем, сосредоточившим значительные запасы соли. Святополк изымает соль у монастыря, игумена отправляет в ссылку, но вся соль у него превращается в пепел. «Поразившись такому чуду и покаявшись в грехах перед Прохором и игуменом монастыря», — как пишется в Патерике, Святополк устанавливает особые отношения с Прохором, который видимо становится его духовником. В житии Прохора приводится рассказ, имеющий принципиально важное значение для нашего исследования: «Если я, — говорит князь, — по воле Божьей прежде тебя отойду от этого мира, ты своими руками положи меня в гроб..., если же ты преставишься прежде меня, я своими руками внесу тебя в пещеру...»[Киево-Печерский патерик,1991,с.122-123]. После этого прошло много лет, — свидетельствует автор жития Прохора, — и когда однажды князь находился в походе против половцев, Прохор занемог и предчувствуя свою кончину послал за ним со словами: «Ожидаю твоего прихода. Если же ты замедлишь и я отойду без тебя, то не моя будет вина, и поход закончится не так, как если бы ты пришёл ко мне» [Киево-Печерский патерик,1991,с.123]. По другой (кассиановской) редакции Патерика, слова преподобного Прохора имели более провиденциальный характер: « Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся — война окажется для тебя успешной, если ты придёшь ко мне. [Киево-Печерский патерик,2009]. Получив эту весть, Святополк немедленно оставил войско и поспешил к блаженному. Во 2-й кассиановской редакции Патерика говорится, что Святополк не оставил войско, а «распустил воинов» и поспешил в монастырь к занемогшему Прохору. Получив наставления, благословение и отпущение грехов от преподобного, Святополк собственноручно похоронил почившего Прохора в пещере. После погребения, указывает автор жития, Святополк возвратился к войску (во 2-й кассиановской редакции читается «пошел на войну»), продолжая поход, одержал полную победу над врагами, покорил себе «Половецкие области» и много пленных привел в свою землю. Это и была победа, дарованная Богом русской земле по предсказанию и молитве преподобного Прохора, подчеркивается в Житии. Таким образом, в Патерике чётко указано, что громкая победа над половцами и покорение их земель Святополком произошло уже после кончины пр. Прохора.

Возникает естественный вопрос: какую победу и когда одержал

Святополк над половцами на их земле, вернувшись с большим полоном. Часть исследователей относит это событие к 1103 году, когда была одержана победа объединенных сил русских князей над приднепровскими половцами в урочище Сутень. [Киево-Печерский патерик, 2009, комментарии №226; Макарий (Булгаков),1995, с.170]. Другие авторы более вероятной считают победу над половцами, одержанную в 1107 году. [Дива печер Лаврських,1997, с.62]. Однако, ни та, ни другая даты не могут быть приняты без возражений из-за несоответствия текста Патерика тексту летописи. Так, победа над половцами в глубине половецких степей была одержана, по летописным данным, в 1103 г., 1109 г., 1111 г. Святополк принимал участие в наступательных походах 1103 г. и 1111 г. Отдание приоритета походу 1103 г. над походом 1111 г. противоречит сообщению автора Жития Прохора — лебедника, что его болезнь и кончина случилась через много лет после договора со Святополком о захоронении того, кто первый умрет. Самой ранней датой, когда мог состоятся этот договор между Прохором и Святополком, после истории с ослеплением Василька и попытки нажиться на спекуляции солью - это 1100 г. В этом случае между «договором» и походом 1103 г. на половцев промежуток в 3 года, что явно противоречит тексту Патерика в той части, что Прохор прожил после этого разговора еще «много лет в непорочном житии и суровых подвигах.» Кроме того, выше уже подчёркивалось, что победа над половцами бала одержана после погребения пр. Прохора, который предрекал победу над половцами при условии прекращения уже начавшегося военного похода, что никак не соответствует тексту летописных статей 1102 — 1103 годов, зато находит подтверждение в статьях 1110 — 1111 гг.

Сторонники датировки победоносного похода на половцев и соответственно кончины пр. Прохора в 1107 г. опираются на идентичность текста в заключительной части «Жития Прохора» и летописной статьи 1107 г. Ипатьевского списка. Здесь говорится, что Святополк пришел в Печерский монастырь после победы над половцами на реке Суле и ввел обычай каждый раз перед войной приходить в монастырь для молитвы перед образом Пресвятой Богородицы и гробом Феодосиевым. Однако, при этом не обращается внимание на тот факт, что в тексте летописи упомянут только Феодосий, тогда как в Патерике, кроме Феодосия, указаны имена пр. Антония и Прохора, захороненных в пещере. Но глав-

ное расхождение в тексте летописи и Патерика в последовательности событий и оценке характера похода. Патерик сообщает, что Святополк вернулся с полпути похода на половцев к умирающему Прохору для исполнения клятвы и только потом, захоронив преподобного, пошел на войну и одержал победу на половецких землях и освободил Русь от «поганых». Этому никак не соответствует описание похода русских князей, вышедших навстречу напавшим на переяславские земли половцев в 1107 г., и указание этой статьи на приход Святополка в Печерский монастырь уже после разгрома половцев. Кроме того, в летописных статьях 1103г. и 1107г. нет и намёка на прекращение военных походов и возврат князей домой, да и сделать это, судя по описаниям хода предпринятых военных операций, было практически невозможно.

Только один раз летопись прямо указывает на возврат князей с дружинами во время похода в половецкую землю — в статье 1110 г.: «В год 6618 (1110 г) весной пошли на половцев Святополк, и Владимир, и Давид. И дойдя до Воиня, возвратились» [ПСРЛ,т.2,1908,стб.260]. О причинах возврата домой с полпути в летописи не сообщается, хотя у В.Н. Татищева написано, что во время похода ударил мороз и случился падеж коней. [Татищев,1962,с.126)]. Совершенно очевидно, что неудачный поход весны 1110 г. был возобновлен весной 1111 г. и закончился знаменитой победой в половецких землях с захватом большого полона. Именно этот поход 1110 — 1111 гг. вероятнее всего имел ввиду составитель Жития о Прохоре - лебеднике. Тогда и возврат Святополка в Киев, во время похода на половцев, к занемогшему Прохору находит своё подтверждение в летописном рассказе 1110 г.

Таким образом, даже по отредактированным летописным и литературным источникам начала XII в. Святополк Изяславич входит в круг организаторов и участников всех основных наступательных походов на половцев и характеризуется как победитель, избавивший Русь от «поганых». При редактировании Печерского летописца, отзывавшегося в превосходных степенях о Святополке и его военных заслугах, эти акценты из текста летописи исчезли и на первый план вышел Владимир Мономах с темой о богоизбранности только одного князя в борьбе за Русь и православную веру. Не отрицая инициативы и напористости Владимира Мономаха как Переяславского князя, земли которого в наибольшей степени страдали от набегов половцев, отметим, что без воли, организационных

усилий князя Киевского объединительные походы Руси в половецкую степь в 1103 и 1111 г. были бы не возможны. По своему статусу Киевский князь признавался не только как первый среди равных, но и как глава государства, если это касалось международных отношений или ведения войн объединенными силами княжеств Древней Руси. Хрестоматийным примером в этом плане является запись уже упомянутого игумена Даниила в помянике Лавры св. Саввы в Иерусалиме. В период своего паломничества по святым местам игумен Даниил продолжительное время жил в этой обители и оставил для поминовения во здравие имена князей с женами и детьми. Первым стоит имя Михаила Святополка, князя Киевского, вторым – Василия Владимира (Мономаха), князя Переяславского, третьим – Давида Святославича – князя Черниговского. [Хождение игумена Даниила,2009]. Всего Даниил записал в помянике имена шести князей по принципу старшинства. Исследователем В. Даниловым , на основе анализа текста «Хождение игумена Даниила» была выдвинута гипотеза об использовании Киевским князем Святополком Изяславичем паломничества игумена Даниила в дипломатических целях. [Данилов,1954,с.94].

Обращение к личности игумена Даниила в настоящей статье не случайно. Ряд исследователей приписывают ему авторство рассказа о походе 1111 г. в Ипатьевской летописи. Поддерживая в целом эту гипотезу, отметим, что рассказ о походе 1111 г. вероятно претерпел редакцию при переложении его для летописи. Выше, в кратком историографическом обзоре уже отмечалось, что кроме авторства «Сказания о Шаруканском походе» в игумене Даниле некоторые исследователи видят инициатора придания походу характера крестового. Кроме того, высказывается мнение, что сам рассказ написан по приказу Владимира Мономаха. Между тем, кроме скудных сведений о себе, оставленных Даниилом в своем «Хождении» биографических данных о нем почти нет. Со времен Н.М. Карамзина считается, что игумен Даниил стал в 1113 г. епископом Юрьевским [ПСРЛ,т.2,1908,стб.277]. Академик Рыбаков Б.А. доказал, что граффити на стенах Софии Киевской с именем Даниила принадлежат его руке и связаны с его хиротонией 6 января 1114 г. [Рыбаков,2009]. Однако, строить на этом конструкцию особых отношений Владимира Мономаха и Даниила, а также считать последне-го «походным» писателем Владимира Мономаха, преждевременно. Выше, в другой связи, уже было показано, что игумен Даниил весьма чтил полити-

кодинастическую иерархию, сложившуюся в Киевской Руси в начале XII в. и соответственно распространял эту иерархию на текст рассказа о походе 1111 г. Факт посвящения игумена в сан епископа Юрьевского также неоднозначен, учитывая местоположение г.Юрьева на р. Рось, то есть пограничной территории со степью и состав населения, в основном из черных клобуков (торков, берендеев, печенегов, заселенных князьями Киевскими в Поросье). Кроме того, частые нападения на эти земли диких половцев и сожжение самого Юрьева в начале XII в. делали Юрьевскую кафедру малопривлекательной и беспокойной. Восстановление Юрьева после нападения половцев и пожара, также связано с именем Святополка Изяславича. [ПСРЛ,т.2,1908,стб.256]. По летописным данным епископ Юрьевский Даниил возглавлял епархию до своей кончины в 1122 г., находясь вдали от центра принятия политических и церковных решений [ПСРЛ,т.2,1908,стб.286].

Таким образом, считать игумена Даниила писателем, привлеченным Владимиром Мономахом к походу для составления рассказа в нужном для себя русле, нет достаточных оснований. В отличие от многочисленных списков «Хождения игумена Даниила», дошедших до наших дней и свидетельствующих о популярности этого произведения в Киевской Руси, «Сказания о Шаруканском походе» вообще не сохранилось. Лишь по косвенным, языковым особенностям в некоторых фрагментах текста статьи 1111 г. Ипатьевской летописи Б.А. Рыбаков «заподозрил» руку игумена Даниила.

Авторы 2-й и 3-й редакций ПВЛ, работавших над составлением летописи после вступления Владимира Мономаха на Киевский стол имели значительно больше оснований и возможностей для описания похода 1111 года в нужном ключе, используя при этом повесть «Сказание о Шаруканском походе». При этом, имея перед собой не только эту повесть, но и печерскую летопись Нестора, Владимир Мономах вполне мог разделить работу по составлению нового летописного свода между игуменом Выдубецкого монастыря Сильвестром и доверенным лицом Мстислава Владимировича. Этим может быть объяснены незавершенность рассказа в статье 1110 г. о знамении огненного столба и предвосхищение известного Сильвестру текста о будущем походе. Завершение на этом месте летописного свода и своей работы над 2-й редакцией Повести временных лет может быть объяснено выполнением конкретного указания Владимира Мономаха.

Таким образом, после переработки «Сказания о Шаруканском походе» игумена Даниила и включением его как естественного продолжения текста статьи 1110 г., летописный свод приобрел вместе с продолжением и те проблемные вопросы, на которые не могут найти вразумительные ответы исследователи летописей.

К таким вопросам следует отнести эпизод со взятием половецкого города Шарукань. Выше, в историографическом обзоре уже упоминались работы Голубовского, Багалея и других, которые указывали на «нелогичность» поведения и русичей и жителей Шаруканя. Ипатьевская летопись, после рассказа об этапах перехода объединённого войска русских князей, описывает подход к городу Шаруканю в боевом облачении и с религиозной процессией перед полками Владимира Мономаха. Священнослужители с пением тропарей и кондаков в честь Креста Честного и канона Святой Богородицы двигались крестным ходом по направлению к половецкой столице. Факт выхода из Шаруканя его жителей (в летописи не сказано кто именно и в каком количестве) навстречу русичам с дарами (вином и рыбой) зафиксирован в тексте Ипатьевской летописи в воскресенье вечером без указания числа [ПСРЛ,т.2,1908,стб.266]. Однако, выше по тексту приводится дата прихода князей к Донове (Донцу — В.Д.) — во вторник 6-й недели поста, что соответствует 21 марта 1111 года. Далее летописец сообщает, что переночевав ночь в Шарукане (т.е. с воскресенья на понедельник), назавтра в среду (в Хлебниковском списке летописи вместо «назавтра» написано « заутро», т.е. утром в среду) пошли к городу Сугрову, зажгли его и в четверг пошли с Дона (Донца), а в пятницу, 24 марта состоялась первая битва с половцами на потоке Дегея, где с божьей помощью русичи одолели половцев. В субботу, согласно текста летописи, русичи праздновали Лазарево воскресение и Благовещение св. Богородицы. Что делали русичи в воскресенье - летопись не сообщает и сразу переходит к событиям понедельника 27 марта, когда произошло основное сражение с половцами.

Таким образом, совершенно очевидно, что эпизод с религиозной процессией русских и добровольной сдачей Шаруканя не вписывается по тексту рассказа. Имея ввиду важность этого эпизода для всего летописного рассказа и исследования причин появления его в этом месте, воспроизведем текст летописи в виде хронологической таблицы.[ПСРЛ, т.2,1908, стб. 266-267].

День недели, число по тексту летописи	**События похода 1111 г., произошедшие в этот день по тексту летописи**
Шестая неделя Великого поста. Вторник (21 марта)	Приход объединенных дружин русских князей к Дону (Донцу). Облачение в доспехи и следование военным строем к городу Шаруканю.
Без указания даты.	Князь Владимир приставил к своим полкам священников и с пением тропарей, кондаков Креста Честного и канона св. Богородицы направил процессию к городу этим вечером.
Воскресенье. Без указания даты.	Вышли их города жители Шаруканя и поклонились князьям русским с преподнесением рыбы и вина. Здесь же русичи провели ночь.
Среда (22 марта)	Пошли к городу Сугрову и придя зажгли его.
Четверг (23 марта).	Пошли с Дона (Донца).
Пятница. (24 марта).	Битва с половцами на потоке Дегея. Завершилась победой русских князей.
Суббота (25 марта).	Праздновали Лазарево воскресенье и Благовещения день. Воздав похвалу Богу, проводили субботу.
Воскресенье (26 марта).	Пришли в воскресенье (Словосочетание может относиться как к дню недели, так и месту следования. Описание событий отсутствует).
Понедельник. Страстная неделя. (27 марта).	Битва с половцами на реке Сальнице. Победа русичей с помощью небесных воинов. Взяли большой полон.

Как видно из таблицы, остаётся неясным: когда состоялся крестный ход к г. Шаруканю и в какое воскресенье вышли шаруканцы с дарами навстречу русичам. Последовательность событий явно нарушена, ибо между вторником и средой вкралось воскресенье с описанием нелогичных действий с обеих сторон.

Исследователи по разному выходят из этой затруднительной ситуации.Часть историков по примеру В.Н. Татищева опускают в тексте воскресенье и тогда эпизод с «шаруканским выходом» вписывается во вторник [Татищев, 1962, с.127].

Другие, как например Д. И. Багалей, предлагают считать указание Ипатьевского летописца на 6 — ю неделю поста ошибочным и переносят приход русских князей к Донцу на 5-ю неделю поста [Багалей, 1882, 181].Тогда события в Шарукани можно отнести к воскресению 19 марта. Но, появляется другая проблема — нестыковка текста и даты в эпизоде в г. Сугрове, где русичи были на завтра, в среду после ночёвки в Шарукани.

Третьи предлагают совсем простое решение - разорвать события крестного хода к Шарукани и выход шаруканцев к русичам на два не связанных между собой эпизода. Это достигается введением в текст перед воскресеньем «ибо ещё» с переносом действий шаруканцев на 19 марта [Літопис Руський, 1990, с.166].При этом исследователей нисколько не смущает тот факт, что этот эпизод приобретает совсем другой смысл, а вход русичей в Шарукань теряет свою значимость и превращается во второстепенное событие.

Нужно отметить, что в более поздних летописных сводах, например, в Воскресенской летописи указывается, что приход русичей к Донцу состоялся на 5-й неделе Великого поста. В эпизоде с выходом шаруканцев в этой летописи опущено «воскресенье», а в эпизоде с приходом к половецкому городу Сугрову отсутствует указание на день недели — среду. Внесены и другие исправления, замеченные составителем этого летописного свода: в эпизоде с крестным ходом при подходе к Шарукани исправлено ошибочное «полки» на «попы». Обращает на себя внимание то, что «воскресенский» летописец также увидел «пробел» в рассказе о походе 1111г. в части заполнения событиями воскресенья 26 марта и внёс соответствующую редакторскую правку. Звучавшая в Ипатьевской летописи фраза: «утром наступившей субботы праздновали Лазарево воскресение и благовещения день и воздав хвалу Богу проводили субботу и в воскресенье пришли»[ПСРЛ, т.2,1908, стб.267],теперь звучит

как: «воздавшее хвалу Богу праздновали тут наутро воскресение Лазарево и Благовещение Богородицы, а также неделю цветную.» [ПСРЛ, т.7-8, 1856-1859, стб.22].

Таким образом, составитель Воскресенской летописи засвидетельствовал, что в сер. XVI в. он пользовался теми же источниками, что и Ипатьевский летописец, и что проблемные вопросы текста статей 1110—1111 гг. присутствовали в летописных сводах, составленных в период правления в Киеве князя Владимира Мономаха.

Учитывая степень изученности данного вопроса предыдущими исследователями, новые методологические подходы к исследованию текста летописей, автор в настоящей статье рассматривает сакральные тексты, относящиеся к походу 1111 г. как исторический источник, разрешающий противоречия и устраняющий несуразности по тексту Ипатьевской летописи, выделенные выше.

При анализе сакральных текстов изложенных непосредственно перед походом 1111 г., начиная от явления огненного столба, предыдущими исследователями была установлена логическая связь между библейским Моисеем и личностью Владимира Мономаха через повторение сюжета об ангельском сопровождении обоих героев. Это сопоставление прочитывается уже во 2-й редакции ПВЛ игумена Сильвестра, сохранившейся в Лаврентьевской летописи, древнейшем летописном своде 1377 г. на пергаменте.[ПСРЛ, т.1,1926, стб.263-285].

Продолжение сакрального текста об ангелах, вошедшее в 3-ю редакцию Повести временных лет и читаемого по Ипатьевскому списку, вводит еще один исторический персонаж — Александра Македонского в контексте его вхождения в г. Иерусалим. [ПСРЛ.т.2,1908,стб.263-264]. Знаменитому полководцу, который действительно в 332 г. до н.э. взял Иерусалим, по легенде явился во сне ангел в образе «мужа с обнаженным мечем как молния» и объявил Александру божественную волю о мирном вхождении в город, о предстоящей встрече его со священно-служителем, в «обличье явившегося мужа» и обязательном исполнении предначертаний иерусалимского иерея. Поскольку неисполнение ангельского пророчества грозило смертью, Александр с миром вошел в Иерусалим, где его не только встретили с почтением, но и вынесли книгу пророка Даниила, по которой предрекли продолжение войны и победу над персидским царем Дарием.[ПСРЛ,т.2,1908,стб.264]. Не ангел ли водил Александра Македонского и содействовал его по-

бедам? — задает риторический вопрос летописец и через несколько строк проводит параллель с русскими князьями, которые также имеют ангелов покровителей и которые посланы в помощь князьям в битвах в «погаными». Из этого отрывка «учения об ангелах» подчеркнем, что:

1) Александр Македонский с его обширным сюжетом о мирном вхождении в Иерусалим и ангельском сопровождении не имеет явного параллельного исторического персонажа среди князей-полководцев;

2) Ангел в образе «мужа с мечем как молния» соответствует образу архистратига Михаила.

Тема архангела Михаила вновь всплывает в рассказе о походе 1111 г. после текста о победоносном его завершении, но уже выпукло и в разных сюжетных линиях.[ПСРЛ,т.2,1908,стб.269-273]. Цель помещения именно здесь второй части «учения об ангелах», после описания сражений с половцами и действенной помощи небесных воинов с «блестящим и страшным оружием», очевидна. Читатель должен без дополнительной подсказки узнать чин ангелов, сражавшийся на стороне русских князей. Для закрепления уверенности, летописец приводит свидетельство пророка Даниила — «меч его подобен молнии, и глаза его как свечи, и мышцы и голени его подобны меди блестящей...» [ПСРЛ, т.2,1908,стб.269]. Приведя в качестве примера несколько чудесных побед, одержанных библейскими героями с помощью архистратига Михаила, летописец в заключительной части повествования об ангелах приводит слова пророка Даниила, который постиг господне откровение в пророческих словах: «Михаил — князь ваш» [ПСРЛ,т.2,1908,272-273].

Такое пространное рассуждение летописца об образе архистратига Михаила в контексте победоносного похода русских князей на половцев в 1111 г. и проведение связующей линии с Александром Македонским безусловно не случайно. Потеряна только связь с конкретным историческим персонажем, к которому эта связка относится. По нашему мнению это Михаил-Святополк — князь Киевский в период похода 1111г. Выше, в другой связи, мы уже определили оценку воинских заслуг Святополка через свидетельства Киево-Печерского патерика. Здесь уместно добавить, что к моменту начала похода был, очевидно, уже достроен собор Архангела Михаила Златоверхий, заложенный Святополком в 1108 году. Совершенно очевидно, что церковь св. Михаила Златоверхого была

построена Святополком в честь своего ангелапокровителя, обеспечившего ему победу над половцами в 1103 и 1107 годах. Отсюда логически вытекает более весомая роль Святополка в этих победах, нежели это представлено в летописных списках, составленных после 1113г. Даты завершения строительства собора летопись не сообщает, что тоже странно, ибо дата закладки храма указана. Вместе с тем, по другими источниками (Никоновская летопись) приводится свидетельство (за 6617г.-1109г.), что «на церкви св. Архангела Михаила Златоверхого, птица неведомая сидела 6 дней величиной с барана и песни пела беспрестанно». [Бестужев-Рюмин,1868,с.63]. Поэтому, совершенно очевидно, что «педалирование» (выражаясь языком историка А.Толочко) имени и образа архангела Михаила нужно связывать с именем князя Михаила — Святополка, а не с Михайловским Выдубецким монастырём, как это предлагает А.Толочко. [Толочко А., 2008]. При таком понимании подтекста «учения об ангелах», рядом с парой Моисей — Владимир Мономах (обоснование их связи по сюжету рассказа 1110 г. показано выше) появляется недостающий исторический персонаж к Александру Македонскому — Михаил-Святополк Изяславич — князь Киевский. По аналогии с Иерусалимским сюжетом Александра Македонского должен быть сюжет в рассказе о походе 1111 г. со Святополком Изяславичем. Такой сюжет есть, только с переносом во времени и обезличиванием принимающего дары от шаруканцев. Имя Святополка в этом эпизоде вероятно исчезло при редактировании «Повести о Шаруканском походе» игумена Даниила. Последний описал инициативу Владимира Мономаха в организации похода ранней весной и привел речь Владимира, обращенную к дружине Святополка [ПСРЛ,т2,1908,стб.264], соответственно, в деталях должен был описать «мирное» взятие столицы придонецких половцев — г. Шарукань. По старшинству князей, приняв дары. в качестве победителя в город первым вошел Святополк Изяславич и событие это в первоначальном тексте «Сказания» было, вероятно, зафиксировано в воскресенье, 26 марта, в праздник вхождения Господня в Иерусалим. Параллель в религиозном сознании писателя XII в. замкнулась и приобрела явные провиденциальные очертания:

332 г. до н.э. — мирный вход Александра Македонского в Иерусалим по воле Божьей и посредничестве архангела Михаила.

33 г. н.э. — вход Иисуса Христа в Иерусалим в воскресенье, перед страстной неделей.

1111 г. н.э. — мирный вход русских князей во главе со Святополком Изяславичем в столицу придонецких половцев Шарукань в воскресенье, день праздника Входа Господня в Иерусалим.

При этом совершенно оправданной становится религиозная процессия с пением тропарей и кондаков и канона св. Богородицы при подходе к воротам города Шаруканя 26 марта. Это был не столько приказ Владимира Мономаха, как сообщает летописец, сколько отправление обязательного, установленного для этого праздника ритуала, попросту - богослужение. Князья и духовенство участвовало у себя на родине ежегодно в праздничном ритуале в вербное воскресенье, или «цветную неделю», как пишет составитель Воскресенской летописи. По «сценарию» в главный город или столицу княжества в этот день въезжал на осле первосвященник, встречаемый ликующим народом с цветами. пальмовыми (вербными) ветками. В этот день, несмотря на Великий пост разрешалось вкушать вино и рыбу. Если во вторник (21 марта) или в воскресенье (19 марта) принятие таких даров русичами от шаруканцев в Великий пост выглядит сомнительным, то в праздник входа Господнего в Иерусалим совершенно оправдано.

Остается ответить на два вопроса:

1) Если гипотетический автор «Сказания о Шаруканском походе» игумен Даниил правдиво описал события мирного взятия Шаруканя и если это взятие произошло в воскресенье 26 марта, а не ранее, и это хорошо укладывается в каноны церкви, мироощущение и провиденциализм древнерусского летописца, то какой смысл имели «нелогичные» действия противной стороны — половцев с их добровольной сдачей города врагам и тем более, встрече русских князей с дарами ?

2) Как выглядел первоначальный текст эпизода с взятием Шаруканя и какой смысл его переноса по тексту летописи с 26 марта на начало недели?

Если этот эпизод, как мы предполагаем, произошел 26 марта в воскресенье, то объяснение прячется в военной стратегии половцев.

На своей территории половцы уже потерпели два чувствительных поражения в столкновении с русичами в течении трех дней: 22 марта был потерян половецкий город Сугров вместе с населением (в плен брали мало). Оборона города не дала положи-

тельного результата - город был взят и сожжен за один день; 24 марта — сокрушительное поражение в открытом бою на речке Дегея с большими потерями в половецком войске. Запираться после этого в городе Шарукани и держать оборону — бессмысленно. Его постигнет та же участь, что и Сугров. Кроме того, половцы не были сильны в искусстве оборонительных боев и никогда не использовали эту тактику. Кочевники предпочитали молниеносные и внезапные нападения быстрой конницы с разрушением строя вражеских войск. После первого неудачного боя на р. Дегея, необходимо было сгруппировать силы, подтянуть резервы из других половецких родов, кочующих в степях и нанести внезапный удар по русичам. Для этого нужно было 2-3 дня. Добровольная сдача Шаруканя давала не только эти дни, но и имела еще одну цель. Половцы учли, что на 25 и 26 марта 1111 г. припадают два великих христианских праздника, которые русичи отмечают в обязательном порядке. А учитывая, что вместе с войском находились священнослужители, то будут организованы праздничные богослужения по установленным канонам. Вынесение даров (вина и рыбы), должно было обеспечить праздничное настроение всему войску русских князей и ослабить их бдительность и боевую готовность. И совершенно не случайно. по выходу из Шаруканя, в понедельник страстной недели 27 марта, русичи оказались перед половцами, которых было «многое множество», «тьмы тмами», как пишет летописец и которые «яко борове велики пошли в наступление». [ПСРЛ,т.2,1908,стб.267].

Битва произошла на р. Сальнице. Основной удар пришелся на центр военного строя, где стояли полки князя Святополка Изяславича. Полки киевлян дрогнули и расстроились, что грозило общим поражением. И тогда Владимир Мономах, занимавший правый фланг с переяславцами, развернул полки, пошел в наступление и нанес удар во фланг половцам. В это время нечто невообразимое творилось в небесах: нашли тучи, гром, молнии и сильный ливень с ветром в лицо половцам. В.Н. Татищев красочно описал этот бой в своем труде «История Российская». [Татищев,1962,с.127]. Видя тяжелое положение войск Святополка, Владимир Мономах передал свои полки сыну Ярополку, а сам поскакал к Святополку и «возопя гласом великим: Кто бог великий, яко бог наш» врезался в центр по-

ловецких войск на участке князя Святополка. Теперь уже половцы дрогнули и побежали потеряв убитыми 10000 чел. и несколько тысяч пленными. Коней же и скота было взято бесчисленное множество. Когда же пленных спросили: как при таком множестве воинов вы могли проиграть сражение, те ответили, что на стороне русских бились небесные воины с оружием «светлом и страшном». Так закончилась по описанию летописца битва с половцами, слава о которой разошлась по всем европейским странам, включая Византию и Рим. [ПСРЛ,т.2,1908,стб.273].У Татищева сообщается, что не только гонцов послали во многие страны с известиями о победе великой над «погаными», но и по нескольку пленников подарили во изъявление любви христианской. В Руси же, во всех церквах повелели «воздать богу благодарение». [Татищев,1962,с.128].

На второй вопрос — о первоначальной редакции рукописи игумена Даниила в описании похода 1111 г. и цели переноса текста с эпизодом мирного взятия Шаруканя с воскресенья 26 марта в начало недели ответить сложнее, чем на первый вопрос, ибо умозрительная реконструкция текста с включением в «нужных» местах имени Святополка Изяславича не может быть принятой в качестве научной. Поэтому, автор предлагает без редактирования имеющегося летописного текста Ипатьевской летописи произвести возврат «на свое место» эпизода с религиозной процессией и вхождением в город Шарукань на 26 марта 1111г. Текст приводится в табличном формате для удобства сравнения. Слева помещён текст из летописного списка с момента прихода русичей к Донови на 6-й недели поста. Справа — тот ж текст, но с переносом фрагмента крестного хода и выхода жителей Шаруканя на воскресенье 26 марта: [ПСРЛ, т.2, 1908, стб.267].

...в 6-ю неделю поста и поидоша к Донови в вторник и обличишася во броне и полки изрядиша и поидоша ко граду Шаруканю и князь Володимир пристави полкы своя едучи пред полком пети тропари и кондаки хреста честнаго и канун Святой

...в 6-ю неделю поста и поидоша к Донови в вторник и обличишася во броне и полки изрядниша и перележаша нощь ту и завтра в среду поидоша к Сугрову и пришедшее зажьгоша и а в четверг поидоша с Дона а в пятницу завтра месяца марта

Богородици поехаша ко граду вечеру сущю и в неделю выидоша из города и поклонишася князем руским и вынесоша рыбы и вино и перележаша нощь ту и завтра в среду поидоша к Сугрову и пришедше зажьгоша и а в четверг поидоша с Дона а в пятницю завтра месяца марта в 24 день собрашася Половци израдиша Половци полки своя и поидоша к боеви князи же наши взложише надежю свою на Бога и рекоша оубо смерть нам зде да станем крепко и целовашася друг друга взведше очи свои на небо призываху Бога вышняго и бывшю же соступу и брани крепце Бог вышний возре на иноплеменникы со гневом падаху пред хрестьяны и тако побежени быша иноплеменницы и падоша мнози врази наши супостаты пред Рускими князи и вои на потоци Дегея и поможе Бог рускым князем и воздаша хвалу Богу в тот день и заоутра суботе наставше праздноваша Лазарево воскресенье благовещенья день и похваливше Бога проводиша суботу и в неделю приидоша наставшю же понедельнику страстныя недели паки иноплеменници собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции и тмами тмы и оступиша полки Рускии и посла Господь Бог ангела в помощь Рускым князям...

в 24 день собрашася Половци израдиша Половци полки своя и поидоша к боеви князи же наши взложише надежю свою на Бога и рекоша уже смерть нам зде да станем крепко и целовашася друг друга взведше очи свои на небо призываху Бога вышняго и бывшею же соступу и бране крепце Бог вышний возре на иноплеменники со сгневом падаху пред хрестьяны и тако побежени быша иноплеменницы и падоша мнози врази наши супостаты пред рускыми князи и вои на потоци Дегея и поможе Бог Руским князим и воздаша хвалу Богу в тот день и заутра субботе наставше празноваша Лазарево воскресенье благовещенья день и похвалившее Бога проводиша в суботу и в неделю поидоша ко граду Шаруканю и князь Володимер пристави попы своя едучи пред полком пети тропари и кондаки хреста честнаго и канон Святой Богородице поехаша ко граду вечеру сущю и в неделю выидоша из города и поклонишася князем Рускым и вынесоша рыбы и вино наставшю же понедельнику страстныя недели паки иноплеменницы собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции и тмами тмы и оступиша полки Рускыи и посла Господь Бог ангела в помощь в Рускым князям...

Предложенный вариант текста с заполнением событийного ряда в праздник Вербного воскресенья 26 марта имеет уже другой подтекст. С восстановлением «выпавшего» имени Киевского князя в повествовании религиозной процессии и входа в Шарукань 26 марта 1111 г. появляется еще одно богоизбранное историческое лицо - князь Святополк Изяславич, ведомый архистратигом Михаилом и по божьей воле, без боя взявший вместе с князьями центр идолопоклонничества в половецких степях. Эра господней помощи неверным, так характерно проявляющаяся в 60—90 гг. XI в. в успешных для половцев нашествиях на Русь - завершилась. Олицетворением победы христиан над неверными стали Святополк Изяславович Киевский и Владимир Всеволодович Переяславский. Эта гипотеза устраняет и другие казусы, содержащиеся в этом фрагменте Ипатьевского списка. Например, получает свое объяснение ошибочное написание при неудачном переносе текста слова «полки», вместо слова «попы».

После кончины Святополка Изяславича в апреле 1113 г. в Киеве начались волнения с разгромом домов приближенных Святополка, а также тех, кто в свое время наживался на спекулятивной торговле солью. Вместо князя Олега Святославича, который по старшинству должен был занять киевский стол, киевляне пригласили княжить популярного в народе Владимира Мономаха. В отличие от Святополка, Владимир Мономах заблаговременно готовил себе замену и по достижении 65-летнего возраста вызвал из Новгорода старшего сына Мстислава, оставив при себе для постепенного вхождения в дела Киевской земли.

Особое внимание Владимир Мономах и Мстислав Владимирович уделили идеологическому обоснованию законности власти Мономаховичей на Киевском столе. Одним из основных тезисов было принятие в 1113 г. Владимиром Мономахом от киевлян великокняжеского титула не как старшего князя, а как богоизбранного лидера христианского народа, победившего «неверных» на их земле. Отсюда «внимательное прочтение» и редактирование летописных и литературных произведений, фиксирующих период с 90-х гг. XIв. до 1113 г. Поход 1111 г. был заключительным аккордом наступательных объединенных походов князей Киевской Руси, подорвавший силу «поганых», укрепивший государственность и позиции православия не только в Руси, но и по всему христианскому миру на Востоке, включая Византию. Поэтому ореол бого-

избранности Святополка, как «старшего» князя в этом походе, не позволял решить поставленную задачу не отредактировав текста в нужном ключе. Работая над окончательной редакцией ПВЛ, составитель летописи при непосредственном участии Мстислава Владимировича, обезличивает текст, описывающий в деталях празднование русичами Вербного воскресенья, крестный ход и выход шаруканцев с дарами 26 марта и переносит его на начало недели. При этом появляется имя Владимира Мономаха, который одновременно с облачением воинов в доспехи ставит священнослужителей перед полками для организации крестного хода. Имя Святополка при этом исключается и соответственно теряется первоначальное в тексте повторение истории как реализация божественной воли: мирное взятие Иерусалима богоизбранным Александром Македонским в 332 г. до рождества Христова при сопровождении архангела Михаила - мирное взятие Шаруканя богоизбранным Святополком Киевским при содействии того же архангела Михаила в день вхождения в Иерусалим Иисуса Христа. Александр Македонский остается в тексте как часть «учения об ангелах» в походе 1111 г. и соответственно дополнительное свидетельство о богоизбранности Владимира Мономаха. Проблему места внедрения текста из воскресения, 26 марта, автор 3-й редакции ПВЛ разрешил с трудом, забыв при этом исключить само слово «воскресенье» и допустив несколько ошибок в написании терминов. Выбранное место по тексту летописи было единственно приемлемым для эпизода со взятием Шаруканя. До прихода русичей к Дону (Донцу) это невозможно из-за географического несоответствия местонахождения Шаруканя — глубоко в степи в Придонцовье. После павшего Сугрова - также невозможно, ибо терялся провиденциальный подтекст. Заменивший Святополка Владимир Мономах «в связке» с Александром Македонским должен был войти в Шарукань без сражений, по воле небесных сил, как это случилось с А. Македонским и прописано в средневековой хронике Иосиппон, переведенной с еврейского в Киеве в IX веке. [Мещерський,1957]. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является сохранившееся изображение древнерусского знамени, где князь Владимир Мономах показан на коне в царском облачении со скипетром и нимбом святого. [Сахаров, 1985, с.417].

Таким образом, с переносом текста о взятии г. Шарукань с воскресения на вторник летописец преследовал лишь цель привести

в соответствие сакральный смысл текста легенды об Александре Македонском и его вхождении в Иерусалим с рассказом об Владимире Мономахе и его вхождении его в Шарукань. При этом, редактор исключил другой информационный слой, связанный со Святополком и вхождением его в Шарукань 26 марта 1111 года.

Предложенное прочтение летописного текста о походе 1111 г. существенным образом влияет и на проблему нахождения городов Шарукань, Сугров на современной карте Украины. Поскольку Шарукань отодвигается в своем месторасположении от Донца, ибо с четверга (23 марта) русичи пошли с Донови, где сожгли Сугров, то соответственно на берегу Донца, как это предполагали исследователи, начиная с В. Н. Татищева, искать следы половецкой столицы проблематично.

По нашей реконструкции, Шарукань должен находиться в прибрежной зоне реки Сальница. Поскольку тема определения местонахождения географических названий, упоминаемых в литературных и летописных памятниках древнерусского государства не является предметом настоящей статьи, укажем только на одну связку. По версии Д.И. Багалея: «Река Сольница (в Хлебниковском списке летописи вместо р.Сальница стоит р. Сольница — В.Д.) лежит в 45 верстах ниже Изюма и называется так в старинных памятниках от многих соляных озёр, которые находятся от неё в полуверсте. Ещё раньше она называлась Тором... Но если под Сольницей мы будем понимать р. Тор, впадающей в Донец, на расстоянии 15 вёрстном от Святых Гор, то Дегея будет приток Тора, Торец Кривой или иначе речка Сольня».[Багалей,1882, с.184].Тогда ставка половецкого хана Кончака на р. Тор, где томился в плену князь Игорь Новгород-Северский после поражения в походе 1185 г., находилась на месте г. Шарукань, которым владел хан Шарукан, приходившийся дедом Кончаку. Вероятно, Шаруканиды не меняли месторасположение своей ставки в течении XI-XII вв. у Торских соляных озер, имея в виду не только выгодность местоположения Шаруканя на торговых путях, но и контроль над богатыми ресурсами соли.

Перед выводами о значении религиозного аспекта объединенного похода дневнерусских князей на половцев в начале XII в. есть необходимость акцентировать внимание на том, что предложенные выводы отвечают на вопросы, поставленные академиком П.П. Толочко в одной из последних его работ «Редакция Повести временных лет игумена Сильвестра: историческая реальность или

учёная фикция?», подготовленной в связи со столетним юбилеем выхода в свет книги А.А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». Учитывая, что эти вопросы продолжают волновать исследователей, приведем их в редакции автора [Толочко П.П.,2008]:

1) Если Сильвестр переделал изложенные Нестором события времен княжения Святополка Изяславича, а поручил ему эту работу сам Владимир Мономах, изъявший после 1113 г. ведение летописания из Печерского монастыря, то почему вне его внимания оказались статьи 1111-1113 гг.? Для летописца это невероятно.

2) Со времен А.А. Шахматова исследователей волнует наличие в летописной статье 1110 г. Лаврентьевского списка незавершенных (или недописанных) благочестивых рассуждений вызванных явлением огненного столба над Печерским монастырем. Как полагал А.А. Шахматов в редакции ПВЛ Сильвестра их и вовсе не было. Свой труд он будто бы закончил сообщением об этом явлении, а благочестивые рассуждения были внесены позже из 3-й редакции ПВЛ. С этим можно было бы согласиться если бы в Лаврентьевской летописи читался полный текст этих рассуждений. Но там их только часть, и это является серьезным препятствием к принятию вывода А.А. Шахматова. В качестве вероятного можно высказать предположение, что содержащиеся в Лаврентьевской летописи рассуждения были уже в Несторовской ПВЛ, а их продолжение... появилось позже... на этапе редакции Мстислава.

3) А.А. Шахматов и др. уверенно утверждали, что Владимир Мономах остался недоволен положительными характеристиками Святополка в Несторовской летописи и поручил игумену Сильвестру устранить все, что могло быть неприятно новому князю и вставить несколько статей благоприятных Мономаху.

Вопрос — почему буквально через год после появления Сильвестровской переделки летописи потребовалась новая и выполнялась тоже преданным Владимиру Мономаху летописцем в Печерском монастыре. Или Сильвестр не оправдал «государевых ожиданий» Мономаха или последний и не ставил перед Выдубецким игуменом задачи переделать ПВЛ Нестора?

4) Конструкция Шахматова А.А. о съездах князей перед походами 1103 и 1111 года неубедительна. Сильвестр на основании реальных событий съезда 1111 г. будто бы описал придуманный съезд 1103 г., а затем 3-й редактор ПВЛ воспользовался этим опи-

санием и перенес его в статью 1111 г. Естественнее видеть автором этого описания не Сильвестра, а Нестора, который в 1111 году еще трудился.

Вопрос — Зачем было летописцу придумывать съезд 1103 г. и описывать его на основании реального 1111 г.? Такой нелепый фальсификат мог быть легко замечен современниками.

Выводы

1. Религиозный аспект объединенных походов древнерусских князей на половцев в нач. XII в. является закодированным информационным слоем, ключ к пониманию которого кроется в мировосприятии летописцев и писателей домонгольского периода Киевской Руси — как проводников христианской идеологии, утверждающейся в борьбе с языческими традициями внутри древнерусских земель и кровопролитной борьбе с внешними врагами, угрожающими целостности Руси и укреплению великокняжеской власти в Киеве.

2. Сакральные тексты приуроченные к конкретному историческому событию — победоносному походу объединенных сил Киевской Руси в глубь половецких степей в нач. XII в. призваны показать богоизбранность великокняжеской власти и завершение этапа в истории Руси, когда небесные силы выступали на стороне «поганых измаильтян» - половцев в наказание за грехи князей, находящихся в междоусобной борьбе. Провиденциализм сакральных текстов в статьях 1110-1111 гг. провозглашает вхождение Руси в общемировую христианскую историю и включение христианского народа Киевской Руси в число богоизбранных.

3. Содержание сакральных текстов, предваряющих описание похода 1111 г. и завершающего его, вводит русских князей в череду исторических и библейских персонажей, исполняющих божественную волю через посредничество небесных сил (ангельского чина). При этом в первоначальном варианте сакрального текста до 1111 г. гипотетически присутствовали две пары богоизбранных исторических персонажей:

Александр Македонский — Святополк Изяславович, Великий князь Киевский.

Моисей — Владимир Мономах, князь Переяславский.

После 1116 г. из первой связки выпал Святополк и его место за-

нял Владимир Мономах.

4. Религиозный аспект объединенного похода 1111 г. на половцев имеет несколько информационных слоев. В основе лежит литературное произведение «Повесть о Шаруканском походе», написанное участником похода, предположительно игуменом Даниилом, выходцем из Черниговской земли, постриженцем Киево-Печерского монастыря, древнерусским писателем, автором «Хождения» по святым местам Палестины в 1106-1108 гг.

5. «Повесть о Шаруканском походе» и составленные на её основе статьи 1110 - 1111 годов в Печерском монастыре в целом объективно отражали роль и заслуги каждого из князей — участников похода, включая инициативу организации похода ранней весной 1111г. Владимира Мономаха и его полководческий талант в сложном для русичей сражении 27 марта 1111 г.

Роль князя Киевского Святополка — как «старшего» князя, организатора объединенных походов в 1110 (неудачного, с возвратом домой) и в 1111 г.— со взятием половецких городов Сугров, Шарукань и двумя победами над половцами 24 и 27 марта 1111 г. была описана в несохранившихся списках Печерской летописи и литературном рассказе о походе 1111г. При этом сюжет о вхождении русичей в половецкий город Шарукань и вынос жителями даров был первоначально изложен в событиях за 26 марта, в тесной связи с христианским праздником вхождения Иисуса Христа в Иерусалим.

6. После смерти Святополка Изяславича в 1113 г. летописное повествование Печерского монастыря, взятое на ознакомление Владимиром Мономахом было отредактировано игуменом Сильвестром. Ответы на вопросы П.П.Толочко и других исследователей о причинах завершения летописных записей на 1110 г. кроются в решении Владимира Мономаха поручить переработку летописной статьи о походе на половцев 1111 г. не Сильвестру, а другому автору в связи с самостоятельным характером работы над литературным произведением «Сказание о Шаруканском походе» и особой значимостью редакции текста провиденциального характера о богоизбранности князя — победителя.

7. Незавершенность «благочестивых рассуждений», вызванных явлением огненного столба, в статье 1110 г. в Лаврентьевском списке объясняется тем, что первоначальный текст (1-я редакция ПВЛ вообще не связывала это знамение с будущим походом). Сильвестр

выполняя волю Мономаха включил начальный сакральный текст учения об ангелах из «Повести о Шаруканском походе» до эпизода с Александром Македонским, и указал, что ему ведомо о будущем победоносном походе в сопровождении ангельских сил, но этот рассказ другого авторства.

8. Анализ сакральных текстов позволяет предположить, что Сильвестр справился с той частью задачи, которую поставил Владимир Мономах. Он отредактировал все, что нужно до отметки 1110 г. и вставил то, что ему передал Мономах, может быть не совсем к месту, но по своей логике. Появление 3-ей редакции ПВЛ, как продолжение Сильвестровского летописного свода, было вызвано реализацией той части задачи, которую поставил Мономах перед вторым летописцем привлеченным к работе вместе со старшим сыном Мстиславом Владимировичем. Второй летописец решал задачу обоснования законности вступления Мономаховичей на Киевский стол и богоизбранности Владимира Мономаха и его наследников для выполнения этой миссии.

9. Использование Сильвестром во 2-й редакции ПВЛ текста с описанием съезда князей под Киевом 1111 г., принадлежащего игумену Даниилу, в летописной статье 1103 г. объясняется идеологической задачей включить имя Мономаха в число инициаторов и организаторов похода на половцев в 1103г. Победоносный поход 1111 г. и его предводитель Владимир Мономах охватывал только часть территорий, занятых «погаными». При обосновании инициативы Мономаха в организации похода 1103 г. практически вся половецкая земля была покорена Владимиром Мономахом и собственно уже поэтому его Великокняжеский пост как победителя «неверных» имеет законное основание. Как показано выше, продолжать летописный свод за пределы 1110 г. Сильвестр не должен был, поэтому, будет ли фигурировать текст о съезде в Долобске в другом летописном своде или нет и как будет выглядеть вторичное появление текста о съезде князей и вторичное обращение Владимира Мономаха к дружине Святополка в 1111 г. Сильвестра не волновало.

Составитель же 3-й редакции ПВЛ, естественно, не мог исключить из рассказа 1111 г. съезд князей и знаменитую речь Мономаха, почерпнутую из того же источника — «Сказания о Шаруканском походе», тем более, что это в действительности было. Нежелание воинов Святополка идти в поход ранней весной 1111г. также впо-

лне объяснимо. В 1110г. в таком же походе дружина Святополка понесла наибольшие потери из-за ударивших морозов и падежа лошадей, в результате чего пришлось возвращаться в Киев в начальной стадии похода.

Что касается проблемы «фальсификата» в части двойного использования сюжета съезда князей в летописных статьях 1103 и 1111 гг., то никакой критики современников составители летописей «от Мономаха» не опасались, поскольку летописи писались в единичных экземплярах и простой смертный, в т.ч. участники походов их не читали. Летописные списки служили другой цели и знакомились с их текстами единицы, как правило из числа приближенных к верхушке княжеской и церковной власти. Среди этих представителей средневековой элиты критиков великокняжеской власти как правило не наблюдалось.

Литература.

1. **Артамонов Ю.А**. Статья 6618 г. Повести временных лет об огненных столбах и ее литературные источники. //Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. - М., 1996 // websit:http//liber.rsuh.ru/
2. **Багалей Д.И.** История Северской земли до сер. XIV века. — К, 1882.
3. **Бестужев - Рюмин К.Н.** О составе русских летописей до конца XIV в. — СПб: Тип. Траншиля, 1868..
4. **Боханов А. И., Горинов М.М.** История России с древнейших времён до конца XX века. // http // www / gumer.info/ bibliotek — Buks / History /Bohan / 30.
5. **Водорезов Н.В.** История древнерусской литературы. — М.: Просвещение, 1972.
6. **Грушевский М.** История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV-го столетия/ //Университетские известия, 1891, № 4.
7. **Голубовский П.** Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. — Киев, 1884.
8. **Данилевский И.Н.** Повесть временных лет.: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. — М.: Аспект Пресс, 2004.
9. **Данилов В.** К характеристике Хождения игумена Даниила. ОДРЛ — М-Л: АН СССР, 1954, т. X.

10. **Дива печер Лаврських.**- К:«Akademia»,1997..
11. **Ивков Д.Э.** Концепция отечественной истории в русских летописных памятниках XIV-XV в.в. Автор. дис. к. и. н. СПб, 2009.
12. **Ивков Д.Э.** Сопоставление исторических персонажей с библейскими в летописании домонгольской Руси.//Электронное научное издание «Аналитика культурологии»/01.июнь 2009.
13. **Киево-Печерский патерик** — К: Либидь, 1991.
14. **Киево-Печерский патерик.** 2-я Кассиановская редакция XVв. Публикации ИРЛИ РАН. //htpp//www.pushkinskidom.ru/defolt.asp?tabid=4945
15. **Повесть временных лет (ПВЛ)**. Электронные публикации Института русской литературы РАН. (подготовка текста, перевод и комментарий О.В. Творогова) //http//www.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4869/;
16. **Літопис руський.** За Іпатським списком. Переклад Леоніда Махновця.-К: Дніпро, 1990.
17. **Лихачев Д.С.** Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Повесть временных лет//http/ppf.ast.ru/drl/great4-1.html.
18. **Лихачёв Д.С.** Величие древнерусской литературы // Памятники литературы Древней Руси. Началорусской литературы. XI- н XII вв.- М. : Художественная литература, 1975.
19. **Лихачёв Д.С.** Величие древнерусской литературы // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI- н. XII вв.- М. : Художественная литература, 1975.
20. **Лихачев Д.С.** .Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси..//www.infoliolib.info/lihochov/greet4-2html/
21. **Макарий (Булгаков)** История Русской церкви. Кн. 2. — М.:изд. Свято — Преображенского Валаамского монастыря, 1995.
22. **Мещерский Н.А.** К вопросу о источниках «Повести временных лет»//ТОДРЛ-М - Л., 1957, т.13.
23. **Натан Эйдельман.** Последний летописец. — М.: Книга, 1983.// vivos voco: Н. Эйдельман.
24. **Орлов А. С.** Владимир Мономах. — М.: АН СССР, 1946/
25. **Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)**, изд. II, т.2. Ипатьевская летопись.-Спб: тип. М.А. Александрова, 1908.

26. **ПСРЛ, т.I**. Лаврентьевская летопись.Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. II. —Ленинград, 1926.
27. **ПСРЛ,** т. 7 — 8. Русская летопись с Воскресенского списка. — Спб., 1856 — 1859. Приселков М. Д. История русского летописания XI — XV вв. — Спб., 1996.
28. **Прокофьев Н.И.** Книга хождений. — М, 1984.
29. **Рыбаков Б.А.** Древняя Русь. Сказания — былины - летописи. — М: Изд. АН СССР, 1963..
30. **Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. //http//paganism.msk.ru/liter/rybakov02html/
31. **Сахаров А**. Владимир Мономах // Каргалов В., Сахаров А. Полководцы Древней Руси. - М: Молодая гвардия, 1985.
32. **Татищев В.Н.** История Российская, т.1. — М - Л, АН СССР, 1962.
33. **Толочко А.** Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г.// Rutenica VII (2008).
34. **Толочко П. П.** Редакция Повести временных лет игумена Сильвестра: историческая реальность или ученая фикция?// Rutenica VII (2008).
35. **Хождение игумена Даниила** (подгот. текста, перевод, комментарий Г.М. Прохорова)//Электронные публикации Института русской литературы РАН// http://www.pushkinskidom/Defolt.aspx?tabid=4934.
36. **Шахматов А.А.** «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» - Спб, 1908.
37. **Шахматов А.А.** «Повесть временных лет» Изд. Импер. Археогр. Комис. — Пг.: Тип. Орлова, 1916.

●

Дєдова Я.Д.

Ефективність використання «культурних ресурсів»[1] Святогірського заповідника в науково-просвітницькій роботі

В даній роботі автор ставить за мету проаналізувати особливості науково-просвітницької діяльності заповідника на сучасному етапі (2005-2009 рр.),а також визначити ефективність використання «культурних ресурсів» на підставі статистичних даних та облікової документації.

Екскурсійна діяльність Державного історико-архітектурного заповідника м. Святогірська на сучасному етапі зводиться до знайомства екскурсантів з нерухомими та рухомими пам'ятками культурної спадщини Святогірського історичного ареалу, тобто проведення екскурсій за затвердженими екскурсійними маршрутами. Найбільшим попитом у відвідувачів заповідника користується комплексна екскурсія «Історія Святих Гір в археологічних та архітектурних пам'ятниках». До складу цього екскурсійного маршруту до 2008 року входили: оглядова екскурсія по нижній території Лаври «Пам'ятники архітектури Святогірського монастиря XVII-XIX ст.», тематична екскурсія по історичному музею, а також перегляд науково-популярного відеофільму «Святі Гори», виробництва заповідника та телекомпанії ІРТК «Тор» м. Слов'янськ.

Конкретна інформація щодо вказаного маршруту та інших екскурсійних розробок науково — просвітницького відділу заповідника міститься в попередніх публікаціях автора. [Дєдова Я.Д. 2005; 2006;].

В кінці 2007 року цей екскурсійний маршрут дещо змінюється. З нього був виключений перегляд відеофільму, а також переведено екскурсію по історичному музею з тематичної на оглядову. В зв'язку з цим змінилась і тривалість екскурсії з 2 год. 15 хв. до 1 год. 30 хв. Під час цієї екскурсії екскурсанти візуально знайомляться з пам'ятками архітектури (оглядова екскурсія по території заповідника) та тематичними експозиціями в історичному музеї .

Експозиція історичного музею за період 2005 — 2009 рр. суттєво розширилась як тематично, так і за площею. В 2005 р. замість суве-

[1] *Під «культурними ресурсами» автор розуміє сукупність музеєфікованих нерухомих пам'яток та музейних експозицій, які знаходились в управлінні заповідника, були відкриті для огляду відвідувачам і використовувались в культурно — просвітницькій роботі в режимі музейного закладу.*

нірної виставки-продажу (зал № 1 музею) була створена науковими співробітниками заповідника стаціонарна археологічна експозиція «Господарське та духовне життя населення Придінців'я в стародавні часи». В 2006 році в залі № 5 відкрита виставка «Зброя Перемоги», присвячена подіям Великої Вітчизняної війни на території Святогірського плацдарму 1941-1943 років. По цих експозиціях були розроблені тексти екскурсій.

В 2007 р. тимчасова виставка «Зброя Перемоги» була замінена на постійно діючу виставку «Садиба Потьомкіних XIX ст. в Святих Горах». Саме цією виставкою завершилось формування експозиції повноцінного історичного музею «Історико-культурна спадщина Святих Гір», яка на основі колекції рухомих пам'яток заповідника знайомить екскурсантів з історією Святогір'я починаючи з стародавніх часів до початку XX ст. З 5-ти експозиційних залів музею два зали (№3,4) присвячені історії Святогірського монастиря як видатній пам'ятці куль-тури XVII — XIX століть.

Однак, представлені в експозиції історичного музею експонати - це лише частина від решти рухомих пам'яток, які знаходяться у фондах заповідника. За браком експозиційних площ не могли бути представлені широким колам відвідувачів заповідника етнографічна колекція, зібрання живопису, історичний матеріал періоду II Світової війни. Будівництво музею Слави при Меморіалі Великої Вітчизняної війни та реконструкція (відновлення) споруд Садиби Потьомкіних, які були передбачені обласними програмами: «Святогір'я — 2004» (2004 р.), «Комплексна програма розвитку туризму та курортно- рекреаційної галузі на 2005-2010 рр.» (2005 р.) та державною програмою підготовки до «Євро 2012» здійснені не були за відсутністю рішення на виділення земельних ділянок під вказані проекти та браком коштів на їх реалізацію.

В зв'язку з цим в 2007 р. заповідником було прийняте рішення про створення. виставкових залів в адміністративному корпусі — пам'ятці архітектури XIX ст. Господарський корпус № 20 Святогірського монастиря.

Був розроблений Проект реставрації та пристосування східної частини першого поверху під виставкові зали. Роботи по реставрації та пристосуванню велись в 2008 р. Одночасно з реставраційними роботами йшло оформлення музейних експозицій по історії Великої Вітчизняної війни як постійно діючої виставки, а також, тимчасової художньої виставки «Творча палітра Святих Гір»

Зрозуміло, чому саме такі теми були вибрані для музейних експозицій:

По-перше, у фондах заповідника, як відзначалось вище, на той час вже були зібрані колекція стрілецької зброї та інші матеріали часів II Світової війни та зібрання художніх творів по тематиці Святогір'я.

По-друге, як показала практика, тимчасова виставка «Зброя Перемоги» користувалася значним попитом у відвідувачів музею. Крім того, дана виставка експонувалась у музеях міст Слов'янська і Краматорська, і зарекомендувала себе як перспективна постійно діюча експозиція.

По-третє, воєнні події 1941 -1943 рр. на території Святогір'я висвітлені на сьогодні в історії недостатньо, а наявність в складі пам'яток заповідника таких об'єктів як Меморіал Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр., Пам'ятник «Дуб Камишева» потребує інформаційного забезпечення та увічнення пам'яті про загиблих і похованих тут воїнах засобами музейної експозиції.

На початок вересня 2008 року виставка «Святогірський плацдарм. 1941 — 1943 рр.» була створена в спеціально підготовленому вис-тавковому залі №1 площею 50 м^2 корпусу №20, а першими її відвідувачами стали ветерани Великої Вітчизняної війни, які приїхали на святкування 65-ї річниці визволення Донбасу від німецько-фашистських загарбників. Офіційне відкриття виставки відбулося в грудні 2008 року, коли була підготовлена і друга виставка - «Творча палітра Святих Гір» в 2-му виставковому залі.

Введення в дію виставкових залів дозволило урізноманітнити екскурсійну діяльність заповідника. Так, крім комплексної екскурсії «Історія Святих Гір в археологічних та архітектурних памятниках» та оглядової екскурсії по історичному музею, була введена в дію ще одна — оглядова екскурсія по виставкових залах. Дана екскурсія користувалась попитом у відвідувачів заповідника. Її можна було замовити як разом з комплексною екскурсією, так і індивідуально, лише у виставкових залах. За період з січня по жовтень 2009 року виставкові зали відвідало 35 тис. чол. [Журнал обліку, 2009], проведено 636 екскурсій, якими охоплено 11,5 тис. чол. [Журнал реєстрації, 2008-2009].

Всього вказаними вище екскурсіями по заповіднику за період 2005 — 2009 рр. було охоплено 159,4 тис. чол., для яких було проведено 12631 екскурсія. [Журнал реєстрацій,2005-2009]. Динаміка

показників екскурсійного обслуговування за останні 5 років надана в таблиці.

Таблиця № 1

Роки	2005	2006	2007	2008	2009
Кількість екскурсій, годин	2302	2099	2124	2765	3314
Кількість екскурсантів, тис. чол.	31,3	26,1	27,9	33,3	40,8

Таким чином, в 2009 році кількість екскурсій в порівнянні з 2005 роком збільшилась в 1,4 рази, а кількість екскурсантів — в 1,3 рази. При цьому середня чисельність екскурсантів на 1 групу залишається стабільною протягом п'яти років: 12-13 чол.

Більшість екскурсій, що проводяться заповідником на сучасному етапі, є організованими. Так, якщо на початку екскурсійної діяльності заповідника, в 2-й пол. 80-х рр. XX ст. 90% всіх відвідувачів заповідника, які отримували екскурсійне обслуговування, були неорганізованими і об'єднувались в групи вже в екскурсійній касі заповідника, то на сьогоднішній день абсолютна більшість груп організована туристичними фірмами різних міст. Індивідуальні відвідувачі заповідника отримують індивідуальні екскурсії, особливо в зимовий час, коли потік організованих туристичними фірмами груп значно зменшується. Так, із загальної кількості проведених в 2009 році екскурсій — 954 екскурсії — індивідуальні, що становить 28% від всіх проведених екскурсій.

Слід відмітити, що всі статистичні дані приводяться автором лише по заповіднику. Тут не враховані екскурсії, що проводяться екскурсоводами Святогірської Лаври за власними маршрутами, в т.ч. в пам'ятці архітектури XVII ст. - Печерному комплексі Святогірського монастиря в крейдяній скелі. Також не враховані екскурсії, які проводять екскурсоводи туристичних фірм — організаторів екскурсій по території Святогірського заповідника і Лаври, яка відкрита для відвідування, незалежно від цілей перебування.

Ще одна ознака зростання попиту на культурно- просвітницькі послуги заповідника і ефективності використання «культурних

ресурсів» в екскурсійній діяльності в порівнянні з попередніми роками — це розширення географії областей, з яких прибувають туристи до Святогірська.

В аналітичному матеріалі, опублікованому автором в 2005 році наводились дані за 1998, 1999 і 2002 роки по регіонам України, з яких прибувають туристи. Так, якщо в 1998 -1999 рр. це були екскурсійні групи в основному із Донецької, Харківської та Луганської областей, то в 2002 р. - добавились екскурсійні групи з Дніпропетровської та Полтавської областей [Дєдова, 2005, с.31, 34].

Порівняльні дані таблиці № 2 дають цікаву картину попиту на культурно — просвітницькі послуги заповідника різних регіонів країни в 2005 і 2009 роках [Журнал реєстрації, 2005, 2009].

Таблиця № 2

Найменування областей	Кількість груп (2005)	Кількість груп (2009)
Донецька	669	814
Харківська	205	386
Луганська	237	333
Дніпропетровська	50	289
Запорізька	2	120
м. Київ	27	80
Полтавська	8	68
Сумська	2	20
Одеська	2	17
Кримська АР	1	20

Отже, з таблиці видно, як змінюються кількісні показники по областях. Так, кількість груп з Донецької області збільшилась в 2009 р. порівняно з 2005 р. в 1,2 рази і складає абсолютну більшість загальної кількості екскурсійних відвідувань (24%). Екскурсійних груп з Харківської області збільшилось в 1,9 рази (12% загальної кількості екскурсій), з Луганської області — в 1,4 рази (10% від загалу). В 5,8

разів збільшилась кількість груп з Дніпропетровської області. (8,7% від загалу). Значне збільшення туристичних груп спостерігається із Запорізької, Полтавської областей та м. Київа. Найбільші темпи збільшення кількості туристичних груп дають Сумська (10 раз), Одеська (8 раз), Крим (20 раз), але ці регіони значно «відстають» по абсолютних показниках.

В 2009 році заповідник відвідали також групи з Львівської, Тернопільської, Івано-Франківської, Криворізької, Вінницької, Херсонської, Миколаївської, Чернігівської, Кіровоградської, Хмельницької областей. Тобто, практично зі всіх областей України перебувають в Святогірську туристичні групи, які замовляють екскурсійні послуги.

Збільшилась кількість груп з близького та далекого зарубіжжя. Так, якщо в 2005 році з Росії відвідали Святогірський заповідник і отримали екскурсію 21 група, то в 2009 році — 65 груп, здебільшого з Москви, Бєлгорода, Таганрога, Тули, Тюмені, Ростова.

Розширилась і географія країн далекого зарубіжжя. Так, з 11 груп в 2005 році, ця кількість збільшилась в 2009 році до 21 групи (Словенія, Німеччина, Греція, Франція, Англія, Ізраїль, Ліван, Сирія, Китай, США).

В зв'язку з підвищенням попиту на культурно-просвітницькі послуги заповідника як індивідуальних, так і іноземних туристів, а також враховуючи очікуваний наплив туристів в Донецьку область в 2012 році на чемпіонат по футболу «Євро-2012», заповідником разом з ТОВ «Лабораторія Динамічні моделі, Лтд» (м. Севастополь), розроблений новий вид екскурсії за допомогою аудіогіда -індивідуального пристрою, на якому записана фонограма оглядової екскурсії по 5 —ти залам історичного музею. Текст екскурсії розроблений автором цієї статті та записаний чотирма мовами: українською, російською, англійською, німецькою. Ця послуга пропонується безпосередньо в музеї.

До основної діяльності заповідника відноситься також залучення широких верств населення до культурної спадщини, представленої в історичному музеї та виставкових залах заповідника. Динаміка кількості відвідувачів музейних експозицій представлена таблицею.

Таблиця № 3

Роки	2005	2006	2007	2008	2009
Кількість відвідувачів музею, тис. чол.	65,8	63,0	60,3	75,7	108,4

Всього за п'ять років історичний музей Святогірського заповідника відвідало 373.2 тис. чоловік, в середньому 75 тис. відвідувачів на рік. В порівнянні з 2005 р. кількість відвідувачів в історичному музеї та виставкових залах в 2009 р. збільшилась в 1,65 рази. Значне зростання відвідувань зафіксовано за останній рік (43%), незважаючи на кризові явища економічного і фінансового характеру.

Зменшення кількості відвідувачів історичного музею в 2006 — 2007 рр. пояснюється скороченням екскурсійних маршрутів, а також організацією монастирського екскурсійного бюро в Лаврі. Найбільший відсоток зменьшення спостерігався серед груп з дитячих оздоровчих таборів Святогірської зони, а також туристичних груп, особливо дитячих, з Харківської області. Так, в порівнянні з 2006 р. кількість груп цієї категорії зменшилася із 232 до 185 або на 20%.

Припинення цієї тенденції спостерігається вже в 2008 році. В порівнянні з 2005 р. кількість відвідувачів збільшується майже на 10 тисяч чоловік. А значне збільшення відвідувачів у 2009 р. пояснюється введенням в дію виставкових залів.

Таким чином, при незмінних показниках корисної площи будівель, що залишились в розпорядженні заповідника після передачі пам'яток та експозиційних приміщень в користування Свято — Успенської Святогірської Лаври, ефективність використання «культурних ресурсів» значно підвищилась, особливо за останні 2 роки. Основою для збільшення попиту і пропозицій культурно просвітницьких послуг заповідника стали введення в експлуатацію додаткових експозиційних потужностей і актуальних для сучасного етапу невеликих, але оригінально поданих музейних проектів, які викликають незмінний інтерес не тільки в Донецькому регіоні, але і далеко за його межами.

Крім того, аналіз динаміки росту культурно-просвітницьких послуг, наданих заповідником в 2008-2009 роках, дозволяє зробити

висновок, що ця сфера не відчула негативних впливів кризових явищ і являється привабливою для реалізації програм відтворення втрачених культурних ресурсів Святогірського історичного ареалу і їх ефективного використання в соціально-культурному розвитку країни.

Література

1. **Дєдова Я.Д.** Використання об'єктів культурної спадщини Святогірського історичного ареалу в екскурсійній роботі заповідника. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини України. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції м. Святогірська Донецької області. 25-27 травня 2005 р. - Слов'янськ: Печатный двор, 2005, с.27-36.
2. **Дєдова Я.Д.** Методичні розробки Державного історико – архітектурного заповідника у м. Святогірську по організації екскурсійно-туристичного обслуговування. // Святогірський альманах 2006. Зб. наук. праць.- Донецьк, 2006, с. 118-132.
3. Журнал обліку відвідувачів історичного музею та виставкових залів за 2009р.–Науковий архів Святогірського історико-архітектурного заповідника(НА СДІАЗ), Ф. ІІІ, оп.5.
4. Журнали реєстрації екскурсій за 2005 – 2009 рр. - НА СДІАЗ. Ф.ІІІ,оп. 5, спр.150.151.

Духін О.Й.,
Кіркач Г.М.

Святогірські пейзажі С. Васильківського та О. Гіне

В музейній експозиції Святогірського історико-архітектурного заповідника, присвяченій історико-культурній спадщині Святих Гір XVII – XIX століть, експонуються цифрові фотокопії картин відомих художників С. Васильківського і О. Гіне. [Іл. 1,2,3]. Ці два художника, з великої кагорти живописців XIX ст., що писали в Святих Горах, відрізняються вмінням зафіксувати в часі неповторний історичний ландшафт Святогір'я разом з реалістичними картинами життя чернечої обителі. Автори цього повідомлення неодноразово звертались до теми творчої спадщини художників XIX ст. в Святих Горах, зокрема таких відомих авторів як С. Васильківській і О. Гіне.

Сергій Іванович Васильківський (1854-1917) - один із «славетніших» пейзажистів України, творча спадщина якого є класичним надбанням українського мистецтва і становить цінний внесок у художню культуру світового мистецтва.

Діапазон творчості художника дуже широкий і різноманітний: від пейзажу до історичних полотен, від батального живопису до побутових картин і портретів.

В 1885 році за картину «По Дінцю» С. Васильківський отримує велику золоту медаль від Академії мистецтв та чотирирічне пенсіонерське відрядження за кордон.

Повернувшись додому, художник сходив пішки Харківщину, Полтавщину, Катеринославщину і писав не просто з натури, а серед людей і для людей, не вигадуючи ідилічних пейзажів. Художник був реалістом і писав реальний світ і конкретну природу зі своєю чарівною красою.

Вечірній Дінець, кам'яна балка, простір Ромоданівського шляху, вечірній захід сонця, козачу леваду, козачу гору, індиків, степові млини, рухливі піски, воронець в цвіту - все це стало невід'ємною частиною в пейзажах Васильківського; без пейзажів художника не можна собі уявити Україну.

Разом із своїм мистецьким доробком 25 вересня (8 жовтня за новим стилем) 1917 року Васильківський заповів усе те, що написав і зберігав в майстерні, передати Харківському художньому музею.

При передачі виявилося 1348 творів автора і кілька сотень робіт подарованих йому іншими художниками, а також сто тридцять тисяч карбованців на облаштування музею в рідному місті.

На жаль, творам Сергія Васильківського випала гірка доля через буремні часи. З трьох з половиною тисяч творів митця нині відомо близько п'ятисот.

Разом з тим, дослідження творчості С. Васильківського відкриває нові сторінки його творчої біографії. Завдячуючи художнім виставкам та каталогам, публікаціям в журналах і газетах кінця XIX - початку XX століть, виявлені невідомі раніш роботи або їх варіації, пов'язані з тематикою Святих Гір.

В журналі «Нива» надрукована гравюра М. Рашевського з підписом: «Окресности Св. Гор в Харьковской губернии. С картины С. Васильковского. грав. М. Рашевский» [Іл.4]. Відкриття гравюри М. Рашевського розкриває ще одну сторінку живописної Св'ятогоріани Васильківського.

В альбомі М.М. Безхутрого надруковано два підготовчих ескізи до « золотого» пейзажу Васильківського «По Дінцю». Перший ескіз »На Дінці. Біля переправи». В надвечір'ї гурт козаків із кіньми готується переправитись на лівий берег Дінця.

Другий ескіз - «На Дінці. Риболовля» стає основою для знаменитого пейзажу С. Васильківського «По Дінцю. [Іл. 5]. Цей пейзаж викликав велику зливу захоплень. Пізніше історик Д.І. Яворницький так опише цей твір:

«Картина Васильківського переносить нас на Україну, на берег Сіверського Дінця. Літня спекотна пора.Небо синєсинє, на ньому а ні хмаринки, а ні пташки; все, здається, замерло, і ви побачите чарівний куточок з усіма красотами м'якої прохолоди влітку. На всю довжину полотна розлилась красуня річка, яка звивається поміж широкими луками й горою; зліва — гористий берег наполовину заріс лісом, що вдалині стоїть над водою суцільною стіною, а поблизу переходить у піщану рівнину, розпечену сонцем так, що аж мерехтить пекучим маревом. Примружте очі — і вам здається, що перед вами палає і поривається вгору вогняне полум'я. Ви навіть відчуєте цей жар... Та ви переводите погляд з низького берега на високий, тут ще миліше. На передньому плані, біля самого берега річки, стоять два високих гіллястих кучерявих осокори, переплівшись верхів'ям, здається, що й вони відчувають літню спеку. Листя ніби поблякло від палаючого сонця, а гілки ніби тягнуться

до води... Під осокором стоїть віз з піднятими догори голоблями; до воза прив'язано дві конячини, які навіть їсти сіно не можуть. Спека, страшна, спека! А неподалік розведено вогонь, від якого в гору струмиться димок, біля вогню сидить жінка кашу варить, запашну, духмяну. Якщо не з салом то з рибою, бо тут же праворуч при березі човен, біля якого пораються чоловіки — вибирають з волока свіжу рибу. Ну й смачна ж буде юшка в затінку, під деревами, на зеленій траві, біля чистої води... [Безхутрий, 1979, с. 117-118].

В Ленінграді, під час огляду творів образотворчого мистецтва музею Інституту російської літератури Академії наук СРСР (Пушкінського дому), Михайлу Забоченю пощастило виявити її оригінал. Картина С. Васильківського «По Дінцю» відкривала експозицію, присвячену життю і творчості М.В. Гоголя. Організатори експозиції вважали, що картина Сергія Васильківського відображає Полтавщину, а зображена на ній річка — це оспівана великим письменником річка Псьол. Картину музей придбав у 1952 році в одного з ленінградських колекціонерів.

Як завжди, за однією сенсацією при дослідженні творчості Васильківського з'явилася друга. Якщо пейзаж «По Дінцю»(а тепер і з другою назвою «Околиці Святих Гір в Харківській губернії») був, як кажуть, візуально відомим широкому загалу мистецтвознавців, то картина «В ожидании парома у Святогорского монастыря вь Харьковской губернии на реке Донец». С. Васильківського» зовсім ніде не згадується. Це ще одна робота, яка доповнює творчий спадок Васильківського створений в Святих горах. [Іл.6] Ця робота показана в листі ілюстрацій в журналі «Нива» за 1917 рік.

Багатофігурна композиція зображує паломників, які під гарячим, розжареним, без єдиної хмаринки небом, зі своїми нехитрими пожитками готуються до переправи через Дінець, а за іншими приїхали волами. Сонце припалило траву, яка пожухла, на передньому плані розжарений страшною спекою золотий пісок на березі Дінця. Від старого, обламаного бурею, стовбура верби до забитих у пісок палиць напнуто три тенти - навіси, під якими можна перепочити в затінку. Щоб урівноважити зміщену композицію з лівої сторони, художник пише у правій частині на передньому плані погонича, який притримує волів із гарбою. Воли поспішають забрести в Дінцеву воду, напитися вволю і відпочити від спекотної і довгої дороги. Сонце майже в зеніті. Тіні від погонича, волів і гарби рухаються за ними. Мерехтливе, спекотне марево висить над Дінцем, через яке

в обрамленні правобережних дерев біліють монастирські споруди із Покровською дзвіницею та Успенським собором. Від пенька зламаної верби виріс, трохи зігнутий, молодий пагін із дрібненьким, зеленим листячком, який в центральній частині умовно ділить в просторі Успенський собор і Миколаївську церкву з білим парусом крейдяної скелі, побитої печерними отворами у важкому плині історичного часу. Фаворгору вінчає гостроверхий «шолом» купола Преображенської церкви, яка, немовби вартовий, оберігає вічний і неповторний спокій чарівного краєвиду.

Ще одна робота С. Васильківського, яка доповнює живописну Св'ятогоріану — пейзаж «На Дінці. Св'ятогірськ». На передньому плані косогір, що заріс травою, серед якої дівча збирає квіти. Стежкою, що змієподібно спускається до Дінця, рухається купка паломників із чотирьох чоловік. Ліворуч, під деревами, в затінку відпочиває ще пара зморених мандрівників. Права сторона частково в обрамленні двох тоненьких осичок, які урівноважують передній план пейзажу. Внизу, біля самого берега, кучеряві верби, які ділять кронами Дінець навпіл. В центрі, далеко-далеко від берега, на правій стороні Дінця проглядають білосніжні споруди монастиря зі східною захисною вежею, Покровською дзвіницею та Успенським собором.

За монастирем в літньому мареві ледь простежуються контури гір. Крейдяна скеля ледве проглядає серед гіллястих осик, які нависають на передньому плані пейзажу. Тонка передача емоційного стану природи, мажорне звучання колориту з червонуватими відтінками дерев і яскравим освітленням центральної частини пейзажу підкреслюють неповторний талант художника, який ще одним пейзажем зачепив струну вічної краси Святогір'я.

Серед художників другої половини XIX сторіччя, які вчились у Петербурзькій Академії мистецтв, було чимало талановитих пейзажистів: Іван Шишкін, Олександр Гіне, Павло Джогін, Юлій Федерс.

Олександр Васильович Гіне народився в 1830 році, а помер у Санкт-Петербурзі у червні 1880 року. У 1844 р. Гіне поступив у першу чоловічу гімназію в Казані, де познайомився з Іваном Шишкіним. Вони товаришували протягом всього життя. Потім Олександр Гіне навчався в Московському училищі живопису і скульптури у Аполона Мокрицького, друга Тараса Шевченка.

З 1850 по 1865 - він вільний учень Академії мистецтв. У цей пе-

ріод навчався у Сократа Воробйова.

У 1858 і 1859 роках Гіне разом з Шишкіним, Федерсом і Джогіним бував на острові Валаам, про що засвідчує ескіз Івана Шишкіна «І.І. Шишкін і О.А. Гіне в майстерні на острові Валаам» (Державний Російський музей). За пейзажі, написані на Валаамі, він одержав дві срібні малі медалі, а пізніше велику срібну медаль за картину «Вид Фінської затоки» і малу золоту медаль за «Вид на Валаам» («На острові Валаам»).

Академію мистецтв Гіне закінчив у 1865 році із званням класного художника першого ступеня. Працював у Петербурзі, брав участь у художніх виставках.

У 1878 році за свої пейзажі Гіне одержав звання академіка Академії мистецтв. Звання присуджено за картини «Озеро», «На Ладозькому озері» (1861), «Буря на Валаамі», «Дощ», «Ніч», «Пристань в Оранієнбаумі» (1869),

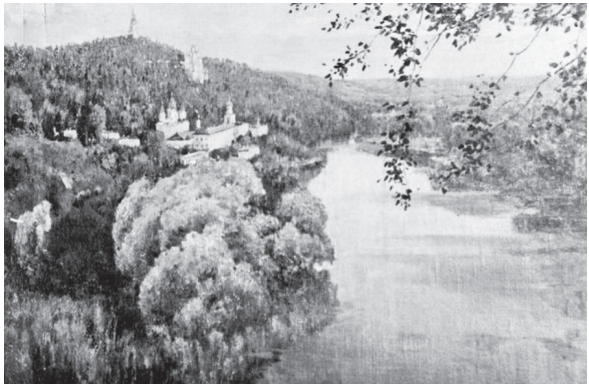
У листі Джогіна Шишкіну в Швейцарію читаємо такі рядки: «... Гіне їде знову до монахів у Святогірський монастир (Харківської губернії)». [І.І.Шишкін,1978, с. 96]. Гіне неодноразово бував у наших краях, котрі полонили талановитого пейзажиста. Відомі дві роботи Гіне із зображенням Святих Гір. Одна знаходиться в фондах Харківського історичного музею з назвою «Святогірський монастир» 1864 р. Друга робота описана в художньому каталозі. [Іл. 7]

Пейзаж написаний в тиху, ранкову пору. Композиція не перевантажена архітектурними спорудами. Художник акцентує увагу глядача на загадково-казкову крейдяну скелю із Миколаївською церквою. Скеля, як чарівний витвір природи, немов би пливе серед розкішного золотаво-осіннього лісу. У воді Дінця, як в люстерці, відображується правий берег річки з його кучерявими вербами, червоними дахами одноповерхових будинків, захисним муром та двома гостроверхими вежами. На самій вершині «Фавор»- гори, що поступово знижується на захід, серед дерев, як витязь у шоломі, біліє Преображенська церква, що чатує вічний спокій під голубим, бездонним небом. На передньому плані зображений пологий, лівий берег річки. У самому низу картини - авторський підпис червоною фарбою А. ГИН.

Література:

1. **БезхутрийМ.М.** Сергій Васильківський.-Київ: Молодь, 1979.
2. «Вісті» - громадська газета м. Слов'янська, №73. 2000 р.
3. **Духін О.Й., Кіркач Г.М.** Святі Гори в творах художників XIX ст. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Слов'янськ. «Печатный двор». 2005, с.176-182.
4. «Нива», Київ, 1917р.
5. **Сергій Васильківський** — Київ: Мистецтво, 1971.
6. **Сергій Васильківський.** Альбом. — Київ: Мистецтво,1987.
7. **Юный художник.** № 8, 1988, Москва.
8. **Иван Иванович Шишкин** — Ленинград: Искусство, 1978.

●



Іл.1. С. Васильківський. Вид Святих Гір. кін. XIX ст.

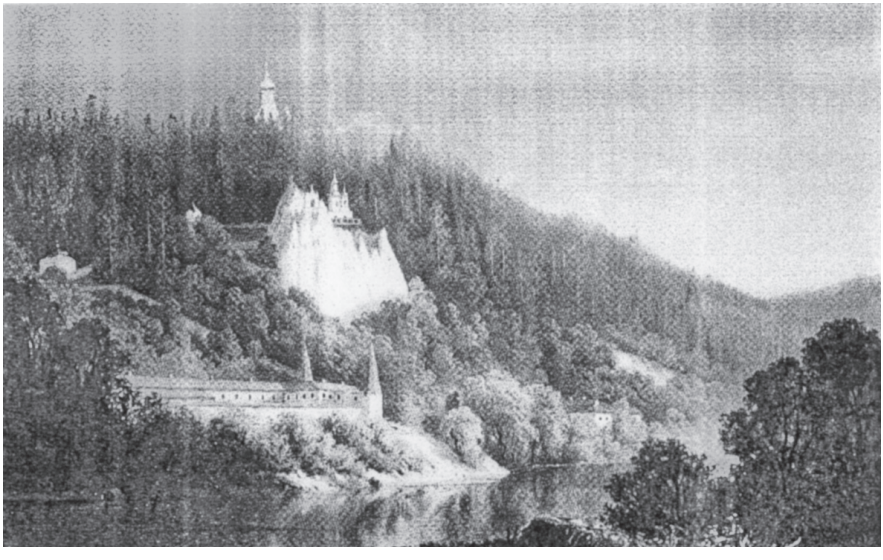
Іл.2. С. Васильківський. Вид Святих Гір. кін. XIX ст.

Іл.3. О. Гіне. Святогірський монастир, 1864 р.

Іл. 4. Окресности Св. Гор в Харьковской губернии.
(С картини С. Васильковского грав. М. Рашевский)

Іл. 5. С. Васильковский «По Донцу».

Іл.6. С. Васильковский. В ожидании парома. У Святогорского монастыря в Харьковской губ., на реке Донец



Іл.7. А. Гине. Святогорский монастырь 60х70. Холст, масло.

Дутка І.І.

Вплив культурної цінності об'єктів нерухомості на їх майнову вартість
(на прикладі монастиря в с. Завалля Борщівського р-ну Тернопільської обл.)

Визначення вартості нерухомих об'єктів культурної спадщини є необхідною умовою збереження національного культурного надбання і правовою нормою сучасного суспільного життя України. Автор безпосередньо приймав участь в розробці теоретичних засад розв'язання окремих питань грошової оцінки нерухомих пам'ток (Дутка, Пущінська, 2005, с.44-46; Дутка, 2006; Дутка, Пущінська, 2007), так і в практичній реалізації методики визначення цінності об'єктів культурної спадщини, їх майнової вартості (Дутка,Пущінська 2005,с.42-44; Дядюшенко, Дутка, Дєдов, 2007; Дутка, 2008, Дєдов, Дутка, 2008).

Разом з тим, за межами цього досвіду залишилась значна група об'єктів нерухомості, яка не набула статусу пам'ятки, але має певні ознаки культурної цінності, які необхідно враховувати при визначенні майнової вартості. До такої групи безумовно належать монастирські комплекси, або окремі споруди, що входять до складу цих комплексів, будівництво яких здійснювалось в межах хронологічних періодів зазначених Методикою грошової оцінки пам'яток [Постанова КМУ, 2002].

Важливою проблемою є те, що нерухомі об'єкти, як складові елементи монастирів часто густо повертаються або надаються в постійне користування релігійним організаціям без оцінки їх культурної значущості. В той же час, відповідно до ч.4 ст. 17 Закону України «Про свободу совісті та релігійні організації» такому поверненню чи передачі в постійне користування повинно передувати обов'язкове проведення відповідної експертизи на предмет виявлення можливої культурної цінності такого об'єкта. При позитивному висновку це в свою чергу було б підставою для оформлення відповідної охоронної документації на об'єкт (паспорта, облікової картки, акту технічного стану та довідки про майнову вартість) та можливість застосування при передачі, передбачених законодавством, правил охорони та користування як для об'єкта, що має статус пам'ятки місцевого чи національного значення.

Очевидним є те, що недотримання процедури передачі, тобто відсутність експертизи, негативно впливає на схоронність об'єкта і в свою чергу при проведенні грошової оцінки призводить до заниження його майнової вартості.

Наприклад перед автором, як сертіфікованим оцінювачем нерухомого майна, було поставлено завдання визначити вартість об'єкта - адміністративної будівлі монастиря ОО. Василіян ЧСВВ в с. Завалля Борщівського р-ну Тернопільської обл.

Відомо, що значущість кожної пам'ятки, як об'єкта культурної спадщини, визначається її цінністю для суспільства. Особливе значення в цьому плані мають монастирі та їх комплекси. Адже вони як свідки історії доносять до нас віру наших пращурів, є та завжди будуть залишатись тією неоціненою криницею духовності для теперішнього і прийдешнього покоління.

За історичними джерелами першими чернечими осередками в Русі були монастирі св. Юрія та св. Ірини, засновниками яких був князь Ярослав Мудрий. Назву їм дав в честь свого небесного покровителя (хресне ім'я князя - Юрій) та своєї дружини - шведської дружини Інгегарди (хресне ім'я - Ірина) [Шкраб'юк, 2005, с.7.].

Суспільна потреба в виникнені монастирів визначалась серед інших причин утвердженням християнських догматів в світогляді і культурі середньовічного суспільствасва, а також небезпечними для існування давньоруської держави тенденціями центробіжних уподобань серед верхівки княжих родин. Як підкреслював в своїх історичних дослідженнях М.Грушевський: «Після безконечних, тяжких, грубих, кривавих усобиць, у яких наростала київська держава, відчувалась потреба в чімсь новім, моральнім, чистім, що відсвіжувало би атмосферу й ублагородняло б життя. В сам час приходила релігія не від миру цього, з ідеалами самовідречення й аскетизму. Чернецтво приймається з великою симпатією: князі і визначніші бояри не тільки фундують монастирі, але і самі кидають двір, багатства, владу і ідуть у монастир на тяжке омертвлення тіла, пости, безконечні молитви і безсонні ночі». [Грушевський,1994]. Тому не дивно, що монастирі займали вагоме місце в суспільному житті того чи іншого краю, як осередки педагогіки, книговидання, науки, діяльності відомих історичних постатей та навіть політичного життя держави.

Дану тему досліджували науковці різних епох як, наприклад, І. Огієнко (митрополит Іларіон) [Огієнко, 2002], М.Ваврик

[Ваврик,1958], П.Шкраб'юк [Шкраб'юк, 2005] та інші, присвячувались науково-практичні конференції, в т.ч. на міжнародному рівні, наприклад, у м.Львові з нагоди 120-літньої річниці Добромильської реформи Василіянського Чину Св. Йосафата.

Без сумніву, в більшості монастирі є також цікавими пам'ятками архітектурної діяльності. Будівлі, які входять до складу монастиря, часто є творами мистецтва, які окрім стандартних підходів, відображають місцеві традиції архітектурного планування та будівництва.

В нашому випадку, монастир в с.Завалля знаходиться на південномусході Тернопільської обл. та розташований на мальовничому березі річки Збруч.

В архівних матеріалах був знайдений ескізний проект будівлі монастиря виконаний невідомим архітектором. З невідомих причин теперішня будівля монастиря, стилістично дещо відрізняється від початкового проекту.

Проведений аналіз натурних обстежень вказує, що збереженість матеріально-технічної субстанції будівлі сягає близько 70%. Цінність в архітектурному плані не визначалась та потребує з цього приводу подальшого дослідження відповідними фахівцями в галузі архітектури культових споруд. З початку свого заснування монастир у с.Завалля виконував роль резиденції для ОО. Василіян і був структурною одиницею головного монастиря, що знаходився неподалік від нього — в с. Михайлівці. На сьогодні будівля монастиря в с.Михайлівці не збереглася.

Монастир був повернений релігійній організації в 1994 році. Експертиза при передачі не проводилась та охоронна документація відсутня. Хоча при досліджені інформації про історію формування монастиря було встановлено наступне. Його функціонування тісно пов'язано з історичною постаттю — греко-католицьким єпископом, професором філософії Сотиром Ортинським [Ваврик,1958,с203]. В 1898 - 1901 рр. він займав посаду економа, а згодом ігумена монастиря в с.Михайлівці, до складу якого на той час входив монастир в с. Завалля. Народився Сотер Ортинський у 1866 році в с. Ортиничі (тепер Самбірський р-н Львівської обл.). Він був соратником по вірі відомого духовного та політичного діяча греко-католицького митрополита Андрея Шептицького. За свідченням очевидців, Сотер Ортинський відзначався багатими ораторськими здібностями, глибоким знанням богослов'я та щирим українським патріотизмом [Лужицький, 2008, с.542]. Саме ці риси стали підставою того,

що папа Римський Пій X номінував Сотера Ортинського першим греко-католицьким єпископом для емігрантів українців в Америці. Причиною цього було те, що на той час за кордоном, особливо в Америці (США), вже перебувало близько 400 тис. емігрантів із заходу України (регіони Карпат та Поділля) [Ваврик,1956,с.96]. Помер Сотер Ортинський в США у 1916 році і похований в кафедральному соборі у Філадельфії.

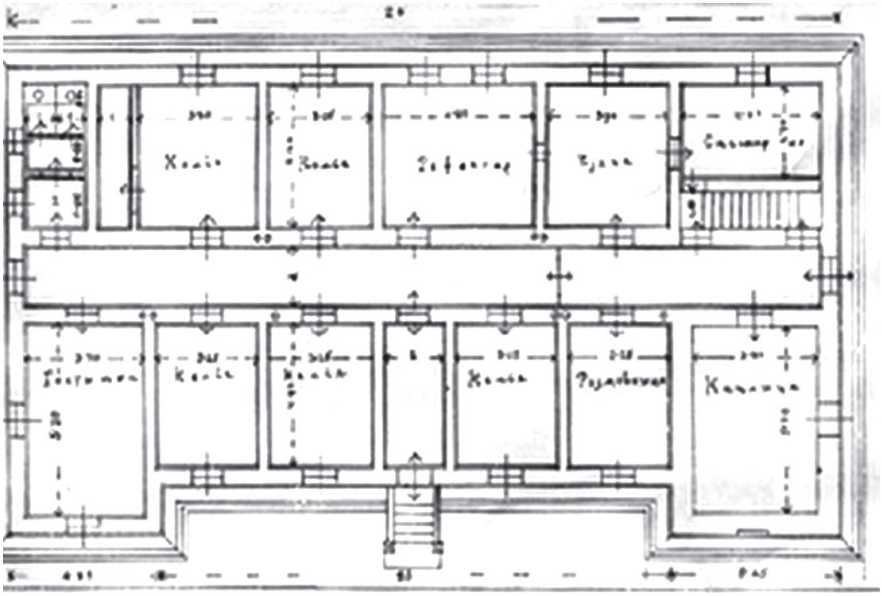
З проведених досліджень випливає, що будівля монастиря має культурну значущість і їй можна надати статус «щойно виявлений об'єкт культурної спадщини» місцевого значення, який відповідає критерію «пов'язаний з історичними подіями, віруванням, життям та діяльністю видатних людей певного населеного пункту чи регіону» [Поста-нова КМУ,2001,п.11.]. Отже, для отримання достовірних результатів, при розрахунку вартості будівлі монастиря необхідно застосовувати Методику грошової оцінки пам'яток, затвердженою КМУ в 2002 році.

Література

9. **Ваврик В.** Єпископ Сотер Ортинський Ч. С. В. В., Слово доброго пастиря.: Видво О. О. Василіян у ЗДА, рік VII, ч. 9-10, 1956.
10. **Ваврик М.** По василіянських манастирях.- Торонто: Видавництво ОО. Василіян, , 1958. — 286с.
11. **Грушевський М.** З історії релігійної думки на Україні. // Грушевський М.С. Духовна Україна. — Київ: Либідь, 1994. — С. 5-135.
12. **Лужицький Григор.** Українська Церква між Сходом і Заходом// Нарис історії Української Церкви. — Львів: Свічадо, 2008. — 640 с.
13. **Огієнко(Митрополит Іларіон)** Українське монашество. — К.:Наша культура і наука, 2002.
14. Постанова Кабінету Міністрів України від 27.12.2001р. №1760 «Про затвердження Порядку визначення категорій пам'яток для занесення об'єктів культурної спадщини до Державного реєстру нерухомих пам'яток України»//Урядовий кур'єр 2002, N78 від 24.04.2002, п.11.5

Світлина1. Фасад будівлі монастиря 2009 р.

Світлина 2. Малюнок будівлі монастиря з архівних матеріалів, XIX ст.



Світлина 3. План будівлі моностиря з архівних матеріалів XIX ст.

Кондратьев А.В.

Новые памятники казацкого периода в районе села Богородичное Славянского района

Строительство независимого украинского государства послужило толчком к радикальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности современного общества, что потребовало расширения методологических подходов в исторических исследованиях и подтолкнуло к развитию такое перспективное направление в исторической науке, как регионоведение. Всплеск общественного интереса к изучению истории родного края, его прошлому, стал тем катализатором, который активизировал как археологические, так и архивные исследования вопросов, связанных с заселением Донецкого региона. Необходимо отметить целую плеяду исследователей, которые внесли наибольший вклад в изучение проблем истории освоения степей Юго-Восточной Украины в новое время. Это, прежде всего, Д. Яворницкий, А. Скальковский, Д. Багалей, В. Кабузан, В. Пирко, и ряд других специалистов, которые в своих работах неоднократно рассматривали вопросы колонизации придонецких степей и возникновения населенных пунктов на территории современного Донецкого региона.

В этом свете неоднозначно на сегодняшний день выглядит вопрос освоения земель среднего течения реки Северский Донец и, соответственно, основания ряда населенных пунктов в этом регионе. Не исключением в этом вопросе является и история возникновения Святогорского монастыря [Дедов, 2004]. На современном этапе, когда ресурсы письменных источников практически исчерпаны, исследователи все чаще обращаются к результатам, полученным в ходе археологических и этнографических исследований.

Со слов старожилов известно, что еще в сороковые годы прошлого века в районе населенных пунктов х. Пасека и с. Богородичное существовали броды, каждый из которых вполне возможно соотнести с летописным Посольским перевозом. При этом необходимо отметить, что дорога, ведущая к переправе, расположенной в районе х. Пасека, проходила по такому маршруту: от Северского Донца дорога уходила вверх к меловой гряде, вдоль которой опускалась к озеру Большой Лиман, затем поворачивала в урочище Выдылыха и, поднимаясь по Сазоновой балке, упиралась в балку

Голая Долина. Именно так впоследствии проходила граница, разделяющая владения Святогорского монастыря и Войска Запорожского [Яворницький, 1990, с.23-24]. Вполне логично, что практически по всему вышеозначенному маршруту встречаются материалы т.н. «казацкого периода». Так, в районе предполагаемой переправы были найдены две круглые свинцовые пули (сборы В.В. Давыденко) и фрагменты керамики XVII в. На берегу оз. Большой Лиман в 2008-2009 годах были обнаружены и исследованы котлованы двух жилищ, которые вполне возможно интерпретировать как следы казацкого хутора. Так, в котловане жилища №1 был обнаружен ряд металлических предметов: два фрагмента рыболовных крючков, фрагмент серпа, а также довольно длинное (50 см) лезвие ножа (?) с закругленным концом. Презентабельно выглядит и керамическая коллекция, представленная, в основном, фрагментами кухонной посуды, более половины которой покрыто поливой. Судя по формам найденных сосудов и их орнаментации, можно предположить, что данное сооружение функционировало в 30-50 гг. XVIII века. Жилище №2 было обнаружено в срезе «воронки», образованной взрывом авиабомбы. Во время зачистки было найдено большое количество осколков оконного стекла, фрагменты кровельного железа, обрушившаяся кирпичная кладка (печка?). Большое количество керамики конца XIX начала XX в. вполне может говорить о наличии в районе озера хуторского надела. На вершине горы, что маркирует урочище, в 2007 г. автором была исследована курганообразная насыпь, вокруг которой по периметру просматривалось углубления в виде рва. Во время зачистки данных углублений с северной и восточной стороны были обнаружены части сгнивших деревянных столбов диаметром 180 мм, и уходящих вглубь до 0,6 м. Рядом с остатками столба на глубине 0,2 м обнаружены фрагменты металлического котла. Данная конструкция представляется нам похожей на сторожевую вышку, так называемого «быка». На правой стороне Сазоновой балки, по краю боровой террасы, были обнаружены и исследованы «казацкие» жилища. К сожалению, в ходе полевых работ в 2006 г. котлован жилища не был зафиксирован, зато удалось расчистить ступени, которые опускались к старице. Большая часть обнаруженного тогда материала содержалась в выкиде, который накрыл собой ступени [Кондратьев, 2008, с.56-60]. Обнаруженная в раскопе серебряная монета Сигизмунда Вазы (полторак 1626 г.) дает основание предполагать, что этот участок

был заселен в 20-30 годы XVII в.

Во время разведочных работ в районе села Богородичное Славянского района Донецкой области в 2009 г. в 500 м северо-западнее населенного пункта на вершине меловой гряды, которая тянется вдоль правого берега реки Северский Донец, автор обратил внимание на две «пещеры – штольни» (жилища?), вырубленные в мелу. Данные пещеры расположены на незначительной по площади территории и тяготеют к зоне мелового обнажения, которое имеет не только поверхностную эрозию, но и следы обрушений. Пещерное «жилище» № 1 имеет вид аркообразной штольни длиной 345 см и высотой 179 см, врезанной в меловой целик по оси запад – восток. В ходе расчистки данного объекта был найден бронзовый литой нательный крестик 46 на 34 мм четырехконечный по форме, в середине которого расположены тонкие балки имеющие вид луковиц. Средняя часть креста разделена лучами длинной около 5,5 мм, соединяющихся с основной конструкцией при помощи дуг. Медальоны на концах балок обрамлены кругами точек, в центре которых размещены надписи «іс. хс., црь. свы». МЛРБ. Внутренний восьмиконечный крест стоит вместе с копьем и тростью на закругленной Голгофе, под которой слабо видны буквы «ни.к.т.ка». Обратная сторона креста практически полностью стерта. Лишь в средней части просматривается надпись из шести-восьми букв под титлами, которую невозможно прочесть. Данный артефакт имеет ряд аналогий, и может быть датирован XVII в [Ханенко, Ханенко, 1890, таб. XXXII]. «Пещера» № 2 расположена в десяти метрах восточнее первой, и имеет довольно длинную (около 10 м) обрушенную галерею, которая заканчивается меловой стеной. На дне галереи у восточной торцовой стены были найдены фрагменты рыболовного крючка и польская монета номиналом в полгроша, отчеканенная на Рижском монетном дворе в 1621 г. На этой же стене на глубине 0,6 м сохранились два прочерченных знака, которые интерпретированы автором как буквы «а с», значение которых непонятно.

В двухстах метрах западнее вышеописанного объекта были зафиксированы провалы грунта, которые произошли в двух местах и расположены на расстоянии восьми метров друг от друга по оси запад-восток. Данные провалы обнажили входы в расположенное под землей сооружение. Глубина от дневной поверхности до потолка подземного сооружения 256 см, имеет форму купольного свода

шириной около четырех и длинной до трех метров. К сожалению, установить начальную высоту данного сооружения на сегодня не представляется возможным из-за угрозы обвала свода. Тем не менее, уже на стадии осмотра в западной части исследуемого объекта были найдены две польские серебряные монеты времен Сигизмунда Августа Вазы - полтораки 1616 и 1622 гг. Обнаруженный нумизматический материал дает возможность предположить, что уже в первой трети XVII в. на означенной территории проживали люди, для которых привычными в обращении были монеты Речи Посполитой. При этом, опираясь на найденный в данном комплексе нательный крестик, можно предполагать православную принадлежность населения.

О присутствии в районе с. Богородичное военизированного населения в XVII — XIX вв. свидетельствует весьма любопытный документ - рассказ монаха Святогорского монастыря, уроженца с. Богородичное, записанный в 1850 г. На наш взгляд, будет нелишним процитировать данный рассказ практически полностью. «И теперь повыше села Богородичного есть урочища, где жили гайдамаки: одно называется Государев Яр, другое — Погрибивский и третье — Городище. Государев Яр получил свое название оттого, что там закопана государева казна. Вез, говорят, чумак государю с линии деньги на двух парах, а тогда дороги на Голую долину не было, а шел он через Теплинский лес. Вот гайдамаки и перехватили того чумака и завели в яр, выкопали яму и вывернули туда те деньги, возами затоптали, а чумака отпустили. С тех пор и пошло название Государев яр. А Погрибивский яр получил свое имя от гайдамацких погребов; там где они жили, есть и до сих пор пещеры. Городище обнесено кругом валом и окопано канавой, а по средине площадка — там именно вся их братия жила. Рассказывают, что один человек поехавший рубать дрова, встретил в лесу неизвестного, который сообщил ему, что на городище, в том месте, где заметен вход, находится клад, а другой закопан на самой площадке, и указал приметы. Примета — это дуб простреленный; он служил мишенью для выстрелов. Примету нашли, а денег нет» [Народные предания..., 1874, с. 213].

Литература

1. **Дедов В.Н.** Святые Горы. От забвения к возрождению. Издание 2-е, переработанное и дополненное. - Славянск, 2004. 220 с.
2. **Кондратьев А.В.** Казацкие поселения в среднем течении Северского Донца // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні, №17. - К., 2008. С.56-60.
3. **Кондратьев А.В.** Культурный слой XVII века в урочище Выдылыха на Северском Донце // Святогірський альманах, 2007. - Донецьк, 2007. С. 35-42.
4. **Народные предания.** Киевское отделение Русского Географического Общества. - Киев, 1874. С. 213.
5. **Ханенко Б.И.**, ХаненкоВ.И. Древности русские. Кресты и образки.- Вып.I — К., 1899. Вып. II.- К.,1900.
6. **Яворницький Д.І.** Історія Запорізьких козаків в 3-х т. - Львів, 1990.

●

Лыганова Л.А

Гончарные горны конца XIX – начала XX столетия: конструктивные особенности

Одним из наиболее распространенных занятий населения Украины было гончарство. Так, в конце XVIII века на Слобожанщине насчитывалось 6776 ремесленных хозяйств, занимающихся ткачеством, выделкой кож, сапожным портняжным, кузнечным делом и др., среди которых отмечено 159 хозяйств, изготавливавших керамические изделия. Гончарное производство было развито и на севере Донецкой области (в современных границах). В основном, изготовлением керамических изделий занимались в селах, расположенных по берегам Северского Донца. Наряду с другими гончарными центрами в Изюмском уезде Харьковской губернии К.И. Матейко называет населенные пункты, и ныне существующие в Донецкой области: Ямполь, Поповку, Райгородок, Райалександровку, Николаевку, Богородичное [Матейко, 1959, с. 20-23].

Если XVII-XVIII ст. можно считать периодом расцвета керамического производства на Украине, то к концу XIX – началу XX века ситуация значительно изменилась: сократилось количество хозяйств, занимающихся гончарством, ухудшилось качество продукции, уменьшился ее ассортимент. В.А. Бабенко, занимавшийся этнографическими исследованиями в Екатеринославской губернии в начале XX в., писал о том, что гончарное производство встречается только в Славяносербском, Екатеринославском и отчасти в Верхнеднепровском уездах. На момент исследования оно находилось здесь в состоянии оскудения и упадка, большинство гончарных изделий поступало сюда из Полтавской губернии, где гончарство было в лучшем состоянии [Бабенко, 1905, с. 87].

Расцвету гончарного производства на Украине благоприятствовали объективные условия, прежде всего, - это наличие высококачественных глин, которые являются основным сырьем для гончаров. Донбасс – один из тех регионов, который располагает богатыми залежами гончарных глин. Наиболее качественное сырье залегает на севере области в Славянском, Константиновском, Артемовском районах, чем объясняется сосредоточение керамического производства именно на этой территории в прошлом и в настоящее время [Материально..., 1973, с. 272]. Материалы полевых исследований

позволяют говорить о том, что гончарством занимались и в районах расположенных южнее - Волновахском, Володарском, Першотравневом, Великоновоселковском, однако там целевые исследования не проводились (Полевые материалы автора).

Традиционное гончарное производство на территории Донецкой области, к сожалению, не стало объектом специальных научных исследований, хотя без информации о нем невозможно составить полную картину развития гончарства в Украине. Источники для серьезных изысканий в этом направлении существуют: прежде всего - это материальные свидетельства развитого гончарного промысла (гончарные горны, гончарные круги, керамическая посуда местного изготовления, изразцы, игрушки и пр.), а также свидетельства респондентов, литературные источники.

Предварительно собранная устная информация, материалы публикаций о керамическом производстве в населенных пунктах, расположенных в среднем течении Северского Донца, получили свое подтверждение во время работы совместных археолого-этнографических экспедиций в селах Прелестное и Богородичное Славянского р-на Донецкой области.

В данной статье предметом внимания являются два гончарных горна, раскопанных в с. Пискуновка в 1993 году и в с. Богородичное в 2007-2008 гг.

Село Пискуновка было специализированным гончарным центром, в котором посуда изготавливалась по определенным технологическим канонам и художественным традициям. Здесь практически все население занималось гончарным промыслом, потому что земли, пригодной для земледелия, было мало. Местные жители говорили: «У нас всі жили з горшка, возили горшки по селах, а люди купували. Було вивезеш бричку горшків, а бричку зерна привезеш. В кожній хаті був гончар, мало хто не гончарював». Керамическое производство здесь существовало до 50-х гг. XX в.

Изделия, изготовлявшиеся местными мастерами, отличались высоким качеством, изяществом форм и декора. А. М. Штепа, житель с. Адреевка Славянского района вспоминал: «У наших краях на Дінці самі уславлені гончарі були у селі Піскуновці. Кажуть, що навіть опішнянські майстри з під Полтави приходили до наших пішки, щоб добровільно відпрацювати батраками від Паски до Покрова, аби тільки чесно навчитись поливі глечиків та макітер».

Во время кратковременных выездов в с. Пискуновка сотрудни-

ками Донецкого областного краеведческого музея были проведены исследования особенностей местного гончарного производства, выявлены места нахождения нескольких гончарных горнов, получено описание их конструктивных особенностей и строительной техники.

По словам пискуновцев, гончарные горны были почти в каждом дворе. Те же, у кого не было горнов, договаривались о времени обжига с соседями, родственниками, имевшими горны. Кроме частных «хазяйських» горнов были и общие, то есть построенные несколькими мастерами, каждый из которых имел право обжигать в этом горне свою посуду бесплатно. Было несколько человек, которые сами не занимались гончарством, но имели горны и сдавали их на время обжига за определенную плату деньгами или посудой. За обжиг партии посуды брали в оплату 10 готовых изделий. Среди гончаров были такие, которые хорошо формовали посуду, но не умели обжигать, и эту работу за них выполняли другие мастера.

Как правило, горны строили в конце огорода на склоне, спускающемся к Донцу или на склоне оврага вблизи усадьбы. Для горна выбирали место, где залегала глина без меловых вкраплений, потому что мел тянет влагу, и горн не высыхает. Нижнюю часть обжиговой камеры и топочную камеру выкапывали в земле, при этом дно плавно понижали к устью топки. По другим версиям наклон имело дно обжиговой камеры, а дно топочной камеры было ровным. Конструкция маленьких горнов, устроенных на ровном месте, имела свои нюансы. «Якщо горен робили на ровному місті, то для топки робили ямку, а сльоси виводили на нєт» (Котляров И.И., 1900 год рождения [г.р.]). Стены в грунте обмазывали толстым слоем глины или, начиная от дна, обкладывали вальками (сбитая в комок смесь глины с песком и навозом весом 2-3 килограмма). Для изготовления стен горна, свода («клубка») и «козла» применяли и кирпич-сырец («бруски») размером 10х15х20 см. Кирпич-сырец делали из замеса глины с песком, формовали в деревянном станке и просушивали 2-5 дней, а потом приступали к сооружению горна. Раствор для кладки кирпича был такой же (глина + песок), но более редкий (Заславский П.А., 1931 г.р.). Как следует из рассказов местных гончаров, в Пискуновке для сооружения горнов использовали именно эти строительные материалы, предпочитая их обожженному кирпичу. Гончары считали, что стены горна из глины лучше, чем из обожженного кирпича, та как в них посуда не так лопается и

не так слипается (Котляров И.И., 1900 г.р.) Когда высыхали стены, клали из кирпича-сырца или вальков «козел», (вертикальная перегородка, разделяющая нижнюю обжиговую камеру на 2 части - «слёсы»). После просушки на «козле» «ліпили черінь з дірками» - горизонтальную перегородку, отделяющую нижнюю обжиговую камеру от верхней обжиговой камеры «ямы». Для устройства «черени» использовали металлические прутья, которые укладывали от стены до стены и обмазывали глиной с песком и конским навозом. «Черінь кладеця на залізні прути, їх обмазують глиною знизу і зверху. Глину накладають не товсто, черінь товщиною в палець, а на ній дірки» (Котляров И.И. 1900 г.р.). При сооружении «черени», в ней проделывали несколько маленьких отверстий и два больших — «продухи», через которые из нижней обжиговой камеры в верхнюю проникал горячий воздух. Дав просохнуть нижней части горна, принимались за возведение свода печи («клубка») над верхней обжиговой камерой («ямой»). В «клубке» оставляли отверстие для загрузки и выгрузки посуды. Немаловажной деталью конструкции горна была топочная камера. Для устройства свода топки использовали деревянные дуги, каждая последующая дуга (начиная от устья) была выше предыдущей. Поверх дуг клали густой слой хвороста, а сверху — вальки. Соорудив и просушив конструкцию, приступали к её обмазке. Некоторые мастера при обмазке внешней части стен горна использовали смесь глины с песком и коровьим навозом, а изнутри стены мазали глиной с песком и конским навозом, так как он меньше выгорает, чем коровий. Песок при обжиге, температура которого достигала 1200 градусов, расплавлялся и скреплял глину. Дно конструкции мазали той же смесью, но могли и не мазать, так как оно было вырыто в глине (Мороз А.Я, 1928 г.р., Ямполец Е.И. 1918 г.р., Колодий И.И. 1900 г.р.). По другой версии: «Коли зробили горен, то зверху його мазали глиною з соломою, а з середини - глиною з піском, глина з соломою не розкисає при дощу, а внутрі нільзя з соломою, бо вона перегоре і будуть самі дірки» (Заславский П.А. 1931 г.р.).

Перед устьем горна выравнивали небольшую топочную площадку, на которую складывали подготовленные для обжига дрова. Наверху, перед отверстием для загрузки посуды, расчищали большую площадку, на ней сосредотачивали просушенные, подготовленные для обжига изделия, туда же складывали уже обожженные горшки.

На сооружение горна тратили несколько дней, просушивая каждый ряд уложенных вальков, каждую часть конструкции. Тщательность, скрупулезность, последовательность и неспешность в работе были залогом крепости и долговечности конструкции, высокого качества продукции. Гончары рассказывали: «За один день горен не зробиш. Сьогодні зробили половину, а тоді далі робили. Як зробили горен, даємо йому просохнути два дня, а тоді потрошку даємо вогоньку, щоб не було диму і пару, бо посуда змокрієця і завалиця. Великого вогню не дають, бо його порве на карту. Коли він погріється, то часа три ще топлять полегеньку»(Мороз А.Я, 1928 г.р.) Температуру при просушке горна поддерживали примерно в 30 градусов, когда уже не видно было пара, выходящего через проем в своде, горн закрывали сверху и снизу (Заславский П.А. 1931 г.р.). Протапливали горн и после дождя (примерно час при низкой температуре), чтобы он просох иначе пар, образующийся при обжиге во влажном горне, порвет посуду [Мороз А.Я., 1928 г.р.].

За состоянием горна следили очень тщательно, ибо от этого зависело качество посуды, а значит и благосостояние семьи. Перед каждым обжигом стены горна очищали от разрушенной глины и замазывали дырки смесью глины с песком. Этой работой занимались женщины — жены, родственницы мастеров. Некоторые хозяйки добавляли в глину соль, чтобы она лучше держалась. «Горен буде служить усю жизнь, тіки ухажуй за ним», говорил Мороз А.Я.

Величина горнов была различной. Их объем измеряли количеством посуды, которую они могли вместить. Сами пискуновцы выделяли маленькие, средние и большие горны. Маленькие горны вмещали от 100 до 200 штук сосудов, средние — от 200 до 500, горны вместимостью от 500 штук и более считались большими. И.И. Котляров 1900 г.р. привел примерные размеры горна: «Під кручею робиця яма по расчету 3—2,5 метра шириною, довжиною можна 5 метрів. Глибина ями по шию. Посередині ями кладеця козел з глини на кирпичину завширшки, козел довжиною 1,5 метри».

Конструкция горнов, используемых пискуновскими мастерами, была уточнена во время археологических исследований в данном населенном пункте.

В 1993 г. впервые в музейной практике сотрудниками отдела археологии Донецкого областного краеведческого музея были проведены раскопки гончарного горна в с. Пискуновка Славянского р-на Донецкой области (руководитель экспедиции Дегерменджи

С.М.). Горн был сооружен в 30-е гг. XX ст. и использовался жителями села как до войны (1941-1945 гг.), так и в послевоенное время. Сведения о расположении горна и консультации относительно его устройства были получены у дочери владельца горна Ямполец Екатерины Игнатьевны 1919 г.р. и ее мужа (в прошлом гончара) Ямпольца Александра Григорьевича 1920 г.р. [Лыганова, 1997, с.46].

Горн располагался на западном склоне оврага, где на ровной поверхности выделялся всхолмленный участок с западиной от «ямы» верхней обжиговой камеры. Раскопки начали с выемки заполнения «ямы». В заполнении были обнаружены фрагменты обожженной глины от свода горна, куски мела, многочисленные фрагменты керамики. Для того, чтобы случайно не разрушить при расчистке «черинь» - перекрытие между нижней и верхней обжиговой камерой горна - решили одновременно вести расчистку с устья топки, которое хорошо читалось благодаря вмазанному в него металлическому ободу колеса. При расчистке топочной камеры были зафиксированы стены, обмазанные глиной, приобретшей в результате воздействия огня серо-белый цвет. В заполнении топочной камеры было большое количество фрагментов керамики, кирпича-сырца, обожженного кирпича.

На момент раскопок хорошо сохранились нижняя часть горна: нижняя обжиговая камера, часть верхней обжиговой камеры, топочная камера и перегородка-«козел», остальные детали конструкции сооружения были восстановлены благодаря рассказам информаторов.

Земля, вынутая при рытье ямы горна, равномерно распределялась справа и слева от стенок для укрепления конструкции и уменьшения теплоотдачи. Туда же выбрасывали бой и брак, полученный при обжиге посуды. Он в большом количестве наблюдался на склонах по обе стороны от горна.

В плане сооружение имело каплевидную форму с ровным дном, слегка наклоненным к устью топки. Нижняя часть обжиговой камеры по вертикали была разделена на две равные части - «слёсы» глухой перегородкой «козлом», служившем опорой для «черени» горна. Перегородка «козел» замкнутая, она примыкала к задней стенке обжиговой камеры, образуя в этом участке два больших продуха (не сохранились). Передняя часть «козла» выходила за пределы обжиговой камеры и частично располагалась в топочной камере. Торцевая стена «козла» была выложена из обожжен-

ного кирпича, однако возможно, что это реставрация более позднего периода. Козел был сооружен из кирпича-сырца местного производства (глина + песок), который в результате длительного обжига приобрел оранжево-желтый цвет. На «козел» опиралась «черинь» горна, сохранившаяся фрагментарно у правой стенки. Судя по мягкой, закругленной линии перехода от стен нижней обжиговой камеры к «черени», нижняя часть черени была сводчатой, а верхняя — ровной. В основе конструкции перегородки был использован металлический лом: колесо, прутья, кузнечные клещи и пр., которые находились на дне нижней обжиговой камеры. Несколько железных полос и ломик лежали на «козле» у задней стенки, указывая своим положением место больших продухов и их примерные размеры. Металлический каркас «черени» был обмазан сверху и снизу глиной с песком. Стены горна, вырытые в земле, по словам информаторов, были облицованы вальками, начиная от пола, а затем помазаны глиной с песком и конским навозом. Возвышающийся над верхней обжиговой камерой «клубок», был тоже возведен из «вальков» (смеси глины с песком и коровьим навозом). Вся конструкция после вальковки изнутри и снаружи была помазана глиной с навозом и песком. Для уточнения стратиграфии обжиговой камеры необходимо было полное уничтожение памятника, но так как горн являлся первым объектом такого рода, раскопанном на Донетчине, его решили не разрушать и законсервировали с учетом возможности реставрации или дальнейшего научного исследования.

Особенности строительной техники, используемой при возведении горна, были прослежены в разрезе устья топки. На стенах топочной камеры четко читались три слоя обмазки, нанесенной на комковатую глину (по нашему предположению - вальки). В правую стенку топочного канала (вблизи обода) была вмазана донная часть сосуда и обмазана глиной, как и вся стенка. Обод колеса был вставлен в устье топочной камеры при последней обмазке. Пол топочной камеры выглядел иначе, чем стены: внизу тонкий слой обмазки глиной с навозом и песком по обожженной материковой глине, над ними слой пепла поверх которого положены вальки, обмазанные глиной, затем вновь линза пепла и тонкий слой обмазки [Лыганова, 1997, с. 48-49].

Необходимо отметить, что части конструкции горна имели четкое функциональное назначение. В верхней обжиговой каме-

ре «яме» обжигали поливную посуду, миски, кружки, кобушки, эстетический вид которых имел значение при продаже, (ровный, медленный обжиг придавал им характерный для пискуновской керамики светло-желтый цвет). Верхняя обжиговая камера была отделена от нижней горизонтальной площадкой «черинью», на которую укладывали в определенном порядке посуду, и через отверстия в которой проникал в «яму» теплый воздух. В нижней части горна, разделенной «козлом» на две «слёсы», тоже производили обжиг посуды, но обычно в «слёсы» закладывали кринки и крышки. Эта массовая продукция, пользовалась большим спросом на рынке, и более темный цвет черепка, приобретенный в результате близости к огню, не имел значения при сбыте. Для сжигания топлива служила топочная камера («топка», «пригребыця»).

Конструкция горна удивительна по своей простоте и функциональности. Все части горна плавно переходят одна в другую, образуя очень гармоничное сооружение. При строительстве горна максимально использованы природно-географические условия, природный материал. Здесь применены, в основном, подручные средства (местная глина, местный песок и предметы, вышедшие из употребления), т.е. затраты материальные и физические были минимальными, а в результате получилась очень рациональная постройка, интенсивно эксплуатировавшаяся на протяжении длительного времени.

Конструктивные и технические особенности горнов, профессиональная терминология, использовавшаяся для обозначения частей горна, в Пискуновке были зафиксированы благодаря общению с носителями культурной традиции, как самими мастерами и их родственниками, так и местными жителями не занятыми в производстве. Эта терминология будет использована при описании горна, обнаруженного в с. Богородичное, так как здесь гончарная терминология не была зафиксирована.

Данные о наличии гончарного производства в с. Богородичное Славянского р-на были получены во время этнографических разведок в этой местности. Тогда же было выяснено, что в селе достаточно часто встречаются фамилии Гончар, Гончаровы, а часть населенного пункта носит название «Гончаривка». В отличие от Пискуновки, в с. Богородичное мы не имели возможности непосредственно общаться с мастерами. Информация о гончарном производстве здесь собиралась по крупицам у старожилов. Большой

удачей было знакомство с Гончаром Николаем Ивановичем 1930 г.р., дед которого Гончар Артем (1850-1937) занимался изготовлением гончарной посуды. Рядом с ним занимал усадьбу его родственник Корней Гончар, который тоже занимался гончарством. В нижней части усадьбы Артема Гончара на склоне спускающегося к реке Северский Донец огорода был устроен их общий горн, в котором они оба обжигали посуду. Место расположения горна примерно указал Н.И. Гончар.

На месте расположения горна во время проведения строительных работ был снят верхний слой почвы, под которым и в котором находилась масса фрагментов керамики казачьего типа, представленных в большинстве венчиками горшков, венчиками кринок, донышками и небольшим количеством крышек и мисок.

Подъемный материал в массе своей датируется 1-й четвертью XX в. Его обилие и разнообразие форм сосудов побудили к проведению археологических исследований.

Раскоп был заложен 16.07.2007 г. на месте самого большого скопления фрагментов керамики. В раскопках (руководитель археологической экспедиции к.и.н. А.В Колесник.) принимали участие студенты Донецкого национального университета, историк А.Н. Кондратьев, старший научный сотрудник Славянского краеведческого музея А.В. Шамрай, славянский краевед В.В. Радченко, старший научный сотрудник Донецкого областного краеведческого музея Л.А. Лыганова, научный сотрудник Донецкого областного краеведческого музея В.В. Мирошниченко.

В первый и второй день работы были вскрыты два квадрата (200х200 см), с наибольшей глубиной 110 см. В них были обнаружены два мощных, плотных скопления керамики, расположенных на расстоянии друг от друга, язык пепла, а также остатки двух столбов. В заложенных выше квадратах, были выявлены обожженные кирпичи, обмазка (глина + песок), и продолжение слоев ранее обнаруженных скоплений керамики. Так как контуры объекта выходили за пределы вскрытых квадратов, прирезали еще два квадрата. Большая часть горна располагалась в квадратах 1а, 1б, 2а, 2б, 3а, 3б.

При дальнейшей расчистке объекта прорисовались контуры горна: стенки и яма верхней обжиговой камеры. По большому количеству завалившегося кирпича в яме и остаткам стенки свода, можно предположить, что наземная часть горна была возведена из

обожженного кирпича разного размера: 24х6,5х3,5 см; 25х15х7см; 27х17х6 см. На одном из кирпичей меньшего размера четко видна маркировка «ФВ». Для строительства горна по видимому использовали продукцию различных кирпичных заводов, в том числе и кирпичного завода в с. Богородичное.

В заполнении верхней обжиговой камеры была обнаружена битая фаянсовая и стеклянная посуда, бутылки 20-30-х годов XX ст. - это подтверждает рассказ Н.И. Гончара о том, что горн перестал функционировать в 30-е гг. XX в. После смерти Гончара Артема гончарный промысел в селе угас.

Большую часть заполнения горна составляли фрагменты керамики производства данной гончарной мастерской – преимущественно это горшки, кринки разных размеров, крышки, миски, датируемые началом XX ст. Однако здесь же были обнаружены фрагменты двух полихромных изразцов с изображением лошади, которые предварительно датируются XVIII в.

На месте предполагаемой топочной камеры было обнаружено большое количество пепла, обожженный кирпич, камни, куски мела. В квадрате 3б справа от топочной камеры зафиксированы остатки 2-х столбов. Можно предположить, что это части опорной стенки теплозащитного устройства (насыпи).

Результаты первого года исследований позволили определить тип горна и его конструктивные особенности. Основная часть горна была вырыта в черноземе и укреплена кирпичной кладкой в пол-кирпича с последующей обмазкой стен глиной с песком. Для облицовки стен использовали целый кирпич и половинки. Свод верхней обжиговой камеры был тоже выложен из кирпича, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки кладки. Передняя часть стенки обжиговой камеры и сохранившейся части свода находящиеся на поверхности земли, были сложены в целый кирпич, они толще той части стены и свода, которые находились под землей (кладка в пол кирпича). Судя по наклону стенок обжигового блока, горн имел не высокое сводчатое перекрытие. В задней части обжигового блока находилось загрузочно-разгрузочное устройство. Часть клубка позже засыпанного землей для уменьшения теплоотдачи была сложена в пол-кирпича. В кладке внешней стенки горна, ушедшей под засыпку, был использован (помимо кирпича) мел, крупные камни.

Несущая перемычка («козел») и площадка на ней («черинь»)

сложены из обожженного кирпича с использованием небольших камней для расклиновки. Кирпичи в козле положены плашмя, а в черени — вторец. Вся конструкция, обмазана глиной с песком изнутри и снаружи.

Свод топочной камеры сложен из кирпичей в два ряда. Первый ряд, образующий арку, положен вторец, второй ряд - плашмя. Основание свода (нижняя часть) имеет кладку в три кирпича. В основание устья левой стенки топочной камеры (у пола) был заложен крупный меловой блок. Пол топочной камеры выложен кусками кирпича, в районе устья на них не сохранились следы обмазки. Стены топочной камеры были обмазаны глиной. Вблизи устья топочной камеры, в левом нижнем углу квадрата 3а был обнаружен небольшой фрагмент полихромного изразца с геометрическим орнаментом, аналогов которому в известных публикациях нет.

Стенки топочной камеры и передней части нижней обжиговой камеры представляют собой вскипевшую стекловидную массу темно-зеленого цвета, следы которой зафиксированы на фрагментах крышек и сосудов, обнаруженных на месте раскопа. В районе устья правой и левой «слёс» сохранились фрагменты крышек, застывших в расплавленной массе. Вполне возможно, что это результат последнего не очень удачного обжига посуды, во время которого была задана слишком высокая температура обжига, приведшая к оплавке стен.

«Козел» — опора для черени и распределитель тепла в двух каналах («слёсах») нижней обжиговой камеры не примыкал к стенке горна. Пространство между стенкой и «козлом» служило распределителем тепла из нижней обжиговой камеры в верхнюю обжиговую камеру — это так называемый большой продух. Меньшие по размеру тепловодные каналы (малые продухи) округлые или подпрямоугольные по форме, располагались на площади «черини» вертикально или под наклоном, 10 из них находились над левой «слёсой», 11 - над правой.

23 июля 2008 г. работы на горне были продолжены. Горн не был законсервирован на зимний период и под воздействием погодных условий на нем произошли изменения: обрушилась «черинь» над левой «слёсой», часть стенки над большим продухом и свод топочной камеры. Эти повреждения позволили уточнить конструктивные особенности сооружения, сделать разрез горна по вертикали, контуры пола и стен в нижней обжиговой и топочной камерах. Об-

рушение стен верхней обжиговой камеры позволило определить наличие двух слоев обмазки на них, строение дна в обжиговой камере.

При расчистке дна в «слёсах» было обнаружено небольшое количество фрагментов типичной для этого памятника керамики, угольки, пепел. Дно сооружения хорошо читается благодаря обожженной глиняной обмазке. При расчистке дна, начиная от обжиговой камеры к топочной, слой пепла утолщался от 1 мм. до 1,5 см. В обжиговой камере дно почти ровное, слегка наклоненное к топочной камере (угол наклона 4 градуса). В месте присоединения обжиговой камеры к топочной небольшое возвышение, переходящее в углубление в топочной камере, которое плавно спускается к предтопочной площадке. Глубина слоя пепла на дне топочной камеры 6 см. он достаточно плотен и лежит на обмазанном глиной с песком дне. В районе устья топочной камеры было зафиксировано большое количество пепла, уходящего под бровку ранее засыпанного квадрата. Он хорошо виден в разрезе бровки и в плане стыкуется с обнаруженным в прошлом году языком пепла. Устье топки почти упирается в бровку засыпанных квадратов, но расстояние в 10 см. между устьем и бровкой позволяют сделать разрез пола топочной камеры и определить, что он выложен из кусков кирпича, дикого камня, мела в 2 слоя и сверху помазан глиной с песком. Кладка не ровная при стыковке учитывался рельеф поверхности строительного материала.

Перед устьем топочной камеры дошли до материковой глины бледно-коричневого с прозеленью цвета, возможно, что ее же использовали для обмазки дна, стен и «черини» горна.

При попытке дойти до древнего горизонта справа от топочной камеры, были обнаружены завалы кирпича, а между остатками двух столбов — большое скопление фрагментов керамики, углей и довольно крупные остатки обожженного дерева.

Судя по степени обожженности земли вокруг горна, сооружение интенсивно использовалось и функционировало длительное время. Крайнюю верхнюю хронологическую точку мы примерно знаем — это 30-е гг. XX в. Для определения нижней даты можно использовать монету, которая была найдена на квадрате 1б под слоем фрагментов керамики. По определению нумизмата А.Р. Федонина - это медная копейка Николая I 1855 г. Николай I умер 18 февраля 1855 г., но Екатеринобурский монетный двор выпускал их

до конца февраля 1855 г. Не смотря на то, что монета отчеканена в 1855 г., этот тип был в обороте до 1868 г., а возможно и дольше. Найденная монета затерта, что свидетельствует о длительном ее использовании, она равномерно покрыта патиной. Наличие этой монеты позволяет условно обозначить время начала функционирования горна срединой — началом второй половины XIX в.

Найденные изразцы XVIII в. вряд ли можно использовать для определения времени функционирования объекта, так как они были обнаружены в заполнении горна рядом с битой посудой I-й четверти XX в. Горн и окологорновое пространство после окончания его эксплуатации служили для сброса мусора и найденные изразцы могли попасть туда именно в таком качестве. Однако эти находки могут свидетельствовать (по крайней мере) о наличии у жителей села изразцовых печей, а возможно и о более ранней традиции гончарного производства в данном населенном пункте.

Не сохранившиеся детали конструкций, функциональное назначение частей горнов в селах Пискуновка и Богородичное Славянского района были определены благодаря рассказам информаторов и данным археологических исследований. Для сопоставительного анализа представленных сооружений использована классификация А.А. Бобринского [Бобринский, 1991, с.190-191].

Рассмотренные нами горны по своим конструктивным особенностям относятся к одному виду, хотя и имеют особенности в способе создания функциональных блоков горна, строительном материале, а так же в общих очертаниях устройства. И в том и в другом случае мы имеем дело с уже сложившимися видами горнов [Бобринский, 1991, с.110]. Оба горна являются довольно совершенными сооружениями, позволяющими регулировать процесс ведения обжига только путем уменьшения или увеличения объема одновременно сжигаемого топлива. Горны рассчитаны на использование тяжелого топлива — древесных пород [Бобринский, 1991, с.144].

Горн №1 каплевидной (по А.А. Бобринскому - яйцевидной), формы, части, образующие структуру горна мягко переходят одна в другую. В целом основание горна имеет плавные обтекаемые формы. Периферический топочный блок, в месте соединения с обжиговой камерой не имеет резких границ. Обжиговый блок горна полностью сформирован, он состоит из нижней обжиговой камеры, разделенной «козлом» на две части — «слёсы» и верхней обжиговой камеры. Перегородка—«козел» замкнутая - т.е. она примыкает

к задней стенке горна и обусловливает наличие в горне двух больших продухов. На макете горна, изготовленном П.А. Заславским, на «черени» указаны два больших продуха и десять малых (по пять над каждой «слёсой). Нижняя обжиговая камера — многофункциональное устройство, используемое для концентрации и распределения тепла и обжига посуды — разделена «козлом» на два отсека «слёсы». Верхняя обжиговая камера «яма» отделена от нижней камеры «черинью», сверху «яма» имела куполообразное перекрытие «клубок» в центре которого было загрузочно-разгрузочное отверстие. Судя по макету горна, загрузочно-разгрузочный проем имел сложную форму: в центре купола свода находилось большое круглое отверстие, а от него вниз отходило узкое удлиненное отверстие.

Параметры горна: ширина обжиговой камеры по вертикали на уровне «черини» - 160 см., по горизонтали — 170 см. Толщина «черини» - 15 см. Длина «козла» - 210 см, ширина «козла» - 25 см, высота «козла» - 90 см. Длина от «козла» до обода колеса — 90 см, от обода колеса до читаемого устья топочной камеры — 80 см. Диаметр обода колеса — 90 см.

Горн №2 по форме тоже каплевидный однако место присоединения топочной камеры к обжиговой более выразительно имеет ме-сто плавный, но визуально фиксируемый и читаемый в плане переход. Как и в первом случае, горн имеет две обжиговые камеры, но нижняя переделена на две части не замкнутой перегородкой (т. е. между задней стеной обжиговой камеры и «козлом» оставлено пространство) - это обусловило наличие одного большого продуха в «черини» горна. По-мимо большого продуха в «черини» устроены малые продухи: над левой слёсой - 10, над правой — 11 отверстий. Нижняя горизонтальная перегородка «черинь», стены и купольное перекрытие («клубок») образуют верхнюю обжиговую камеру «яму». Форму и положение загрузочно-загрузочного отверстия определить не удалось, но предположительно, оно аналогично полтавским горнам. Овальное по форме отверстие располагалось не в центре купола, а в задней его части, противоположной устью топки.

Периферийное топочное устройство представляет собой канал со сводчатым перекрытием, который расширяется и увеличивается по высоте по мере перехода к нижней обжиговой камере, сливаясь с ее стенками. Место сжигания топлива находилось в центре камеры, ближе к устью. Топочная камера выполняет дополнитель-

ную функцию тягового канала [Бобринский, 1991, с. 115].

Параметры горна: Ширина верхней обжиговой камеры на уровне «черини» по вертикали — 192 см, по горизонтали — 196 см. Расстояние от дна верхней обжиговой камеры до дна нижней — 78 см. Толщина «черини» — 13 см. Толщина «козла» внизу — 30 см., вверху — 40 см., высота «козла» - 65 см, длина «козла» - 150 см. Длина большого продуха — 90 см, ширина — 40 см. Диаметры малых продухов от 0,37 до 0,55 см.

Наиболее существенные отличительные особенности двух исследуемых горнов связаны с использованием строительного материала и строительной техники. При возведении горна №1 использована глина с различными примесями. Горн №2 сооружен из обожженного кирпича: стены и свод верхней обжиговой камеры, «козел», часть пола в топочной камере (ближе к устью использовали камень и мел). Замес глины с песком применен при обмазке стен обжиговых камер, углубленных в землю, пола конструкции и как связывающий материал при кладке кирпича. Можно предположить, что та же масса была использована для обмазки конструкции сверху.

Поиски истоков форм исследуемых гончарных горнов приводят нас к глубокой древности. Горны с замкнутой перегородкой (с. Пискуновка) и с не замкнутой перегородкой (с. Богородичное) встречаются на памятниках в II-V вв. н. э. в лесостепной и степной части территории Украины [Бобринский, 1991, с. 190]. Гончарные горны этих видов составляют самую обширную группу на черняховских памятниках [Боб-ринский, 1991, с. 203]

По мнению А.А. Бобринского яйцевидной формы горны — одно из проявлений освоения кельтских традиций местными мастерами. Горны яйцевидной формы с глухой и не глухой перегородкой известны в этот период на территории Южной Польши и Чехословакии. Распространение этих конструкций в украинской лесостепи А.А. Бобринский связывает с выходцами их районов Востчной Европы, прилегавших с запада и северозапада к районам распространения черняховских памятников [Бобринский, 1991, с. 207].

Подобного типа горны встречаются и в более поздний период. Б.А. Рыбаков, анализируя гончарные горны Древней Руси (по материалам Донецкого и Райковецкого городищ), находит, что двухъярусные горны с «козлом» почти полностью сохранились на Украине до настоящего времени и описывает для сравнения

гончарный горн из Подолии. По его мнению, данный тип горнов восходит к римскому времени и бытовал в эллинистический период в Причерноморье. Автор высказывает предположение, что совпадение южнорусских горнов XI-XII вв. с римскими представляет собой результат не конвергенции, а генетической связи, так как хранителями античных традиций были, как и в других случаях, города Босфора и Приазовья [Рыбаков, 1958а].

В.П. Коваленко считает, что тип двухъярусных горнов аналогичных в плане горну из с. Пискуновка был широко распространен на Руси XI-XII вв. [Коваленко, 2006, с. 127].

Горны, имеющие общие черты с двумя нашими сооружениями были обнаружены во время раскопок урочища Гончары-Кожумяки в Киеве. Один из них двухъярусный, круглый в плане, со сформированной периферической топкой и опорной стенкой, которая поддерживала «черинь» датируется концом XVIII — началом XIX ст. Все горны были построены из кирпича и покрыты изнутри и сверху глиняной обмазкой [Герасимов, 1997, с. 109-110].

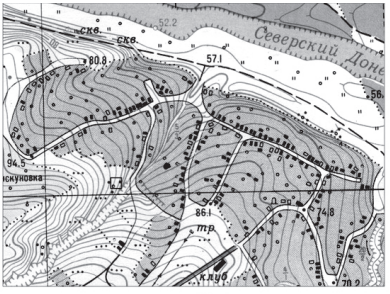
Аналогию гончарным горнам Донбасса исследователи находят и в конструкции горнов Полтавщины [Метка, 2004, с. 91].

Материалы современных археологических и этнографических исследований позволяют говорить о существовании традиции возведения двухъярусных горнов с прямой перемычкой (аналогичные нашим) на обширной территории Украины вплоть до средины XX в.

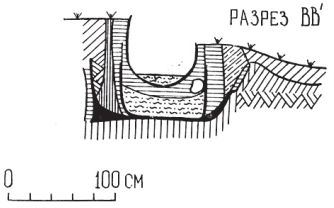
Литература

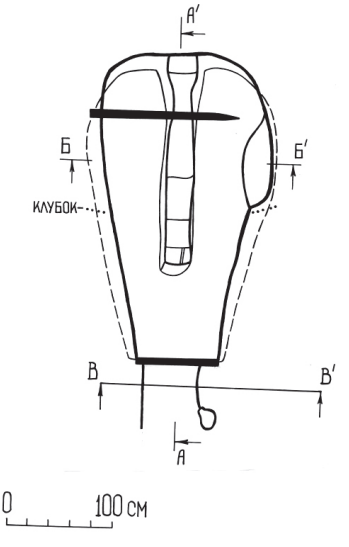
1. **Бабенко В.** Из этнографических наблюдений в Екатеринославской губернии. — Харьков: Тип. «Печатное Дело», 1905. — 12 с.
2. **Бобринский А.А.** Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-I вв. н. э.). — М.: Наука, 1991.-211 с.
3. **Герасимов Д.** Гончарні горни XVIII ст. з Києва (за матеріалами розкопок урочища Гончарі-Кожум`яки) // Нові дослідження пам`яток козацької доби в Україні. — Вип. 6. — К., 1997. — 135 с.
4. **Коваленко В.П.** Гончарній производственній центр XI-XII вв. Автуничи на Черниговщине // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. — СПб., 2006. — 232 с.
5. **Лыганова Л.А.** Исследование гончарного гона в селе Пискуновка Славянского района Донецкой области // Летопись Донбасса. Краеведческий сборник. Выпуск IV-V. Часть I — Донецк, 1997. — с. 46-49. — 84 с.
6. **Матейко К.І.** Народна кераміка Західних областей Української РСР. XIX — XX ст. Історикоетнографічне дослідження. — Київ, 1959. — 107 с., ил.
7. **Материально**-сырьевая база строительных материалов Украины. Донецкая область. — Киев, 1973. — 606 с.
8. **Метка Л.М.** Гончарство сіл Піскунівка та Діброва Донецької області (за матеріалами керамолого-етнографічної експедиції 2003 року) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. №74-76. 2004,с. 90-92.

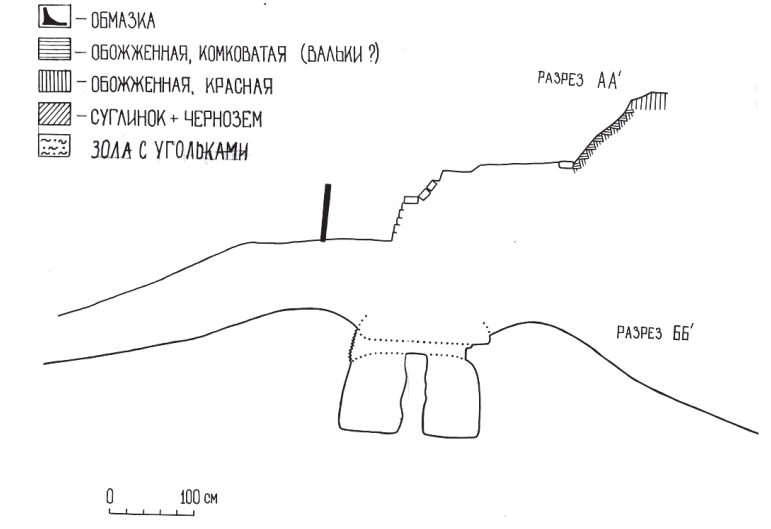
●



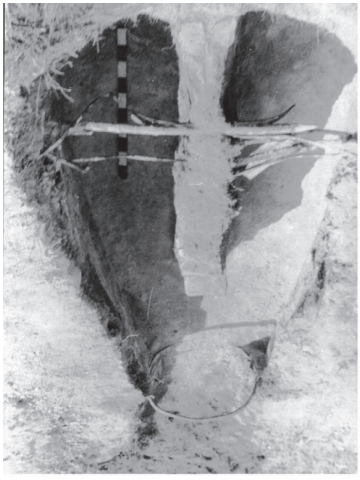
место расположения горна № 1







Горн №1. с. Пискуновка Славянский район 1993 г.
(рис. Ю. Б. Полидовича)



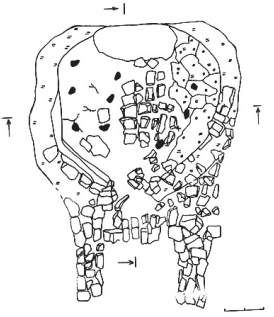
Горн №1.
Вид сверху

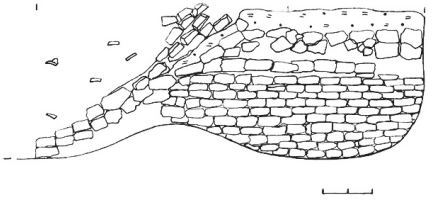
А.Г. Ямполец, Е.И. Ямполец

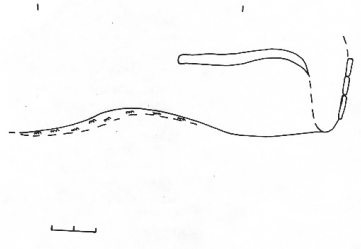
Горн №1.
Деталь конструкции
«черни»

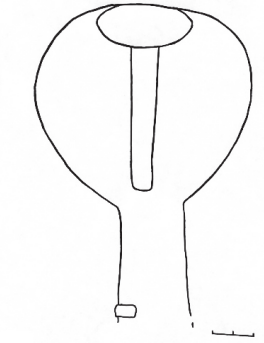
Горн №1.
Вид со стороны устья
топочной камеры

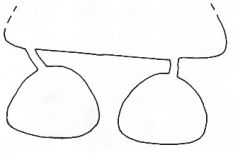
Горн №1.
с. Пискуновка Словянский
район 1993 г.
(фото Л.А. Лыгановой)











Горн №2. с. Богородичное Славянский район 2007-2008 гг.
(рис. Г.Г. Чепиги, В.В. Миршниченко)

Н.И. Гончар на месте расположения горна.

Горн №2. с. Богородичное Славянский район 2007-2008 гг.
(фото Л.А. Лыгановой)

Татаринов С.Й.

Ієрархи церкви - історики Катеринославської губернії та Новоросії (забуті імена)

Єпископи Катеринославські (Славенські, Новоросійські), як правило, були високоосвіченими людьми, часто займалися дослідженнями як історії Малоросії, так і церкви. Сьогодні їх праці майже не згадуються.

Започаткував історичні дослідження єпископ Гавриїл-1-й, Банулеску-Бадониі Григорій Григорович (1746-1821), правив єпархією з травня 1793 до грудня 1797 рр. В подальшому - Митрополит Молдавський і Бесарабський. Серед його документів були «Загальний опис Новоросійського краю та губернії», «Відомость Бахмутської провінції з кількістю містечок і жителів», «Опис Бахмутської Управи благочинія про заснування Бахмуту, його засновників, привілеї та герб» 80-х років XVIII століття.

Про нього у «Записках Одесского общества истории и древностей» сказано як про освічену людину, що вивчала памятки старовини, археології, церковні документи, він написав багато историко-статистичних рукописів.

Архієпископ Гавриїл-2-й, Розанов Василь Федорович (1781-1858) перебував на посаді у 1828-37 рр. Продовжив справу Гавриїла 1-го вже у 30-40 роки XIX століття. В лютому 1832 року архиманд-рит, вікарій єпископату Іаков звертався до редактора «Сина Отечества» Греча з приводу втрати рукопису Гавриїла.

У 7 томі «Записок Одеського товариства» у 1867 році було надруковано «Збірку архієпископа Гавриїла» (може, про цей рукопис йшлося вище) з ордерами та указами починаючи з 1738 року фельдмаршала Мініха, кошового Калнишевського, укази Сенату Новоросійському генерал-губернатору генерал-майору Муромцеву, накази Словенської Єпархії, Указ Катерини митрополиту Кафському про прийняття приазовських греків до Росії, реєстри поселень і жителів повітів губернії, донесень генерала Синельникова, адмірала Н.Мордвінова, Грамоти Черноморському козацтву на Тамань, укази митрополиту Ігнатію на поселення у Маріуполі, текст виступу Моісея Мариупільського у Миколаєві та про його смерть у 1792 році, переписку генерала Івана Хорвата та єпископа Гервасія, єпископа Маріупольського Іова, Новоросійського губернатора Ка-

ховського, громадянського губернатора Жегуліна, Указ Зубову «об устройстве пристани Хаджибей» (Одеса), Новоросійського губернатора Селецького, князя Г.О.Потьомкіна, документи 20-30 років XIX століття. Цікавим був іменний Указ Катерини митрополиту Ігнатію 1780 року про поселення греків кримських та ілірійських на місці майбутнього Маріупольського повіту. 2 томи документів містили відомості про монастирі, церкви, історичні довідки про міста та повіти, старообрядців, взаємовідносини з запорозькими козаками, переміщення священиків, стан церков та закладання нових. Безцінним є опис Миколаївської похідної церкви Кальміуської Паланки Війська Запорізького, яка була невеликою, з дерева, з залізним хрестом, іконостасом на полотні. Церкву переносили з Домахи до Павловська, Маріуполя, Самарської фортеці.

Яскравим прикладом є єпископ Феодосій (Олександр Григорович Макарєвський). Він народився на Чернігівщині в сім'ї дяка у 1823 році, закінчив Чернігівську семінарію і богословський факультет Київської Академії. Зі званням магістра він у 1849 році почав викладати у Смоленській семінарії загальну історію. З 1853 року стає ректором Вяземського повітового духовного училища. У 1859 році введений у сан священника у Троїцькому соборі Вязьми. Макарєвській був цензором провідей, членом Духовного Правління, губернського статистичного Комітету. Після передчасної смерті дружини, маючи малих сина та доньку, приймає у 1861 р. постриг монаха. За його участі друкується у 1855 році «Пам'ятна книжка Смоленської єпархії», що відзначена нагородою єпископа Смоленського Тимофія та міністра внутрішніх справ Росії. У 1862 році ієромонах Феодосій переведений до Петербургу настоятелем монастиря, отримав сан архімандрита і викладав у семінарії. У 1863 році переведений настоятелем Акатівського монастиря, ректором Воронезької семінарії, викладає богослів'я. 29 червня 1867 року стає єпископом. З 1871 року - єпископ Катеринославський та Таганрозький. Приязний, чуйний, привітний владика Феодосій став антиподом попереднього єпископа Олексія (Новоселові). Олексій не сприймав реформи Олександра Другого, був проти обрання благочинних священиками, не дозволяв з'їзди благочинних. Новий єпископ приймав будь кого, надавав всім підтримку, знав становище у родинах священиків. Цікаво, що у 1874 році було збудовано нові будинки Катеринославського, Бахмутського, Маріупольського духовних училищ.

Після виходу Статуту церковно-приходських шкіл, з 1884 року кількість цих шкіл збільшилася з 53 до 108, відкрито 37 шкіл грамоти. Грошова допомога надавалася не тільки ЦПШ, але й земським школам.

Спираючись на документи архівів Консисторії, Архієрейського Дому та Самарського Миколаївського монастиря, А.Г. Макарєвський свої рукописи без підписів друкував у «Неофіційному розділі» Катеринославських єпархіальних відомостей. Владика Феодосій видав книги про Самарський монастир, «Историчний огляд православної християнської церкви у межах Катеринославської губернії», «Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії» (2 випуски). Через його дослідження червоною ниткою проходять сторінки давньої історії, питання заселення містечок, козацтва, промислів.

У зв'язку з підготовкою до 100 річчя заснування Катеринославської єпархії єпископ Феодосій видав 2 статті у №№1-6 Катеринославських єпархіальних відомостей 1875 року. Дивним чином з ними перегукнулися статті А.В.Лисенкова про Бахмут у №№13-15 того ж року... А.Г. Макаревський друкував статті у 1876-81 роках. У примітках названо багато друкованих видань російських та польсько-литовських.

Праці єпископа Феодосія (Макарєвського) базувалися і доповнювали дослідження А.А. Скальковського, єпископа Гавриїла, Нікольського. Водночас на них спиралися Д.І. Яворницький, Д.І.Багалій. Понад 58 експонатів ікон, плащаниць XIV—XVII століть владика Феодосій передав до церковно-археологічного музею Київської духовної академії. Помер Феодосій від «апоплексії головного мозку» (інсульту) 5 лютого 1885 року, похований у храмі св. Катерини Катеринославського кафедрального собору.

Література

1. **Архиепископ Тверской и Кашинский Гавриил.** Отрывок повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников почерпнутых. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.3,1751-1786 г.г., с.116-129.
2. **Гавриил.** Хронологино-историческое описание церквей епархии Таврической и Херсонской. // Записки Одесского общества истории и древностей, т.7,1846.
3. **Лисенков А.А.** Историко-статистическое описание Бахмутского собора. // Екатеринославские епархиальные ведомости, №№15-16,1875. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Вьш.2. Екатеринослав,1880. Новороссийский календарь — Одесса,1846.
4. **Преосвященный Феодосій** єпископ Екатеринославский и Таганрогский, и его труды по истории Екатеринославщины.//Летопись Екатеринославской ученой архивной Комиссии. Вып 6. Екатеринослав, 1910.
5. **Сборник Гаврила**, архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического. т.1-2. //Записки Одесского Общества истории и древностей. т.I. Одесса.
6. **Татаринов С.Й., Тутова Н.О.** Православ'я Бахмутського краю - погляд крізь століття. Артемівськ, 2009,146 с.

Шалаєва Н.Г.

Святогірський Успенський монастир XIX ст. в літографіях Поль-Петі і картинах В.І. Зарубіна

Значне місце в іконографії Святих Гір XIX ст. посідають літографічні та хромолітографічні видання. Літографія (від грецьких «lithos» - камінь та «grapho» - пишу, малюю) була винайдена в 1798 р. в Богемії Алоізієм Зенефельдером. Після гравюри, яку винайшли в XV ст., це була перша нова техніка друку. В Росії літографічні заклади почали відкриватись з 1813 р., а в 1833 р. московський художник К.Л. Тромонін отримав перший літографський багатофарбний відбиток. Спосіб Тромоніна назвали хромолітографією (грец. «chroma»- колір). Сьогодні літографські техніки отримали загальну назву — «літографія». За 200 років мало що змінилось в техніці літографії, хіба що камінь замінили алюмінієвими та стальними пластинами [Википедия, 2009; Московский Государственный, 2009].

Визнаним літографом — видавцем свого часу був француз Поль-Петі, який перебрався до Росії в I пол. XIX ст. Відомо, що крім інших своїх робіт, він займався також випуском літографій з видами Святих Гір на Дінці [Духін, Кіркач, 2005, с.181]. В процесі пошуку інформації про маловідомі художні твори XIX - поч. XX ст., з зображенням Святогір'я, автору цієї роботи вдалось виявити в мережі «Інтернет» на сайті «Антикварные книги» інформацію про великоформатне видання літографій Поль-Петі - «Альбом видов Успенской Святогорской общежительной пустыни Харьковской губернии» (44 х30 см), літографований в 1850—1860 рр. в Санкт-Петербурзі [Поль Петі, 2009]. Збірка вміщує літографії з видами Святогірського монастиря II пол. XIX ст. На сайті розміщено титул альбому та 15 літографій, які додаються до цього повідомлення (іл. 1 - 16).

Відомо, що Поль-Петі, Пьєр Жан (Paul-Petit) приїхав до Санкт -Петербургу з Парижу наприкінці 30-х рр. XIX ст. і до 1846 р. керував літографією Ермітажної галереї. В той час ним було опубліковане чудове видання «Императорская Эрмитажная Галерея». В 50—60-х рр. XIX ст. Пьєр Жан вже мав власний літографічний заклад на Катеринінському каналі в Петербурзі. Видавцем - літографом було надруковано понад 200 літографованих портретів та живописних видів. Його літографія вважалась однією з кращих. Професійний інтерес печатника - літографа Поль-Петі до мальовничих краєвидів

не оминув і Святих Гір. На жаль не відомо - виконана робота була на чиєсь замовлення чи із власної ініціативи видавця.

В роботі краєзнавців із м. Слов'янська О. Духіна і Г. Кіркача «Святі Гори в творах художників XIX ст.» дається опис однієї з літографій Поль-Петі [Духін, Кіркач, 2005, с.181]. Це, судячи з усього, літографічний відбиток, вміщений в згадуваному альбомі під назвою «Вид скалы с восточной стороны» (іл.8). Крім цього добре відомі ще кілька робіт літографа, опублікованих в цьому ж виданні. Це вид під назвою «Пещерная церковь преподобных Антония и Феодосия Печерских» (іл.9), його кольоровий варіант можна зустріти в сучасних виданнях Святогірського історико – архітектурного заповідника (СІАЗ) [Дєдов,1995, с.64 – 65, кольорова вставка ілюстрацій] та Свято-Успенської Святогірської лаври [Святогорский патерик, 2008, с. 273]. А також – вид на Святогірську пустинь з тераси будинку графів Потьомкіних (іл.12) та вигляд будиночка Т.Б. Потьомкіної біля Преображенського храму Святогірського монастиря (іл.14).

Незважаючи на спрощену манеру малюнку, навіть з деяким порушенням пропорцій, роботи Поль - Петі вражають талановитим зображенням мальовничої природи Святогір'я, архітектурних споруд Святогірського монастиря на Дінці. Деякі з них ніби випромінюють світло, яке відбивається від скелі та монастирських мурів. Сьогодні вони є цінним документом по історії Святогірського монастиря XIX ст. В цьому плані привертає увагу літографія під назвою «Вид монастыря от пещерной церкви с восточной стороны» (іл.5). Це чи не єдиний відомий нам малюнок, де одночасно зафіксовані старий (поч. XVIII ст.) та новий (1868 р.) Успенські собори Святогірського монастиря. Відомо, що старий собор був розібраний за рік до освячення нового храму – в 1867 р. Тож перед нами літографія, створена ймовірно на основі малюнку 1866–1867 рр. Вгадується зображення старого соборного храму також на літографіях під назвою: «Вид монастыря с Донца с западной стороны» (іл.2) та «Общий вид Святогорского монастыря» (іл.7).

До вивчення творчої спадщини іконописців та художників, які працювали в Святих Горах в XVIII і XIX ст., долучились в наш час дослідники історії краю з м. Слов'янська О. Духін та Г. Кіркач. В їх роботах, опублікованих СДІАЗ в 1995 та 2005 рр., наведені творчі біографії та вказані твори з краєвидами Святогір'я таких художників XIX ст. як: Ф. Джунковський, Ю. Федерс, І. Рєпін,

С. Васильківський, М. Ткаченко, О. Кисельов, Ф. Данілов, В. Зарубін [Духин, 1995, с.81-84; Духін, Кіркач, 2005, с.177-181]. Автори також дають опис деяких із цих художніх робіт. Так зокрема серед робіт художника В.І. Зарубіна вони описують картину «Монахи в човні», створену в Святих Горах [Духін, Кіркач, 2005, с.178-179].

Харків'янин за походженням, Віктор Іванович Зарубін (1866—1928 рр.) почав займатися живописом лише після закінчення фізико — математичного факультету Харківського університету. Основи художньої майстерності були ним закладені в відомій харківській студії Є.Є. Шрейдера. З 1893 по 1896 рік художник жив в Парижі, де займався в академії Р. Жульєна та навіть виставляв свої картини в знаменитому Салоні. Наступні три роки (1896—1898) він вивчав тонкощі пейзажного живопису під керівництвом А.І. Куінджі, будучи студентом Академії мистецтв в Петербурзі. В 1898 р. за роботи «Вечерний аккорд» та «Дом Божий» Віктор Іванович отримав звання художника. Подальше його життя та творчість були пов'язані з Петербургом — Петроградом — Ленінградом. Зарубін приймав активну участь в різних об'єднаннях художників свого часу — був членом «Общества русских аквалеристов», «Товарищества передвижных художественных выставок», «Общества им. А.И. Куинджи». В 1906 р. він змінив М. К. Реріха на посаді секретаря «Императорского Общества поощрения художеств». В 1909 р. Віктор Іванович Зарубін отримав звання академіка. На виставках з'являлись його роботи, написані маслом та аквареллю: «Вечер», «Вечерний пейзаж», «В Нормандии», «В Западной роще», «Рыбаки», «Пейзаж с мельницей», «Жены рыбаков (Тревога)», «На лугу», «Праздник на селе», «Осень», «Серый день» та інші. В роки радянської влади Зарубін продовжує займатися живописом, влаштовує виставки ленінградських художників, ілюструє книги.

Відомості ще про один живописний спадок Віктора Івановича Зарубіна, написаний на кручах Святогір'я, вдалось виявити автору цієї замітки на сайті «Art-каталог. Энциклопедия живописи и графики» [Art-каталог, 2009]. Це робота під назвою «Часовня Святогорского монастыря» (полотно, масло. 53.5 х 66 см), яка була написана в кін. XIX чи на поч. XX ст. (іл.17). Картина зберігається в Херсонському обласному художньому музеї ім. О.О. Шовкуненко.

На цьому полотні Зарубін не змальовує всього архітектурного ансамблю монастиря чи крейдяного бескиду на високому правому березі Дінця, як це ми бачимо в роботах більшості живописців,

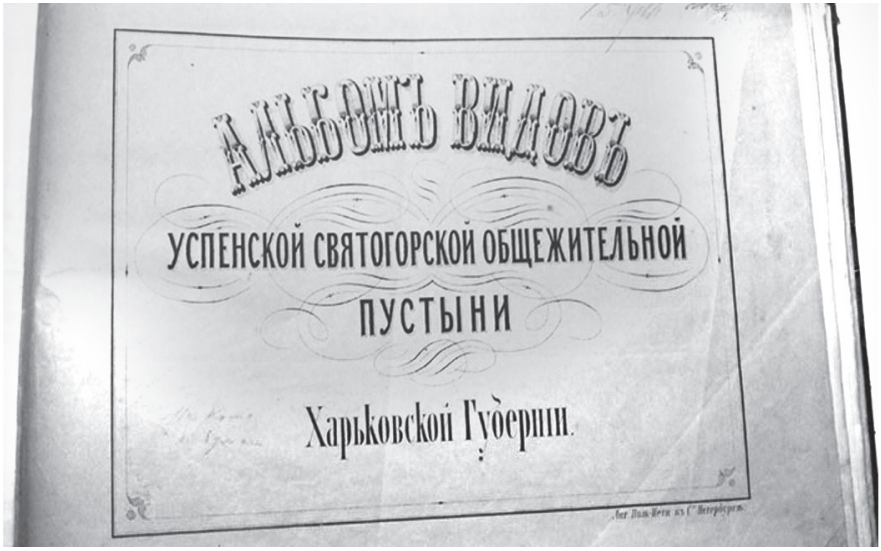
малювавших Святі Гори. Твір писався майже з вищої точки Святогірського пагорба, набувшого в XIX ст. назви — «гора Фавор». Художник ніби на мить зупинився на крейдяній стежці, що веде до стародавнього храму монастиря — Миколаївської церкви. Назустріч йому йде білобородий старенький чернець. Автор простирає свій погляд понад крейдяними соснами та маківками церкви в далечінь лівого берега Дінця. Там недалеко від берега, за деревами, вгадується старе русло річки — озеро Банне. За банями храму, праворуч, чітко змальована гора (на вершині цієї гори відомий український митець І.П. Кавалерідзе збудував в 1927 р. пам'ятник Артему (Ф. А. Сєргєєву). Самі бані Миколаївської церкви - центральну та західну (остання ближче до глядача) Зарубін малює спрощено, не передаючи їх справжнього архітектурного вигляду, але незважаючи на це картина наповнена своєрідним колоритом, притаманним тільки Святим Горам. Цікаво, що сюжет «Часовни Святогорского монастыря» В.І. Зарубіна, майже повторює в кольорі один із літографічних видів з вище описаного альбому Поль Петі (іл.16).

Таким чином, маловідоме загалу літографічне видання Поль — Петі II пол. XIX ст. «Альбом видов Успенской Святогорской общежительной пустыни Харьковской губернии» і забуте полотно В.І. Зарубіна «Часовня Святогорского монастыря» ще раз доводять невичерпність теми художньої палітри Святих Гір та наявність широкого кола джерел для дослідження історії архітектури Святогірської культурної спадщини.

Література

1. **ART каталог.** — Энциклопедия живописи и графики. — Художники и их произведения, творческий и жизненный путь, серии и любимые темы. - http://www.art-catalog.ru/artist.php?id_artist=437.
2. **Бондаренко А.А., Мельников В.Л.** Рериховский музей в Санкт-Петербурге: истоки и перспективы. // Из Выступления на Межмузейной конференции в Международный день памятников и исторических мест. Санкт-Петербург, Стрельна. Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Администрации Президента Российской Федерации, Константиновский дворец. 18 апреля 2005 г. - http://www.roerich-museum.org/MUSEUM/Libr/Rus/Articles/abvm6.htm

3. **Википедия** — свободная энциклопедия. - Литография. — http://ru.wikipedia.org/wiki/
4. **Дедов В.Н.** Святые Горы. От забвения к возрождению. — К.: Полиграфкнига, 1995. — 352с.
5. **Духин А.И.** Святогорье глазами художников. // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры: Науч.-практич. Семинар к 15-летию Славяногорского ист. — архит. заповедника. — Славяногорск: СГИАЗ, 1995.С. 80 — 85.
6. **Духін О.І., Кіркач Г.М.** Святі Гори в творах художників XIX ст. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні: Матеріали Всеукраїнської науково —практичної конференції. — Слов'янськ: «Печатный двор», 2005. С. 176 — 182.
7. Московский Государственный Академический художественный институт имени В.И. Сурикова. Факультет графики. — Литография. — http://www.pencil.nm.ru/lithos/index.htm
8. **Поль-Пети.** Альбом видов Успенской Святогорской общежительной пустыни Харьковской губернии. — Петербург, 1850 — 1860. — Антикварные книги. — http://www.antikguebooks.ru/order/ php?book=8907
9. **Святогорский патерик.**— Т. I. - Жизнеописания подвижников Святогорской пустыни XVII - XIX веков. — Издание Свято-Успенской Святогорской Лавры, 2008.



Ил.1. Поль-Петі. «Альбом видов Успенской Свтогорской общежительной пустыни Харьковской губернии. Петербург. 1850-1860 гг.»

Ил.2. Вид монастыря с Донца с западной стороны

Ил.3. Часть монастыря и дом Г.Г. Потемкина
с северо-западной стороны.

Ил.4. Вид скалы с северной стороны из-за Донца

Ил.5. Вид монастыря от пещерной церкви с восточной стороны

Ил.6. Братские трапезные и келии в ските

Ил.7. Общий вид Святогорского монастыря

Ил.8. Вид скалы в восточной стороны

Ил.9. Пещерная церковь преподобных
Антония и Феодосия Печерских

Ил.10. Церковь преподобного Арсения в скиту

Ил.11.

Ил.12.

Ил.13.

Ил.14.

Ил.15.

Ил.16.

Ил.17. В.І. Зарубін «Часовня Святогорского монастыря»
Кін. XIX - поч. XX ст.

Шарабан С.С.,
Поляцкова Н.В.

Досвід збереження та реставрації живопису в Святогірському історико-архітектурному заповіднику

Святогірський державний історико-архітектурний заповідник був заснований урядом України майже 30 років тому. До його складу ввійшли пам'ятки історії і архітектури XVII—XIXст. Святогірського монастиря. На час створення заповідника монастирські будівлі використовувались профспілковим санаторієм ім. Артема, відкритим в 1922 році. Внаслідок цього частина будівель XIX ст. була реконструйована. Тоді ж було знищено майже весь живопис в храмах, демонтовані іконостаси, в тому числі в підземних храмах XVII-XIX пр. Антонія та Феодосія і св.Олексія Людини Божої, повністю знищений і живопис іконостасів. [Лівшиц, 1996].

Печерні храми пр. Антонія і Феодосія та св. Олексія Людини Божої.
Фото 1983 р.

З самого початку існування заповідника за довгостроковою науковою програмою розпочата робота по дослідженню пам'яток, в тому числі і печерних споруд. [Дедов,2004,с.17]. Перш за все проводились історико-бібліографічні пошуки, натурні та археологічні наукові дослідження. Завдяки цій роботі зібраний матеріал, що давав уявлення про внутрішнє убранство храмів Святогірського монастиря, в тому числі і печерних. Так під час археологічних досліджень

знайдені фрагменти литва чавунного іконостасу підземної церкви XIXст. св. Олексія Людини Божої. Результати досліджень дозволили розробити проект відновлення іконостасів вказаних печерних храмів (архітектор Дашевський А.Б., м. Святогірськ). Для відтворення іконопису оголошений конкурс, в якому взяли участь художники Донецької та Луганської областей. За висновками наукової ради Донецького художнього музею та Святогірського заповідника, найкращий проект відтворення іконопису печерних храмів Святогірського монастиря запропонували засл. худ. України Г.Жуков та В.Теличко. [Жуков,Теличко, 1993].

Ескізний проект відновлення іконостасу Олексіївської церкви

Протягом 1993-1994рр. були написані 15 ікон для печерного Олексіївського храму в крейдяній скелі та 13 ікон для підземної церкви пр. Антонія і Феодосія. 20 січня

1995 р. іконопис прийнятий комісією дирекції заповідника за участю представників Святогірського монастиря. З завершенням цієї роботи була відновлена сакральна функція печерних храмів і поступово почало відновлюватись богослужіння в цих храмах.

Відновлений іконостас печерної церкви св. Олексія Людини Божої.

Але не дивлячись на передбачливість художників, які при створенні ікон захистили живопис восковим покриттям, це не змогло врятувати його від нищівної вологості печер, конденсату та від сезонних коливань температур. Науковцями заповідника на початку червня 1995р. виявлені фрагменти пліснявого пошкодження живопису на іконостасі в печерній церкві св. Олексія Людини Божої, що загрожувало втратою живопису. Такі ж пошкодження тільки в меншій мірі виявились і в підземній церкві пр. Антонія та Феодосія. В умовах крейдяних печер, де вологість повітря висока на протязі всього року, розвиваються нижчі рослини — мохи, лишайники, водорості (Aspergillus niger, Diplodia sp., Mucor mudeo, Curvularia lunata, Rhizopus nigricans, Coniophora puteana). Продукти життєдіяльності колоній в непровітрюваємому приміщенні не тільки руйнують витвори мистецтва, але й погіршують екологію середовища. Їх спори швидко розповсюджуються повітрям, ушкоджуючи в першу чергу ті місця, де збирається водний конденсат.

Дирекція заповідника звернулась по допомогу до фахівців Державної науково-технологічної лабораторії консервації і реставрації

пам'яток (НТЛ «Конрест»). В липні 1995р. до заповідника виїхала група спеціалістів під керівництвом С.В.Скляр, які провели обстеження, взяли проби з місць ушкодження для проведення лабораторних досліджень. Протягом року були проведені експериментальні роботи по усуненню тих умов, які сприяли розвитку мікроорганізмів в середовищі підвищеної вологості при температурі +10 - +14°С.

Під час мікрохімічного аналізу було встановлено, що живопис був виконаний полівінілацетатною темперою. Основою для живопису є синтетичне полотно, наклеєне в свою чергу на мідний лист за допомогою полівінілацетатної емульсії. При цьому виявлено, що не дивлячись на час, що пройшов з моменту виконання живопису, зв'язуюча речовина повністю не заполімерізувалась. Таким чином на основі зроблених мікрохімічних та мікробіологічних досліджень зроблені висновки:

- температурно-вологісний режим в приміщенні церкви, наявність в навколишній середі хімреагента пагубно впливає на збереження живопису, приводить до розвитку мікроорганізмів та сприяє подальшому руйнуванню живо-писного слою;

- використання в якості зв'язуючої речовини полімерних матеріалів не завжди доцільно для експлуатації в умовах печер. Технологія виконання грунту та живописних слоїв потребує подальшої розробки. [Пам'ятники..., 1995, спр.29].

Крім того при обстеженні було відмічено негативний вплив на збереження живопису бальнеологічного курорту. Певна кількість сіркового водню виявлена в приміщеннях церкви; зроблені висновки про негативний вплив на стан збереження оздоблення храму.

Після закінчення своєї роботи науковці НТЛ «Конрест» надали рекомендації щодо ліквідації пошкоджень та запобігання їх появи в майбутньому, а саме:

- провести заходи, що сприятимуть нормалізації температу-рно-вологісного режиму в інтер'єрі церкви (улаштування примусової вентиляції);

- провести бронзировку з частковим покриттям іконостасу плівкою «ювілейна»

(під позолоту);

- зачистити ушкоджені корозією місця литих частин іконо-стасу, обробити ці місця 2% спиртовим розчином бензо-триазолу;

- місця пошкодження живопису і повністю всю поверхню іконо-

стасу обробити препаратами фунгицида;

- технологія виконання слоїв фарби і грунту з використанням полімерних матеріалів в якості зв'язуючого на цих об'єктах потребує подальшого дослідження і удосконалення;

- при додержанні всіх технологічних правил при виконанні живописних робіт в умовах експлуатації в режимі підвищеної вологи рекомендується проводити захисне гідрофобизаційне покриття розчинами кремнійорганічних смол.

Після обстеження іконостасів науковцями і відповідних рекомендацій по захисту живопису були залучені автори іконопису. Художниками Г. Жуковим та В.Теличко протягом 1995 року проведено роботи по збереженню іконопису в підземних храмах. Всі ікони з іконостасу св. Олексія Людини Божої були демонтовані для реставрації. На першому етапі були видалені пил і забруднення зі всієї поверхні ікон за допомогою водного розчину кокосової олії (змивка ЗМК). Потім були зачищені всі конструкції іконостасу. Операція проводилась ватно-марлевими тампонами і м'якими кистями. Ікони з цього іконостасу оброблені розчином біоцида після звільнення поверхні від живописного шару ушкодженого грибками. Найбільш ушкоджені ікони верхнього ярусу були додатково оброблені парами формаліну. В місцях втрати живопису вона була виконана вдруге. [Жуков, Теличко, 1995, спр.31].

Художники Г.Жуков і І.Теличко
працюють над відновленням іконостасу

В вересні 1995року після висихання шару фарби всі ікони заново вкриті захисним шаром дамерним лаком з додаванням біоцида,після чого вмонтовані в іконостас Олексіївської церкви.

Ікони з іконостасу церкви пр. Антонія та Феодосія не демонтувались в зв'язку з відносно задовільним станом живописного шару. Разом з тим, профілактичні обробки не завадили. Всі роботи проводили поетапно, використовуючи водні та органічні розчини, щоб не порушувати матеріали і не міняти кольору пігментів фарб розпису. Після кожної операції надавався певний час на повне випаровування розчинника з розчинів.

Після завершення всіх реставраційно-захисних робіт були розроблені рекомендації щодо подальших правил збереження живопису в підземних храмах; а саме:

- в зв'язку з край не благонадійним мікрокліматом в печерних приміщеннях необхідно забезпечити примусову вентиляцію вівтарної частини Олексіївської церкви.

- систематично проводити нагляд за станом захисного покриття ікон. Один раз в квартал проводити обстеження і кожний рік проводити профілактичну обробку.

Одночасно з реставрацією і захистом іконостасу були проведені також роботи і по самому іконостасу в підземній церкві св. Олексія Людини Божої: зачищена поверхня чавунних елементів ушкоджених корозією, оброблені перетворювачем іржі, через 10 днів оброблені 2% спиртовим розчином бензотриазолу. Потім в місцях втрати фарби поновлено покриття олійними фарбами «під малахіт». Проведено часткове покриття орнаментальних елементів іконостасу плівкою «ювілейна» імітуючи позолоту. Інші частини іконостасу вдруге вкриті бронзовим пігментом. Крім цього вся поверхня литва вкрита олійно-смоляним лаком.

В жовтні 1995року головним спеціалістом НТЛ «Конрест» Н.В. Поляцковою була зроблена обробка іконостасу Олексіївської церк-ви спиртовим розчином поліметилпілоксана (ПМС-500).Вказана обробка проведена з метою дослідження дії гідрофобізуючої рідини на можливість водо-пиловідталкування і захисту від ураження грибками ікон в умовах печерної церкви. [Поляцькова,2005,спр.30].

В результаті застосованої технології шар гідрофобізуючої рідини не пошкоджує авторський верхній шар (тонкий восковий шар з добавкою біоцида), а надає малюнку яскравість, блиск.

В подальшому науковці заповідника неодноразово проводили

контрольні огляди живопису та її профілактичну обробку поліметилпілоксаном. Ушкоджень живопису та плісняви грибка більше не виявлялось.

В 2000 році печерні споруди передані в постійне користування Святогірському монастирю. В храмах періодично проводяться богослужіння.

З 2004р. припинив діяльність кардіологічний санаторій з водолікарнею, розташованою під крейдяною скелею з печерами. Внаслідок цього присутність агресивного сіркового водню більше не фіксувалась навколо іконостасів.

Проведення профілактичних робіт живопису також покладається на ченців, відповідно рекомендацій НТЛ «Конрест». Співробітники заповідника проводять періодично лише огляд стану іконопису в підземних храмах св. Олексія Людини Божої та пр. Антонія та Феодосія. За весь цей довгостроковий період ушкодження живопису не виявлено.

Досвід, набутий разом з науковцями НТЛ «Конрест» по збереженню живопису в негативних умовах печерних споруд має практичне значення не лише для Святогірського заповідника, але є корисним для інших музейних закладів і заповідників, в складі яких є предмети музейного значення, що використовуються або зберігаються в агресивному середовищі печерних споруд.

Крім збереження і відновлення іконопису в печерних спорудах Святогірського монастиря, науково-фондовим відділом заповідника набутий певний досвід реставрації ікон, що потрапили до фондів під час комплектації музейної колекції в 80—90 рр.ХХст. В фондах заповідника зберігається невелика колекція іконопису XIX ст. Майже всі ікони мали значні пошкодження: іконні дошки ураджені пліснявим грибом, розтріскані, деякі мали втрати фарбового шару і грунту з осипанням та інше.

Починаючи з 1984р. заповідником запроваджені заходи по консервації та реставрації фонду іконопису. В 1983- 1985 роках Київською міжобласною майстернею реставрації живопису Українського науково-виробничого реставраційного об'єднання були відреставровані найбільш пошкоджені дві ікони невідомих авторів «Св. Миколай» XIX ст. (КП-115 ЖИ-10); (КП-116 ЖИ-11) та ікона «Неопалима купина» XIX ст. теж невідомого автора (КП-10 ЖИ-8).

В 2008 році історико-архітектурний заповідник почав співпрацювати з Харківською філією Українського науково-реставраційного

центру з питань реставрації музейних предметів з фондів заповідника. Реставраторами філії проведено наукове обстеження декількох інвентарних фондових груп, в тому числі і групу живопису та ікон, внаслідок чого був складений акт обстеження цієї групи предметів і зроблені певні висновки щодо подальшої роботи по консервації та реставрації ікон. В 2008 році харківськими реставраторами були прийняті на реставрацію три ікони з цієї групи: Казанська ікона Божої Матері XIXст., автор невідомий (КП-4 ЖИ-4), ікона Микола Чудотворець зі Святими XIX ст. автор невідомий (КП-6 ЖИ-6), ікона Апостоли Петро і Павло к. XIX-поч. XXст. автор невідомий (КП-117 ЖИ- 12). Остання ікона вже повернулась з реставрації, дві інші ще знаходяться в роботі .

Ікона «Апостоли Петро і Павло» до і після реставрації.2009р.

В 2009 році Українським науково-реставраційним центром (м. Київ) була проведена Міжнародна науково - практична конференція з питань реставрації та збереження музейних предметів, де одним з питань, що розглядались було питання збереження та реставрація живопису. Своїми напрацюваннями в цій галуззі поділились науковці-реставратори з України, Росії, Білорусі, Грузії,

країн Балтії та інш. На цю конференцію була представлена доповідь про досвід збереження іконопису в підземних храмах Свято Успенської Святогірської лаври, що входять до складу Святогірського державного історико-архітектурного заповідника.[Шарабан, Поляцкова, 2009].

На наступний 2010 рік программа науково – реставраційних робіт предметів музейної колекції Святогірського заповідника має бути продовжена, в тому числі по реставрації живопису та іконопису.

Література:

1. **Дедов В.Н.** Святые горы. От забвения к возрождению. - Славянск: Печатный двор, 2004. - 220 с.
2. **Жуков Г., Теличко В.** Проект відтворення іконостасу печерного храму св. Олексія людини Божої в крейдяній скелі. — Донецьк,1993.// Науковий архів Свято гірського державного історико-архітектурного заповідника (НА СДІАЗ),ф.1,оп.6,спр.25;27.
3. **Жуков Г., Теличко В.** Ескізний проект іконостасу підземної церкви пр.Антонія і Феодосія. — Донецьк, 1993 - НА СДІАЗ, ф. І ,оп. 2, спр.7.
4. **Жуков Г., Теличко В.** Акт обстеження живопису. 10 жовтня 1995р. Слов'яногірськ- НА СДІАЗ, ф. І, оп. 6, спр. 31.
5. **Лівшиц Ю.А.** Печерний комплекс Святогірського монастиря. Історія та динаміка зникнення. // З історії українсько реставрації. - Київ: «Українознавство», 1996, с.82-88.
6. **Пам'ятники архітектури.** Церква Антонія і Феодосія, Олексіївська церква. Заключення по технологічном обстеженню 1995. Слов'яногірськ - НА СДІАЗ, ф. І, оп.6, спр. 29.
7. **Поляцкова Н В.** Акт обстеження живопису.10 жовтня 1995р. НТЛ «Конрест».
8. **НА СДІАЗ** ф. І, оп. 6, спр. 30.
9. **Шарабан С.С., Поляцкова Н.В.** Досвід збереження живопису в печерних храмах Свято гірської Лаври.// Зберігання історико-культурної спадщини.Наука та практика. Доповіді VII Міжнародної науково практичної конференції. 22-24.09. 2009р. — Київ, 2009, с.328-334.

Розділ ІІІ

До 75-річчя Святогірського краєзнавчого музею.

Колесник А.В.

Н.В. Сибилев и С.Н. Одинцова: грани одной судьбы

Николай Викентьевич Сибилев и Софья Николаевна Одинцова — яркие культовые фигуры в истории музейного дела Донетчины и археологии, в частности. Оценка их личности и деятельности фактически началась при жизни (Сибилев: 1873 — 1943; Одинцова: 1876-1960), а несколько позже переросла в самостоятельный сюжет археологической историографии и истории археологии Украины. Это объясняется несколькими фундаментальными обстоятельствами.

Прежде всего, при изучении памятников археологии бассейна Северского Донца Николай Викентьевич и Софья Николаевна проявляли удивительную увлеченность археологией и подвижничество, граничащее с настоящим фанатизмом. Практическая организационная и исследовательская деятельность Н.В. Сибилева на поприще музейного строительства в Изюме и Славяногорске укладывается в тройной семилетний цикл — в 21 год — с 1920 по 1941 гг. Напом-ним, что в 1920 г. ему было почти 50 лет, и все прежние должности он оставил по причине слабого зрения. Поэтическое отношение Н.В. Сибилева к археологии Изюмщины было настолько сильным, что прорывалось даже в центральные советские академические издания 30-х гг. В частности, в одной из статей он писал, что «...названия озер ... для уха археолога-разведчика... звучит как райская музыка. ... Идучи краем песков, далеко впереди вдруг увидишь водную гладь, а над нею отливающую песчаным золотом высокую дюну» [Сибилев. 1935, с. 111]. И далее — «...разведки увлекательны, но они и тяжелы, очень тяжелы. Нужно уметь много ходить — километров по 40-50 в день... Перед дальними путешествиями нужна тренировка. ...Перед ранней весной ...начинаешь с прогулок по шоссе, сначала 10-километровых, потом 15-, 20- и 30-километровых» [Сибилев, 1935, с 110-111]. Отдельный эпизод — без преувеличения героическая эвакуация коллекций разгромленных музеев в годы фашистской оккупации края. Такая же преданность археологии края видна и в поступках Софьи Николаевны. Из дневниковых записей 1944-1945 гг. (в это время С.Н. Одинцовой было под 70 лет) следует, что ей приходилось неделями без выходных обследовать памятники, проходя пешком по 30-40 км в день. Их совместная деятельность на поприще музейного строительства — подлинный культурологический

взрыв, волны которого еще в то время вышли далеко на пределы Изюмского региона и до сих пор ясно видны в региональном музееведении и археологической науке. Естественно, такое отношение к жизни и к работе не может оставить равнодушными всех современных критиков археологии и историков музейного дела.

Все это вместе объясняет широкую популярность историко-биографических исследований жизни и деятельности Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой, которые базируются на широкой документальной основе. В архивах Украины и России сохранился четкий документальный след их деятельности в виде многочисленных писем, заявок, отчетов, справок, автобиографий, научных учетных карточек, фотографий и других первичных материалов разного типа. Сохранились также дневниковые записи, воспоминания современников. В значительной степени это связано с хорошо налаженной системой административного регулирования и, соответственно, информационных потоков и отчетности в условиях довоенного советского государства. Основная коллекция документов, отражающих ведомственную деятельность Н.В. Сибилева, находится в научном архиве Института археологии НАНУ. В основном это фонд №5 ВУАКа. Некоторые материалы хранятся в Харьковском историческом музее («дело Н.В. Сибилева» с рукописями нескольких статей и лекций), Государственном историческом музее в Москве (письма к В.А. Городцову), Изюмском краеведческом музее и в фондах Святогорского историко-архитектурного заповедника (воспоминания и документы С.Н. Одинцовой, копии докладных записок, оригиналы печатных работ, фото и др.).

Прологом активного интереса археологов к личности Н.В. Сибилева на современном этапе стала юбилейная конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения Н.В. Сибилева, организованная преподавателем Донецкого государственного университета, археологом Д.С. Цвейбель, которая посвятила себя истории изучения каменного века Донбасса [Цвейбель, 1970, 1973, 1978, 1990 и др.]. Конференция прошла в 1973 г стенах Донецкого университета с участием ряда специалистов по каменному веку Восточной Европы. В последующем последовала целая серия работ о жизни и деятельности Н.В. Сибилева. Характерно, что практически все специальные исследования в этом вопросе выполнены в формате биографических очерков. Это публикации Д.С. Цвейбель [Цвейбель, 1973, 1987], Ж.А. Кононенко и Е.В. Косиковой [Кононенко,

Косикова, 1993], В.А. Косикова [Косиков, 2001, с.26-31], Н.С. Анопченко [Анопченко, 1997], И.А. Снежко [Сніжко, 2008, 2009], В.Н. Дедова и В.В. Давыденко [Дедов. Давыденко, 2008], К. Милкина [Мілкін, 2000] и др. Многочисленные ссылки на результаты плодотворной деятельности Н.В. Сибилева стали своеобразным правилом хорошего тона в исследованиях по археологии среднего течения Северского Донца [см.: Телегін, 1982; Колесник, 2003; Колесник, Коваль, Давыденко, 2006, 2008; Колесник, Давыденко, 2008; и др.]. Эти работы позволили весьма детально реконструировать по публикациям и архивным документам основные вехи биографии и научной карьеры Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой на фоне реалий того времени, дать весьма высокую оценку их научному наследию.

Общая хронография жизненного пути Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой достаточно хорошо изучена. Некоторые посвященные Н.В. Сибилеву биографические очерки традиционно заканчиваются цитатой из некролога 1943 г., подписанного Л.М. Славиным. Во время вынужденной эвакуации большинства украинских академических институтов в Уфу в 1941-1943 гг. Л.М. Славин в очень непростой ситуации руководил небольшим штатом археологов и обеспечивал размещение и сохранность прибывающих коллекций академической принадлежности. В силу этих обстоятельств Н.В. Сибилев и С.Н. Одинцова оказались на его попечении. Некролог в институтской стенгазете заканчивается словами: «Его имя принадлежит целиком украинской советской науке. Деятельность Сибилева — одна их блестящих страниц украинской археологии и краеведения» [Цвейбель, 1973, с.134].

После освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков С.Н. Одинцова вернулась в Украину, но уже в качестве штатного сотрудника Института археологии. В штат Института она была зачислена еще в Уфе, по прибытию с академическими коллекциями из Изюмского и Святогорского музеев.(18. 08. 1943г.).

Мало кто из биографов Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой обращают внимание на то, что они были весьма успешными работниками, востребованными государственной системой того времени. Сам Сибилев был из простой семьи, имел неполное среднее (по современным меркам) образование, до революции работал простым служащим, активно занимался историко-патриотической работой, не был замечен в оппозиционных взглядах. Такие анкетные данные

полностью устраивали советскую власть, и он был типичным советским служащим нового образца — искренним энтузиастом в работе и управляемым конформистом в политико-идеологической сфере. Все статьи Сибилева в период 20-х гг. написаны на русском языке; после волны украинизации в 30-е гг. — на украинском, в последующем — на русском или украинском, в зависимости от места издания.

С.Н. Одинцова имела несколько иные анкетные данные. Она была дочерью городского судьи и до революции получила гимназическое образование. Однако это не помешало ее карьерному росту. В своей автобиографии, датированной декабрём 1943 г., текст которой сохранился в фондах Святогорского заповедника, С.Н.Одинцова указывала, что в годы Гражданской войны она вела активную патриотическую работу среди комсомольцев, а с образованием Изюмского музея полностью посвятила себя музейному строительству. В 20-е гг., явно при поддержке местных органов власти, Н.В. Сибилев обращается к рабочим Изюмского железнодорожного депо с просьбой о материальной помощи музею, и получает весьма значительные по тем временам денежные средства. Для подавляющего большинства местных жителей он был своим, народным директором музея. Среди почтовых респондентов Н.В. Сибилева значатся Г. Чайлд, известный своими марксистскими взглядами, Э. Миннз и Л. Савицкий с нейтральной по отношению к Советам позицией. 30-е гг., на фоне глобальной шпиономании и массовых репрессий, затронувших, в том числе и представителей музейной элиты страны, чета пережила относительно спокойно. Более того, их карьера продолжала успешно развиваться — открыт Артемогорский (Святогорский) музей при I Всеукраинском доме отдыха им.Артёма (1934), подготовлены и опубликованы в центральных советских изданиях основные итоговые или аналитические статьи [Сибилев, 1935-а, 1935-б, 1936, 1940-а, 1940-б; Одинцова, 1930]. Н.В. Сибилева активно приглашают на научные форумы в Москву и Киев. Массовый политический психоз 20-30-х гг. коснулся Н.В. Сибилева лишь частично — его пытались обвинить в поддержке религии при попытках спасти уникальный иконостас собора в г. Изюме, а также в «разбазаривании» коллекций при попытке произвести обмен экспонатами в рамках музейного фонда страны.

В целом, Н.В. Сибилев и С.Н. Одинцова были типичным про-

дуктом своей эпохи, поэтому оценка их деятельности будет меняться по мере того, как будет меняться наше отношение к их времени.

Тем не менее, спустя много десятков лет после кончины Сибилева и Одинцовой, отчетливо виден непреходящий вклад Николая Викентьевича и Софьи Николаевны в развитии музейного дела, общей и региональной археологии. Остановимся на этом подробнее.

Н.В. Сибилев и С.Н. Одинцова оставили после себя весьма серьезное научное наследство. Это касается как созданных (и возглавляемых) ими научно-административных структур, так и открытия (введения в научный оборот) колоссального корпуса памятников и собранных на них коллекций. Рисунок двухэтажного особнякамузея стал своеобразным «логотипом» классических изданий Сибилева 20-30-х гг. [Сибилев, 1926, 1927; Сібільов, 1928, 1930]. Реанимация современного исторического музея при Святогорском историко-архитектурном заповеднике в 80-е гг. XX в. началась со сбора рассеянных коллекций Сибилева и Одинцовой [Дедов, 1982; Дедов, Давыденко, 2008].

Н.В. Сибилев и С.Н. Одинцова собрали огромное по современным меркам количество музейных экспонатов, значительная часть которых, к сожалению, пропала в годы военного лихолетья. Среди этих экспонатов были картины Левицкого, Боровиковского, Васильковского, книги из собрания Царскосельского лицея, почти все русские журналы начала XIX в. и многие другие раритетные памятники истории и культуры, которые сейчас во многих странах расцениваются как национальное достояние. Точное количество археологических экспонатов т.н. «основного фонда» в силу ряда причин не поддается учету, однако оно явно исчисляется десятками тысяч единиц. В докладной записке 1942 г. по поводу разгрома Изюмского музей на имя президента Академии наук УССР Н.В. Сибилев сообщает о 5 тысячах палеонтологических и геологических экспонатов, 10 тысячах этнографических и по «соцстроительству», и о 300 тысячах археологических образцов. (Цвейбель,2005,с.249) Эти цифры вполне могут соответствовать реальному объему фондов довоенного Изюмского музея. Современное музейное дело Славянщины и Изюмщины фактически не выходит за пределы организационного формата, заданного в свое время Сибилевым и Одинцовой, не говоря уже о значимости самих фондовых собраний. Разумеется, собрать в начале 20-х гг. такое количество уникальных

экспонатов Н.В. Сибилев смог в значительной степени потому, что вокруг находилось большое количество разоренных дворянских имений, разграбленных или конфискованных частных коллекций; часть материалов поступила из собрания земства, архива городского самоуправления.

Вторая составляющая творческого наследия этой удивительной четы касается их вклада в развитие археологической науки. В ходе активных целенаправленных разведок Н.В. Сибилев открыл и исследовал в бассейне Северского Донца около 300 разновременных дюнных стоянок и около 70 селищ, городищ и могильников, раскопал совместно с профессором А.С. Федоровским несколько курганных могильников, вел успешные поисковые работы в других регионах Советского Союза.

Необходимо отметить, что Николай Викентьевич, конечно, не был профессиональным археологом. Такой оценке препятствует как отсутствие необходимого образования и теоретической базы, так и практического опыта работ до начала активных полевых разведок в 1920 г. В «изюмский» и «святогорский» периоды деятельности (1919-1943) его научный статус скорее можно определить как «профессиональный краевед». Н.В. Сибилев постоянно пытался расширить свой кругозор, вел активную переписку с ведущими археологами страны и за ее пределами, заказывал книги, приглашал для сотрудничества и консультаций П.П. Ефименко, А.С. Федоровского, Е.Ф. Лагодовскую и других крупных специалистов. Все это позволило ему таким образом выстроить свою поисковую археологическую деятельность, что она во многих вопросах оказалась наиболее передовой для своего времени.

Н.В. Сибилев продемонстрировал строгую системность и последовательность в своих археологических изысканиях. В течение многих лет он проводил разведки, сбор подъемного материала и его обработку по одной и той же методике. В истории украинской советской археологии Н.В. Сибилев известен, прежде всего, как очень успешный разведчик памятников археологии. Выявление и паспортизацию древнейших недвижимых памятников истории культуры он считал одной из первостепенных задач полевой археологии. Целенаправленное картографирование памятников европейской части Российской империи началось, конечно же, задолго до опытов Сибилева. Эта задача ставилась еще в XIX веке при организации Археологических съездов. Парадоксально, но эта про-

блема окончательно не решена до сих пор. За годы активных поисков Н.В. Сибилев обнаружил разнотипные памятники археологии — палеолитические стоянки, разнообразные мастерские по обработке кремня, многочисленные дюнные стоянки и поселения, могильники, городища, клады кремневых орудий, каменные изваяния, единичные случайные находки. Многие из этих памятников были подвергнуты систематическим раскопкам и дали колоссальный научный результат.

Разведки такого беспрецедентного масштаба и результативности в истории советской археологии 20-60-х гг. можно перечесть по пальцам. Приблизительно такое же количество памятников было открыто в ходе подготовительных работ в районе Днепровского гидроузла (ДнепроГЭС) в 1927-1932 гг. [Ковалева, 1980], а также, например, при поисках татарскими археологами булгарских древностей в Нижнем Поволжье в 60-е гг. [Фахрутдинов, 1974], или в ходе разведок С.П. Толстова в Средней Азии в 50-е гг. [Толстов, Андрианов, Игонин, 1962]. Однако, во всех этих случаях были задействованы весьма значительные научные коллективы, финансовые и организационные ресурсы крупных академических центров, разнообразные транспортные средства, включая авиацию. Данные поисковые работы носили характер масштабных государственных программ, в отличие от индивидуальных разведок Н.В. Сибилева.

Прямым следствием столь массированных разведок памятников археологии в среднем течении Северского Донца явилось установление общей закономерности размещения памятников, как в картографическом, так и в топографическом плане. В первую очередь это касается расположения стоянок на левобережье Северского Донца. Николаю Викентьевичу удалось опытным путем нащупать «алгоритм» или «код расположения» дюнных стоянок и поселений. Наиболее интенсивно заселялся край левобережной песчаной боровой террасы высотой 8-10 м над современной поймой реки. В статье, специально посвященной археологическим разведкам, Н.В. Сибилев писал, что «...микромакролитические стоянки ...занимают ...пространство ...вглубь песков не дальше, чем на 200 м» [Сибилев, 1935, с.111]. Такая избирательность мест поселений, скорее всего, объясняется возможностью контролировать потенциал двух соседних экологических систем — в пределах экономической зоны жителей поселков неолита и бронзового века, расположенных

по краю боровой террасы, оказывались ресурсные возможности низкой заболоченной поймы и относительно возвышенной облесенной террасы. Фито- и зоомасса этих экосистем принципиально разная, но крайне выгодная при различных стратегиях пищевого обеспечения. Безусловные преимущества контроль двух соседних экосистем давал при ведении сельского хозяйства. Сочетаемость вдоль кромки боровой террасы потенциала двух экотопов привела к тому, что в ряде мест здесь образовалась почти сплошная полоса разновременного культурного слоя. Близкая ситуация отмечается и на правобережье Северского Донца, по крайней мере, в его среднем течении. Здесь также заселялись практически все удобные для поселенческой эксплуатации террасовые площадки различной, правда, высоты [Колесник, Давыденко, 2008]. Видимо, в основе концентрации разновременных памятников археологии вдоль склона правого коренного берега Северского Донца также лежат указанные выше экологические причины, которые допол-нялись явными ландшафтными преимуществами — наличием по соседству высокого (до 100 м) крутого склона. Крутые склоны долины обеспечивали, во-первых, круглогодичную защиту долговременного поселка от ветровых потоков. Во-вторых, в случаях с развитой системой землепользования в раннем средневековья (возможно, раньше) на прилегающих высоких участках края долины реки устраивались военные форты (например, Теплинское городище), препятствующие неконтролируемому доступу к поселениям в долине. Установленная закономерность размещения разновременных памятников археологии вдоль края террас долины Северского Донца имеет высокое прогностическое значение. При этом высота потенциально удобных для заселения террас различная для левого и правого берега реки. Наличие остатков большого количества хуторов Нового времени вдоль края указанных правобережных и левобережных террас говорит о стабильности ландшафтов на этих элементах рельефа, начиная со времени раннего голоценового оптимума и вплоть до исторической современности. Примечательно, что выявленная густая цепь позднейших хуторов полностью накладывается на систему археологических памятников, а в ряде случаев превосходит ее, что требует своего объяснения. Диахронные модели землепользования и их зависимость от ритмических колебаний климата — отдельное направление междисциплинарного научного поиска.

На основании разведок Н.В. Сибилева и отрывочного описания

открытых им памятников мы можем составить синхронную характеристику культурных слоев поселений по состоянию на 20-30-е гг. и сравнить ее с современным состоянием. Судя по достаточно точным наблюдениям Н.В. Сибилева, он застал дюнные памятники в фазе активной поверхностной эрозии. Эоловая (воздушная, ветреная) деформация песчаных поверхностей — постоянный процесс, интенсивность которого зависит от общеклиматических факторов. Решающую роль при этом играет состояние воздушных масс и степень закрепленности (задернованности) поверхности. Скорее всего, активное естественное разрушение культурных слоев и культуросодержащих горизонтов дюнных стоянок и поселений в 20-30-е гг. прошлого века и, соответственно, массовое обнажение культурных остатков — одна из причин столь обильных и эффектных сборов подъемного материала. В то время произошел своеобразный выплеск материалов культурных слоев на дневную поверхность, которым очень удачно воспользовался грамотный археологический разведчик. Та же ситуация отмечается и на правобережье Северского Донца. Со слов Н.В. Сибилева, Вторая Шаруканьская и Пришибские стоянки были найдены в обнажении берегового склона Северского Донца [Сибилев, 1944]; сейчас эти участки скрыты осыпью и даже частично облесены. Возможно, именно активной эрозией склонов и поверхностей объясняется массовое поступление в то время в Изюмский и Святогорский музеи эффектных археологических и палеонтологических находок, поступавших от случайных информаторов. Поступление случайных находок — один из важных источников формирования музейных фондов [Колесник, 1992]. Если говорить о «скорости» этого процесса, то в 20-30-е гг. XX века в Подонцовье наблюдалась его явная акселерация. Николай Викентьевич как археолог-практик прекрасно осознавал зависимость состояния культурного слоя от геологических факторов и тем самым предвосхитил одно из направлений современной археологии — археологическую тафономию. Между прочим, очередная фаза активизации поверхностной эрозии имела место в 70-80-е гг. прошлого века, и это привело к выявлению (по крайней мере, в Донбассе) по следам разрушенных культурных слоев многочисленных поселенческих памятников, которые сейчас, по прошествии 20-30 лет, уже нередко с трудном распознаются по внешним признакам либо вообще не идентифицируются. Поверхностная эрозия — многофакторный процесс, во многом за-

висящий от климатической фазы и неотектонических процессов. Локальные орографические колебания земной поверхности со знаками «+» или «-» приводят к активизации или, наоборот, затуханию эрозионных процессов за счет колебания базиса эрозии. Похоже, в настоящее время происходит опускание тектонической платформы под бассейном Северского Донца.

Археологическая тафономия базируется на постулате о постоянной изменчивости культурного слоя, выраженной в стадиальных формах — от собственно культурного слоя до деформированного в разной степени культуросодержащего горизонта [Колесник, 2003]. Наиболее существенное разрушение культурного слоя было связано с различными постгенетическими процессами, среди которых различают версии криотурбации, биотурбации и педотурбации (процессы почвообразования). Поверхности песчаных гряд дополнительно подвергались активной эоловой и геохимической переработке. Геохимическая переработка культурных остатков, заключенных в песке и супеси, приводила к практически полному уничтожению всех форм органических остатков в минеральных отложениях. Таким образом, в наше время широко обсуждается тема постгенетической деформации культурного слоя стоянок и поселений, интуитивно поднятая Сибилевым на примере эоловой деформации песчаных дюн с голоценовыми культурными слоями и культуросодержащими горизонтами Подонцовья [Сибилев, 1944].

Следующей важной проблемой, поднятой Н.В. Сибилевым в отчетах и научных изданиях, является деление стоянок на микролитические и макролитические. Эти термины были выработаны в европейской науке в конце XIX века и, возможно, были «подсказаны» Н.В. Сибилеву П.П. Ефименко во время их плодотворной встречи в 1923 г. В это время П.П. Ефименко уже был признанным классиком советской науки о каменном веке.

Проблема «микролитических» и «макролитических» памятников имеет два контекста — хронологический и функциональный. Хронологический контекст был установлен достаточно давно в основном работами Д.Я. Телегина и А.Ф. Горелика, а также Н.С. Котовой и С.М. Дегерменджи. При общей связи с местным мезонеолитом памятники первого типа ассоциируются с поздним мезолитом «донецкого» типа, а памятники второго типа — с неолитическими памятниками «днепро-донецкого» типа. Функциональный контекст такого деления в последнее время получает новое

осмысление в связи с пристальным вниманием к проблеме неоэнеолитического кремнеобрабатывающего производства. Сейчас становится ясным, т.н. «макролитические» стоянки, в основном это кремнеобрабатывающие мастерские у выходом кремневого сырья. Донбасс уже в позднем каменном веке сформировался как крупный европейский центр кремнедобычи и кремнеобработки, то есть экономическая специфика Донбасса имеет глубокие исторические предпосылки.

Следует сказать, что к настоящему времени окончательно еще не выявлены все открытые и исследованные им непосредственно перед войной палеолитические стоянки [Сибилев, 1944]. Идентифицированы пока только 1-я и 2-я Шаруканьские стоянки [Колесник, Коваль, Давыденко, 2008]. В районе сс. Синичино и Каменка, скорее всего, [Снежко, 1990; Сніжко, 2008], найдены другие стоянки (см. статью И.А. Снежко в наст. сборнике). Местонахождение Дроновской, Пристенской, Пришибской и некоторых других стоянок пока не восстановлено. В наши дни продолжается дискуссия по поводу отождествления Теплинского городища с летописным средневековым городом Шарукань [Давыденко, Хозин, Пирожак, 2006]. Активно дискутируется поднятая Сибилевым [Сібільов, 1950] реконструкция похода князя Игоря на половцев в 1185г.

Иными словами, научное наследие Н.В. Сибилева прочно интегрировано в современную общую и региональную археологическую проблематику, что еще раз подчеркивает уникальность его личности.

Список учтенных опубликованных работ Н.В. Сибилева:

1. Сибилев Н.В. Городища, валы и доисторические стоянки в пределах Изюмского уезда // Труды экспедиции для изучения Изюмского края под руководством профессора А.С. Федоровского. Изюм, 1923.
2. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины, вып. I. Изюм, 1926-а. 10 с., 40 табл.
3. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926-б. 20 с., 8 табл., карт.
4. Сибилев Н.В. Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 г // Изюм, 1927. 37 с.
5. Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини, вип. III. Ізюм, 1928. 19 с., 62 табл.
6. Сибилев Н.В. Очерки по доистории и истории Изюмского края. Вып. 1 // Далекое прошлое Изюма. Окрнаросвіта Ізюмщини, Ізюмський окружній музей. Изюм, 1928. С.1-5.
7. Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини, вип. IV. Ізюм, 1930. 28 с., 84 табл.
8. Сібільов М.В. Фалари Ізюмщини // Хроніка археології та мистецтва. К., 1930, №2. С.36-37.
9. Сибилев Н.В. Археологические разведки в районе новостроек // Советская этнография, №3, 1935-а. С.108-115.
10. Сибилев Н.В. Артемогорский краеведческий музей // Советская этнография, №3, 1935-б. С.119-121.
11. Сибилев Н.В. Археологические исследования краеведческих музеев // Советский музей, 1936, №3. С.33-37.
12. Сибилев Н.В. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам // СА, 1940-а, IV 5. С.
13. Сибилев Н.В. Микролитические стоянки бассейна р. Донца // БКИЧП, №6-7. 1940-б. С.69-70.
14. Сібільов М.В. Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця // Наукові Записки Інституту історії і археології України, кн. 2. К., 1944. С.29-37.
15. Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського // Археологія, т. IV. К., 1950. С.99-112.

Список учтенных опубликованных работ С.Н. Одинцовой:

1. Одинцова С.Н. Гончарство Изюмщины // Изюмщина. Изюм, 1930.
2. Одинцова С.М. Розвідка археологічних пам'яток на Сіверському Дінці в 1948 р. // Археологічни пам'ятки України, т. IV, 1952. С.157-162.
3. Одинцова С.Н. Клады кремневых изделий из с. Гончаровка // КСИА АН УССР, вып. 6. 1956. С.43-46.

Список учтенных работ о Н.В. Сибилеве и С.Н. Одинцовой:

1. Анопченко Н.С. З історії музейної справи Ізюмщини // Матеріали VIII Всеукраїнської наукової конференції «Історичне краєзнавство і культура». Харків, 1997.
2. Дєдов В.Н. Вчений-подвижник // «Комуніст», №39 від 10 березня 1982 р.
3. Дедов В.Н., Давыденко В.В. Утраченная коллекция из собраний Н.В. Сибилева (к вопросу о судьбе довоенного Святогорского краеведческого музея) // Святогірський альманах 2008. Донецьк, 2008. С.56-70.
4. Косиков В.А. Сибилев Н.В. // История исследования археологических памятников Донбасса. Донецк, 2001. С.26-31.
5. Кононенко Ж.А., Косикова Е.В. Археологкраевед Николай Викентьевич Сибилев (1873-1943 гг.) // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1993. С.5-23.
6. Мілкін К. Дослідник Слобожанщини // Ізюмщина. Краєзнавча збірка — вип. 1. Ізюм, 2000. С. 4-12.
7. Пряхин А.Д. История советской археологии. Воронеж. Издательство Воронежского университета. 1986. С. 17, 41, 42, 87, 210, 239, 273, 276, 284.
8. Сніжко Матеріали М.В. Сібільова в фондах Харківського історичного музею // Проблеми історії та археології України. Харків, 2008. С. 19-20.
9. Сніжко І.А. Архівна спадщина М.В. Сібільова // Древности 2009. Харків, 2009. С.300-304.
10. Татаринов С.И. Неизвестные письма Н.В. Сибилева к В.А. Городцову // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукранської наук.-практ. конф. Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С.140 — 142.

11. Спицын А. Донецкий неолит // Изв. Центрального бюро краеведения, 1927. №5.
12. Федоровський О.С. Ізюмський музей // Суспільно-політичний журнал «Червоний шлях», №13. Харків, 1923.
13. Цвейбель Д.С. Рассказы о каменном веке // Неизвестное об известном: краеведческие очерки. Донецк, 1978. С. 37.
14. Цвейбель Д.С. Дослідник минулого Донбасу М.В. Сібільов (до 100-річчя від дня народження) // УІЖ, №2. 1973. С. 132-134.
15. Цвейбель Д.С. Н.В. Сибилев — исследователь каменного века Донетчины // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и использования памятников археологии Донбасса». Донецк, 1987. С.12-14.
16. Цвейбель Д.С. Николай Викентьевич Сибилев (Из истории изучения древнейшего прошлого Донбасса) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукранської наук.-практ. конф. Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С.242 — 252.

Литература

1. **Давыденко В.В., Хозин С.Р., Пирожак В.В.** Фортификация Теплинского городища на Северском Донце // Святогірський альманах, 2006. Донецьк, 2006. С. 5-18.
2. **Ковалева И.Ф.** Очерки древнейшей истории племен Степной Украины (по материалам ДнепроГЭС экспедиции НКПроса УССР 1927-1932 гг.). Учебное пособие. Днепропетровск, 1980. 71 с.
3. **Колесник А.В., Вотякова О.Л. Герасименко Н.П., Снежко И.А.** Новая позднепалеолитическая мастерская в ур. Выдыхиха на Северском Донце (предварительное сообщение) // Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль). К., 2008. С.27-35.
4. **Колесник А.В., Давыденко В.В.** Разведки памятников археологии в Подонцовье в 2008 г. // Святогірський альманах 2008. Донецьк, 2008. С.28-38.
5. **Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Давыденко В.В.** Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская «Шарукань» на Северском Донце // Святогірський альманах 2007. Донецьк, 2007. С.24-34.

6. **Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Давыденко В.В.** Позднепалеолитическая кременеобрабатывающая мастерская в Теплинском лесу (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах, №19. Донецк, 2008. С.201-210.
7. **Снежко И.А.** Раскопки стоянки позднего палеолита у с. Синичино на юге Харьковской области // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. Луганск, 1990. С.37-38.
8. **Снежко І.А.** Нові пам'ятки кам'яного віку на Харківщині // Археологический альманах, вып. 19. Донецк, 2008. С.211-216.
9. **Телегін Д.Я.** Мезолітичні пам'ятки України. К., 1982.
10. **Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И.** Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА №1, 1961.
11. **Фахрутдинов Р.Г.** О столице домонгольской Булгарии // СА №2, 1974. С.131-143.
12. **Цвейбель Д.С.** Микола Омельянович Макаренко, До 40-риччя відкриття Маріупольского могильника // УІЖ, №8, 1978. С.128-130.
13. **Цвейбель Д.С.** К биографии Н.Е. Макаренко // Тез. докл. обл. научн.-практ. семинара «Проблемы охраны и использования памятников археологии Донбасса». Донецк, 1989. С.62-65.

●

Соляник А.А.

Материалы о деятельности Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой в фондах Святогорского историко-архитектурного заповедника

В апреле 2009 года исполнилось 75 лет с того момента как известный украинский археолог Н.В. Сибилев (1873 — 1943) совместно с С.Н. Одинцовой (1876—1960) оставили г.Изюм, созданный ими краеведческий музей и переехали в Святогорск, откликнувшись на приглашение администрации I-го Всеукраинского Дома отдыха им. Артёма. В том же, 1934 году был официально создан краеведческий музей в одном из корпусов крупнейшей здравницы Донбасса. В публикациях того времени Святогорский музей иногда именовался Артемогорским.[Сибилев,1935]. Директором этого музея была назначена С.Н. Одинцова, а его научным консультантом — Н.В.Сибилёв. Святогорский музей был основан на базе археологической коллекции и экпозиции выставки, созданной Сибилёвым ещё в 1933 году. При организации музея в его фонды поступила некоторая часть экспонатов из Изюмского окружного музея. Музей успешно работал и пополнял свою коллекцию за счёт ежегодных археологических разведок и раскопок Н.В. Сибилёва вплоть до осени 1941 года. В научном архиве Института археологии НАН Украины сохранился план полевых исследований Н.В.Сибилёва на июльавгуст 1941 года, в котором дословно записано: «Насколько позволят военные обстоятельства продолжатся поиски новых палеолитических стоянок и углублённые исследования уже открытых. Будет обрабатываться и передаваться Святогорскому музею раскопочный материал Миньевской стоянки и подъёмный материал с разных стоянок.» [НА ИА НАНУ, ф.4, №23, с.8.]

Судьба этого музея оказалась непростой. Он был полностью демонтирован в годы фашистской оккупации, а его коллекция частично была расхищена, частично утрачена во время неудачной эвакуации 1942 года, частично вывезена в г. Уфа в 1943 году, частично спрятана (закопана) Сибилевым в пос. Банное (левобережная часть Святогорска). Последняя была открыта с участием автора настоящей заметки в ноябре 2008 г. [Дедов, Давыденко, 2008] и представлена публично в 2009 году на выставке «Археологическая коллекция Н.В. Сибилёва».

Неудивительно, что изучение научной и организационной деятель-

ности Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой на основе документальных материалов занимает важное место в работе заповедника и, в частности, его отдела « исторический музей». В результате целенаправленной работы по данному направлению накопился небольшой, но содержательный фонд документов и материалов, анализу которого посвящена настоящая заметка.

Значительную часть этого фонда составляет архивное собрание Д.С. Цвейбель. Часть материалов была передана в Святогорск непосредственно самой Д.С. Цвейбель при ее жизни, часть поступила от преподавателя ДонНУ Колесника А.В. «Фонд Сибилева» включает также независимые сборы сотрудников музея.

Доротея Самойловна Цвейбель (1917-1990) [Косиков, 2001] длительное время целенаправленно занималась сбором документов и биографической информации о Н.В. Сибилеве и С.Н. Одинцовой. С этой целью она встречалась с родственниками Н.В. Сибилева и других археологов, работала в архивах различных учреждений Украины и России. Наиболее интересные оригинальные материалы поступили к ней от Елены Николаевны Екимовой — вдовы известного донецкого археолога и краеведа В.М. Евсеева. Виктор Михайлович Евсеев (1912-1955), как и Н.В. Сибилев, активно занимался археологией края и музейным строительством [Колесник. Полидович, 2000]. У Е.Н. Екимовой долго сохранялась уникальная археологическая библиотека с раритетными изданиями конца XIX - первой половины XX вв. (В.М. Евсеев был известным библиофилом), и значительный личный архив В.М. Евсеева. В этом архиве находился оригинальный фотоальбом 1936 г., составленный, видимо, В.М. Евсеевым во время его целенаправленной поездки в Славянск — Святогорск — Изюм. Несколько фотографий передают вид экспозиций в музеях Дома отдыха им. Артема и в г. Изюма. Не вызывает сомнений, что в экспозиции Изюмского музея находился знаменитый Гончаровский клад энеолитических кремневых изделий, найденный в 20-е годы прошлого столетия. [Одинцова, 1956]. В 1943 г. этот клад в составе «академической» коллекции Изюмского и Святогорского музеев был доставлен в Уфу, где в то время находился эвакуированный Институт археологии, затем последовал в Москву и вернулся в Украину. Часть материалов вернулась в Изюм, часть, в том числе Гончаровский клад, осталась в Киеве в фондах Института археологии Академии наук Украины, где по свидетельству донецкого исследователя А.В. Колесника, сохраняется

до наших дней.

Не менее интересна довольно качественная фотофиксация экс-позиции «Артемогорского музея» с отдельными фрагментами и экспонатами, а также художественным оформлением, довольно типичным для того времени.

В последующем В.М. Евсеев и Н.В. Сибилев поддерживали теплые отношения. В 1937 г. Н.В. Сибилев адресовал В.М. Евсееву коллекцию своих опубликованных научных работ, в том числе все четыре выпуска «Древностей Изюмщины». Эти работы лично правлены рукой Н.В. Сибилева (коегде карандашом и чернилами уточнен масштаб), снабжены дарственными надписями, датированными мартом 1937 г. Три тома сшиты вместе, видимо, уже самим В.М. Евсеевым и снабжены переплетом. Альбом рисунков III-го тома переплетен отдельно. В монографии А.Д. Пряхина, посвященной истории советской археологии, «Древности Изюмщины» упоминаются в одном ряду с крупнейшими довоенными советскими археологическими изданиями [Пряхин, 1986, с. 284]. Предположительно это единственный полный экземпляр «Древностей» в Донецкой области.

В конце 60-х или в начале 70-х гг. Д.С. Цвейбель смогла разыскать дочь В.Н. Сибилева — З.Н. Сибилеву. Та несколько лет ухаживала за С.Н. Одинцовой, и после ее кончины получила небольшой личный архив. Из этого архива в фонды Святогорского историко-архитектурного заповедника, в конечном счете, попали оригинальные фотографии Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой «паспортного» типа, автобиография С.Н. Одинцовой, датированная 1943 г., рукописная тетрадь с копиями докладных записок Н.В. Сибилева в различные инстанции, личные воспоминания С.Н. Одинцовой и некоторые другие документы и материалы.

Приблизительно в то же время Д.С. Цвейбель детально обработала все документальные материалы, хранящиеся в научном архиве Института археологии Академии наук Украины. Основное количество документов было сосредоточено в фонде №5 Рукописного (на то время) отдела архива ВУАК (Всеукраинский Археологический Комитет, действовал в качестве центральной республиканской организации с 1924 по 1933 гг. [Шовкопляс, 1969, с. XIV-XVIII]). В числе этих документов — докладные записки, заявки на Открытый Лист, научные отчеты, автобиография, рукописи статей и научных докладов, программы конференций с участием Н.В. Сибилева, ко-

пии писем, финансовые запросы, оригиналы нескольких статей, некролог и некоторые другие. Выписки из архивных документов с комментариями Д.С. Цвейбель представляют самостоятельную ценность в плане истории науки, поэтому включены в «фонд Сибилева» в качестве отдельной единицы хранения. Эти биографические исследования реализовались в небольшой серии статей [Цвейбель, 1973, 1987.], причём, часть материалов была опубликована по инициативе заповедника уже после смерти Д. С. Цвейбель [Цвейбель, 2005]

В состав фонда вошли и другие архивные материалы, принадлежащие авторству Н.В.Сибилева и С.Н.Одинцовой, среди которых непреходящее научное значение имеют копии учётных карточек на памятники археологии, открытые Сибилевым в Подонцовье.

В 1973 г. в стенах Донецкого государственного университета состоялась юбилейная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н.В. Сибилева. Это событие документировано двумя оригинальными фотографиями .

Таким образом, фонд Святогорского историко-архитектурного заповедника располагает разнообразными материалами биографического характера о Н.В.Сибилёве и С.Н.Одинцовой, их научной деятельности и организационной работе по созданию музейных коллекций в Изюме и Святогорске, их спасению в годы военного лихолетья. Эти материалы дают возможность изучать и пропагандировать научное наследие Н.В. Сибилева и С.Н. Одинцовой, в том числе средствами музейной экспозиции. Большая их часть представлена на выставке «Археологическая коллекция Н.В.Сибильова», экспонируемой в выставочном зале Святогорского историко – архитектурного заповедника (корпус № 20) и экспозиции исторического музея заповедника в корпусе № 6.

Литература

1. **Дедов В.Н., Давыденко В.В.** Утраченная коллекция из собраний Н.В. Сибилева (к вопросу о судьбе довоенного Святогорского краеведческого музея) // Святогірський альманах 2008. -Донецьк, 2008. С.56-70.
2. **Колесник А.В., Полидович Ю.Б.** В.М. Евсеев — ученый и музейный работник // Літопис Донбасу. Вип.8.- Донецьк. 2000. С.3-7.
3. **Косиков В.А.** История исследования археологических памятников Донбасса.- Донецк, 2001.
4. **Одинцова С.Н.** Клады кремневых изделий из с. Гончаровка // КСИА АН УССР, вып. 6. 1956. С.43-46.
5. **Пряхин А.Д.** История советской археологии .- Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1986. 285 с.
6. **Сибилев Н.В.** Артемогорский краеведческий музей // Советская этнография, №3, 1935. С.119-121.
7. **Сніжко І.А.** Архівна спадщина М.В. Сібільова // Древности 2009. -Харків, 2009. С.300-304.
8. **Шовкопляс І. Г.** Розвиток радянської археології на Україні.- К., 1969.
9. Цвейбель Д.С. Дослідник минулого Донбасу М.В. Сібільов (до 100-річчя від дня народження) // УІЖ, №2. 1973. С. 132-134.
10. **Цвейбель Д.С.** Н.В. Сибилев — исследователь каменного века Донетчины // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и использования памятников археологии Донбасса». Донецк, 1987. С.12-14.
11. **Цвейбель Д.С.** Николай Викентьевич Сибилев (Из истории изучения древнейшего прошлого Донбасса) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукранської наук.-практ. конф.- Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С.242-252.

●

Шарабан С.С.
Мушка Е.О.

Археологічна колекція М.В. Сібільова в фондах Святогірського історико--архітектурного заповідника.

В листопаді 2008 року до фондів заповідника надійшла археологічна колекція з довоєнних зібрань М.В.Сібільова, знайдена в результаті науково-пошукових робіт в м.Святогірську [Дедов В.Н.,Давыденко В.В.,2008]. Протягом 2009 року науково-фондовим відділом заповідника була проведена попередня систематизація колекції за ознаками місць походження предметів (населених пунктів, де був зібраний археологічний матеріал) на підставі залишків написів на предметах довоєнного часу.

Крім того була проведена атрибутація груп знахідок за видами, функціональним призначенням, періодизацією (датування). Консультативна допомога при проведенні систематизації колекції здійснювалась фахівцями Донецького національного університету (к.і.н. Колесник А.В.).

Крім вказаної групи предметів до роботи по виявленню експонатів, що належали (або вірогідно належали) до зібрання довоєнного Святогірського краєзнавчого музею були залучені музейні предмети з фондів заповідника, шо надійшли з кабінету історії Баннівської середньої школи на початку 80-х рр. XX ст. або від мешканців Святогірська.

Триває робота по детальній науковій обробці колекції М.В.Сібільва з метою видання каталогу. Разом з тим, вже зараз можна оприлюднити перші результати щодо кількісного і якісного складу музейної колекції, яка походить з довоєнних зібрань М.В.Сібільова і зберігається в фондах заповідника. Систематизована інформація про археологічній матеріал, що надійшов до фондів і склав основу виставки «Археологічна колекція М.В.Сібільова» наведений авторами в формі таблиці.

І. Залишки археологічної колекції М.В. Сібільова, що знайдені в м. Святогірську в 2008р.

Найменування предметів, місце знахідки, періодизація(датування) Кількість(шт.)		
І.1. Археологічні знахідки з пам'ятки «Петровське-10» (Ізюмський р-н)		
Скол	Мезоліт-неоліт	8
Сколи реберчасті	Мезоліт-неоліт	24
Скол з сокирки	Мезоліт-неоліт	1
Сколи підживлення сокирок	Мезоліт-неоліт	3
Сколи підживлення площин нуклеусів	Мезоліт-неоліт	3
Вістря	Мезоліт-неоліт	2
Нуклеуси	Мезоліт-неоліт	14
Різцевидне знаряддя	Мезоліт-неоліт	27
Скребки	Мезоліт-неоліт	75
Вироби індивідуальних форм	Мезоліт-неоліт	13
Відщепи	Мезоліт-неоліт	67
Відщепи різцові	Мезоліт-неоліт	16
Пластини, мікро пластини	Мезоліт-неоліт	426
Фрагменти кераміки	Мезоліт-неоліт	9
Всього по пам'ятнику «Петровське–10» 688		
І.2. Археологічні знахідки з пам'ятки «Петровське-28» (Ізюмський р-н)		
Скребки	Мезоліт-неоліт	119
Різцевидні знаряддя	Мезоліт-неоліт	36

Різцові вироби	Мезоліт-неоліт	19
Вироби індивідуальних форм	Мезоліт-неоліт	51
Мікроліти	Мезоліт-неоліт	14
Пластини, мікропластини	Мезоліт-неоліт	1071
Нуклеуси	Мезоліт-неоліт	63
Скол пластинчатий	Пізній палеоліт	1
Сколи підживлення сокирок	Мезоліт-неоліт	6
Сколи подовжені з нуклеусів	Мезоліт-неоліт	8
Сколи з площин нуклеусів	Мезоліт-неоліт	16
Сколи з нуклеусів	Мезоліт-неоліт	5
Сколи	Мезоліт-неоліт	71
Двосторонній виріб	Мезоліт-неоліт	2
Відщепи	Мезоліт-неоліт	27
Відщепи з ретушшю	Мезоліт-неоліт	21
Відщепи різцові	Мезоліт-неоліт	3
Заготовка сокир	Мезоліт-неоліт	1
Фрагменти пластин	Мезоліт-неоліт	3
Пластини з ретушшю	Мезоліт-неоліт	2
Уламок двобічного наконечника	Мезоліт-неоліт	1
Ніж на кременевій плитці	Мезоліт-неоліт	1
Сокирки	Мезоліт-неоліт	2
Всього по пам'ятнику «Петровське–28» 1543		
І.3. Археологічні знахідки з пам'ятки «Зливки-1» (Краснолиман. р-н)		
Сколи	Мезоліт-неоліт	7
Сколи з нуклеусів	Мезоліт-неоліт	3

Сколи підживлення площин нуклеусів	Мезоліт-неоліт	2
Пластини ножевидні	Мезоліт-неоліт	22
Пластини реберчасті	Мезоліт-неоліт	5
Нуклеуси	Мезоліт-неоліт	2
Скребки	Мезоліт-неоліт	11
Скребок різець	Мезоліт-неоліт	1
Скребок кінцевий	Мезоліт-неоліт	1
Вироби індивідуальних форм	Мезоліт-неоліт	3
Всього по пам'ятнику «Зливки-1» 57		
І.4. Археологічні знахідки з пам'ятки «Бондариха» (Ізюмський р-н)		
Сокира різак	Мезоліт-неоліт	2
Сколи підживлення сокирок	Мезоліт-неоліт	5
Сколи підживлення площин нуклеусів	Мезоліт-неоліт	6
Сколи	Мезоліт-неоліт	5
Відщепи	Мезоліт-неоліт	8
Лімас	Мезоліт-неоліт	1
Різцевидні знаряддя	Мезоліт-неоліт	3
Скребки	Мезоліт-неоліт	10
Нуклеуси	Мезоліт-неоліт	6
Пластини	Мезоліт-неоліт	43
Всього по пам'ятнику «Бондариха» 89		
І.5. Археологічні знахідки без позначень пам'ятки.		
Сколи	Мезоліт-неоліт	34
Скребкі кінцеві	Мезоліт-неоліт	24
Скребки	Мезоліт-неоліт	10
Сколи підживлення сокирок	Мезоліт-неоліт	4

Фрагменти ножів	Мезоліт-неоліт	2
Нуклеуси	Мезоліт-неоліт	19
Різці	Мезоліт-неоліт	2
Різцевидне знаряддя	Мезоліт-неоліт	1
Вироби індивідуальних форм	Мезоліт-неоліт	7
Відбійники	Мезоліт-неоліт	6
Сокирки	Мезоліт-неоліт	3
Заготовки для сокирки	Мезоліт-неоліт	6
Пластина з ретушшю	Мезоліт-неоліт	2
Лімас	Неоліт	2
Відщеп з ретушшю	Неоліт	1
Відщепок	Неоліт	1
Наконечники списів.	Мезоліт-неоліт	3
Вістря коси.	Мезоліт-неоліт	1
Рублячи знаряддя	Мезоліт	1
Пластина зубчаста	Мезоліт-неоліт	1
Заготовки біфасів	Мезоліт-неоліт	4
Долотоподібне знаряддя	Неоліт	1
Дископодібне знаряддя.	Мезоліт-неоліт	1
Наконечник стріли	Мезоліт-неоліт	1
Пластини, мікропластини	Мезоліт-неоліт	189
Фрагменти кераміки	Доба міді — бронзи	56
Фрагменти кераміки	Середньовіччя	8
Пести	Доба міді — бронзи	3

Фрагмент тертки	Доба міді — бронзи	1
Тертки	Доба міді — бронзи	3
Конкреція		1
Зуб викопної тварини		1
Рог благородного оленя		1
Фрагмент мушлі		1
Шлак металургійний доба міді-бронзи		1
Фрагмент донця посудини	Середньовіччя	1
Прясельце	Середньовіччя	1
Фішка для гри	Середньовіччя	1
Заготовка сокири молота	Давньоямна культура	1
Сокира —молот	Катакомбна ; Бабинська культури	2
Фрагмент сокири-молота	Катакомбна культура	1
Всього предметів без позначень 409		
1.6. Археологічні знахідки з пам'ятки «Большая Хайловка» (Краснолиманський р-н)		
Скребки	Мезоліт-неоліт	4
1.7. Археологічні знахідки з пам'ятки «Рубцово» (Краснолиманський р-н)		
Зернотёрка	Доба міді — бронзи	1
1.8. Археологічні знахідки з пам'ятки «Ізюм-5»		
Пластини	Мезоліт-неоліт	8
Скребок	Мезоліт-неоліт	1

Вироби індивідуальних форм	Мезоліт-неоліт	2
Заготовка сокирки	Мезоліт-неоліт	1
Всього предметів пам'ятки Ізюм5 12 *Загальна кількістьсть предметів, знайдених в 2008 р. в м.Святогірську 2803*		
II. Окремі предмети, що знаходились в фондах довоєнного Святогірського краєзнавчого музею. Фотофіксація експозиції музею. 1936р.		
Рукоять меча	Стародавня Русь.	1
Лабрис	XVI-XVII ст.	1
Посудина	Катакомбна культура (XVIII-XVI ст. до н.е.)	1
Картина «Рослинний світ мезозойської ери.». Автор невідомий	30-ті рр. 20 ст.	1
Альбом з ілюстраціями Червоноградського будинку відпочинку	1928р.	1
План-схема «Вид меловых пещер Святогорской пустыни»	1911р.	1
Фотофіксація експозицій довоєнного Свято гірського краєзнавчого музею	Альбом 1936р. (18 шт. фото)	1
Всього предметів з музею 7 *Сумарна кількість предметів колекції станом на 1. 01 2010 р.2810*		

Таким чином, попередні результати систематизації археологічної колекції М.В. Сібіольова свідчать, що в Святогірську була знайдена частина довоєнних зборів 1934 — 1941 років з пам'ятників періоду мезоліта-неоліта кам'яного віку та доби міді—бронзи здебільшого Ізюмського («Петровське 10» та « Петровське 28», «Бондариха»), та Краснолиманського («Зливки 1») районів. Абсолютна більшість предметів (55%) загальної кількості припадає на збори з «Петровське 28», чверть колекції — з «Петровське 10», 2% - «Зливки 1»; 3 %

- «Бондариха». Решта (15%) припадає на археологічний матеріал, походження якого встановити не вдалося внаслідок відсутності позначень на предметах або втрат написів під час знаходження колекції в землі понад 65 років (1942 – 2008).

Треба відзначити наявність окремих предметів з позначками «Ізюм – 5», «Большая Хайловка», «Рубцова», але їх кількість визначається одиницями.

Окрему невелику групу (до 1%) складають предмети, що мають довоєнну нумерацію іншої каліграфії, ніж позначки з місць походження, що свідчить про їх належність до довоєнного фонду Святогірського краєзнавчого музею. [Дєдов, Давиденко,2008,с. 65]. Завершення наукової інвентаризації археологічної колекції М.В. Сібільова планується в 2010 році.

Література

1. **Дедов В.М., Давиденко В.В.** Утраченная коллекция из собраний Н.В.Сибилёва // Святогорский альманах 2008. – Донецк, 2008, с.56-70.

Артемогорский краеведческий музей[1]

Краеведческий музей в 1-ом Всеукраинском доме отдыха в Горах Артема (б. Св. Горы), Донецкой области, один из самых молодых советских музеев — он основан 1 января 1933 г. и открыт по инициативе «треугольника» Артемогорского дома[2].

В ближайшем соседстве с домом отдыха находится ряд богатейших в Союзе доисторических поселений, так называемые макролитические и поздненеолитические стоянки; имеется даже «подозрительная по палеолиту» стоянка, есть селища бронзового и раннежелезного века, селища и городища славянские, хазарские, позднекочевнические, татарские и казацкие. Здесь же в XVII ст. возник Святогорский монастырь, бывший в свое время передовым русским форпостом в степи, имевший свою крепостцу, владевший громадными земельными угодьями и большим количеством крестьян. Неподалеку от монастыря находился построенный при Борисе Годунове сильно укрепленный город Цареборисов, принимавший участие в движении Болотникова и имевший в дни названого Димитрия даже своего самозванца — Лжепетра.

Вблизи монастыря проходили татарские Муравский шлях и Изюмская сакма, часто служившие ареной боев с татарами. Позже окружающие монастырь слободы принимали участие в восстании гетмана Брюховецкого. Захватило этот край движение Разина и восстание Булавина. В XVIII в., при Екатерине II, после секуляризации монастырских земель, владения Святогорского монастыря — 27 000 десягин земли и 2000 крепостных крестьян — перешли сначала в собственность казны, а затем — «великолепного князя Тавриды», построившего в Святогорье действительно великолепный дворец. Святогорский монастырь окружали бывшие потемкинские села, где много старинных хат и живы еще до сих пор бывшие крепостные наследников Потемкина, живые «документы» отошед-

[1] *Печатается по: Советская этнография,1935,№5,с.119-121.*

[2] *В 1933 г. в 1-м Всеукраинском доме отдыха им. Артёма была соз-дана выставка краеведческого характера на основе коллекции и методических разработок Изюмского музея. Статус музея эта выставка приобрела в 1934 году после утверждения штата музея и назначения директором С.Н. Одинцовой. Автор настоящей статьи Н.В. Сибилёв работал в музее научным консультантом до 1938года, после чего был принят в штат Института археологии АН УССР на должность старшего научного сотрудника.*

шего в вечность крепостного права. В годы интервенции и гражданской войны окрестности монастыря были свидетелями боев с немцами, революционной борьбы и даже возникновения бутафорской «Независимой Святогорском республики». После закрытия монастыря, в 1922 г., здесь возник дом отдыха.

Небольшой участок края мог дать богатейший материал для стройного рассказа о всех этапах развития человеческого общества, о классовой и революционной борьбе и, наконец, о социалистическом строительстве края. Все это, вместе взятое, давало великолепный материал для организации музея.

К 10 июня 1933 г. при содействии Изюмского музея были открыты отделы доклассового и рабовладельческого общества, а затем в течение полутора года отделы феодализма, капитализма, соцстроительства и, наконец, вводный (геологическое прошлое края).

В витринах экспонаты располагались снабженные надписями и рисунками, поясняющими назначение и способы применения вещей; над витриной в рамках исполненные тушью или акварелью рисунки характеризирующие природу, быт и хозяйство различных стадий общественно-экономических формаций; над всем этим большая картина в красках, отображающая какой-нибудь яркий момент этой эпохи. Некоторые из этих рисунков и картин, например «Цареборисовская крепость», «Монастырская крепостца» и др., написаны лишь после тщательного изучения исторических документов, планов и чертежей, а также исследования уцелевших рвов и валов. Различные объекты соцстроительства даны как в больших (50х60 см) фотокартинах, так и в моделях фабрично-заводских сооружений и т. д.

В процессе обслуживания посетителей музея и в связи с предъявленными ими требованиями были сделаны значительные дополнения. Материал добавлялся и добавляется еще и потому, что на первых порах было представлено только самое необходимое, лишь костяк музея, который постепенно и долго еще будет обрастать экспонатами. Жажда знаний у рабочих Донбасса так велика, требования их так разнообразны, наконец, так безгранична и искренна их благодарность за каждую крупицу полученных в музее знаний, что научным сотрудникам музея приходится, что называется, подтягиваться, сильно работать над собой, над пополнением и расширением своих собственных знаний. По этой же причине музей предполагает дать в своей экспозиции как можно больше: решено

представить историю религий, историю возникновения письмен и книгопечатания, историю искусств, о которых музейным групповодам и без того приходится говорить. Начало этому уже положено, но задуманная работа настолько громадна и ответственна, что потребуется очень много времени, пока она будет закончена.

Многие из шахтеров, по их же словам, в буквальном смысле слова только что «вылезли из-под земли», у себя в Донбассе они иногда слушали доклады и лекции на отображенные в музее темы, но вещевого материала, которому они, собственно, только и верят, никогда не видали. В музее такой материал представлен с максимальной в наших условиях доступностью и понятностью. Рабочие, приезжая в дом отдыха на две недели, а иногда даже и на месяц, могут заняться пополнением своих знаний. Рост этих знаний после посещения музея отдыхающие сами замечают, что и отмечают в книге пожеланий и впечатлений посетителей музея, иной раз прямотаки восторженных.

Артемогорский дом отдыха громадный. В нем с весны до зимы ежедневно находится 2500 отдыхающих, зимой их бывает постоянно 1100 человек, а в течение года пропускается до 50 000 человек. Затем здесь имеются дома отдыха милиции, трудовых коммун НКВД, между прочим Хорошевской, о которой писал А. М. Горький, и учащихся Донбасса. Кроме того, заканчивается постройка новых зданий еще для 500 отдыхающих. Идет также спешная стройка громадных корпусов для только что возникающего дома отдыха служащих Донецкой ж. д. Наконец, в пригороде дома отдыха — с. Банном летом живет много дачников. Весь этот люд перебывает в музее.

Поэтому совершенно необходимо, чтобы Наркомпрос Украины прянял в свое ведение Артемогорский краеведческий музей; тогда последний мог бы вполне стать на ноги и еще шире развернуть культурно-просветительную и, в чем он особенно сейчас нуждается, исследовательскую работу, без которой не может расти и быть сколько-нибудь ценным ни один краеведческий музей. Дело в том, что у Артемогорского музея нет определенного бюджета: он существует и развивается исключительно на средства, выделяемые ему культотделом дома отдыха.

За два года существования Артемогорского музея собран материал о быте колхозников и единоличников. В пределах сумм, отпускавшихся на пополнение музея, приобретены экспонаты, характе-

ризирующие быт помещиков и крестьян в XVIII, XIX и даже XVII столетиях. Собран материал по соцстроительству и революционному движению не только в районе, но и отчасти в Донбассе.

Засняты старые столетние хаты, окрестные помещичьи усадьбы и колхозы, которые там возникли. Засняты коммерческие предприятия бывшего Святогорского монастыря. Засняты памятники революционерам, погибшим здесь во время гражданской войны, Заснят ряд доисторических стоянок, селищ и городищ; собран на последних значительный археологический материал. Собраны сведения о партизанских отрядах, действовавших в окрестностях Святогорья в годы интервенции и гражданской войны. Собраны также сведения об участии Святогорских партизан в походе крестьян с. Красного Оскола, б. г. Цареборисова, на уездный г. Изюм.

За последние два года Артемогорскому музею удалось не только собрать интересные сведения о революционном движении в крае, но и сделать ряд интересных археологических открытий.

Австрийский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, совершивший в 1516—1518 и 1526 гг. путешествие в Польшу и Россию, в оставленных им «Записках о Московии» упомянул вскользь, что по р. Северскому Донцу жили татары, занимавшиеся земледелием и имевшие постоянные жилища. До недавнего времени места оседлости донецких татар не были известны науке. Пишущему эти строки за 15 лет удалось произвести археологические разведки на громадном, почти тысячеверстном, участке Донца от г. Белгорода, Курской области, до г. Каменского Азово-Черноморского края. Здесь им открыто до 300 стоянок, около 70 селищ, городищ и могильников, а затем в пределах УССР он наткнулся на многочисленные следы татар. Последних особенно много в Балаклейском, Изюмском и Петровском районах Харьковской области и Славянском и Красно-Лиманском Донецкой области. Но в то время, как в окрестностях Петровского, Изюма и Балаклеи мы имеем дело, повидимому, со следами кратковременного пребывания татар-кочевников, в Славянском и Краснолиманском районах оседло жили татары-земледельцы. В Петровском, Изюмском и Балаклейском районах встречаются главным образом медные и серебряные золотоордынские монеты, черепки золотоордынских же амфоровидных сосудов, изредка больших хорошо обожженных горшков, ведерца для подвешивания и т. д. В районах же Славянском и Краснолиманском у с. Новоселовки имеются следы значительного поселения, у с. Маяков — крепос-

ти, а у д. Сидоровой громадного (в сто гектаров) укрепленного города; меньших размеров поселения были в ряде других пунктов. Тут кроме фрагментов золотоордынских амфоровидных сосудов и многочисленных черепков больших, хорошо обожженных, горшков с волнистым, ленточным и шнуровым орнаментом валяются прямо на поверхности в большом количестве ручные лепешковидные жернова, железные серпы, пешни, «цапки» или, скорее, тесла, до сих пор, как тесла бытующие у крымских татар, стремена и т. п. вещи. Летом прошлого года попалась очень редкая вещь — фрагмент серебряной или белой бронзы чаши, украшенной конусовидным и арочным орнаментом. Вместе с татарскими вещами на Сидоровском, Маяцком и Новоселковском городищах и у с. Пришиба найдены амфоровидные сосуды, целые и в обломках, залиманско-салтовской культуры, приписываемой алано-хазарам, фрагменты салтовского же типа полированных сосудов и славянские вещи: небольшие горшки с волнистым и шнуровым орнаментом и клеймами на дне, стальной норманский меч с украшенной серебром рукояткой, рукоятки от таких же мечей, стальные наконечники копий и т. п. Славянские и алано-хазарские вещи встречаются по всему течению Донца и его притокам от гг. Луганска и Сталина до границ Курской и Воронежской областей.

Н. *Сибилев*

Свідчення про авторів

1. **Голубєва Ірина Володимирівна** — канд. іст. наук, ст.науковий співробітник ДП ОАСУ «Слобожанська археологічна служба» (м. Харків)
2. **Гриб Володимир Костянтинович** — помічник ректора Донецького інституту автомобільного транспорту (м. Донецьк)
3. **Давиденко Володимир Вікторович** — викладач Краматорського економіко-гуманітарного інституту (м. Краматорськ Донецької обл.)
4. **Дєдов Володимир Миколайович** — директор КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську», засл. працівник культури України (м. Святогірськ Донецької обл.)
5. **Дєдова Ярослава Дмитрівна** — зав. науково-просвітницьким відділом КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл..)
6. **Дутка Ігор Іванович** — канд.тех.наук, доцент, Львівський інсти-

тут новітніх технологій та управління ім.В'ячеславаЧорновола (м. Львів)

7. **Духін Олексій Йосифович** — краєзнавець (м. Слов'янськ)
8. **Кіркач Геннадій Михайлович** - краєзнавець (м. Слов'янськ)
9. **Коваль Юрій Георгійович** — старший науковий співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк)
10. **Колесник Олександр Вікторович** — канд. істор. наук, доцент, Донецький національнальний університет (м. Донецьк)
11. **Кондратьєв Андрій Вікторович** — викладач історії м. Димитров
12. **Кравченко Едуард Євгенійович** — старший науковий співробіт-ник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк)
13. **Лиганова Любов Андріївна** — старший науковий співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк)
14. **Мушка Ельвіра Олександрівна** — молодший науковий співробітник КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл..)
15. **Поляцкова Надія Володимирівна** — канд. хім. наук, головний спеціаліст Державного науково — технологічного центру консервації та реставрації пам'яток «Конрест» (м. Київ)
16. **Сібільов Микола Вікентійович** (1873 — 1943) — директор Ізюмського краєзнавчого музею (1920 — 1934), консультант Святогірського краєзнавчого музею (1934 — 1938), старший науковий співробітник Інституту археології АН УРСР (1938 — 1943)
17. **Снєжко Ірина Анатоліївна** — канд.. істор. наук, старший науко-вий співробітник Харківського історичного музею (м. Харків)
18. .**Соловкін Олексій Олексійович** — краєзнавець (м.Миколаївка Донецької обл.)
19. **Соляник Ганна Анатоліївна** — зав. відділом «історичний музей» КЗ «Державний історико- архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.)
20. **Татаринов Сергій Йосипович** — канд. істор. наук, доктор філо-софії, керівник Бахмутського регіонального відділення Центру пам'яткознавства УТОПІіК, НАН України (м.Артемівськ Донецької обл.)
21. **Філіпов Олександр Петрович** — краєзнавець (м. Константинівка Донецької обл.)
22. **Шалаєва Наталія Григорівна** — старший науковий співробітник КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.)
23. **Шамрай Анатолій Васильович** - старший науковий співробіт-ник Слов'янського краєзнавчого музею (м. Слов'янськ Донецької обл.)
24. **Шарабан Світлана Сергіївна** - головний зберігач фондів КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.)

Наукове видання

Святогірський альманах 2009

Збірка наукових праць

Комп'ютерна верстка
Ковальов В.В.
Оригинал-макет
Гринько В.В.

Підписано до друку 30.12.2009
Формат 60х80/16. Папір офсетний №1.
Гарнітура BalticaCTT. Комбін. друк.
Фіз.-друк. арк. 13,00. Умов. друк.арк. 12.09.
Обл.-вид. арк. 12,29. Зам. № 249
Наклад 300 прим.

Журнал «Донбас»
Донецьк, 83055, вул. Артема, 80а.
Друк ТОВ «РА «Ваш імідж»
Донецьк, 83055, вул. Артема, 80а.
(062) 335-61-37